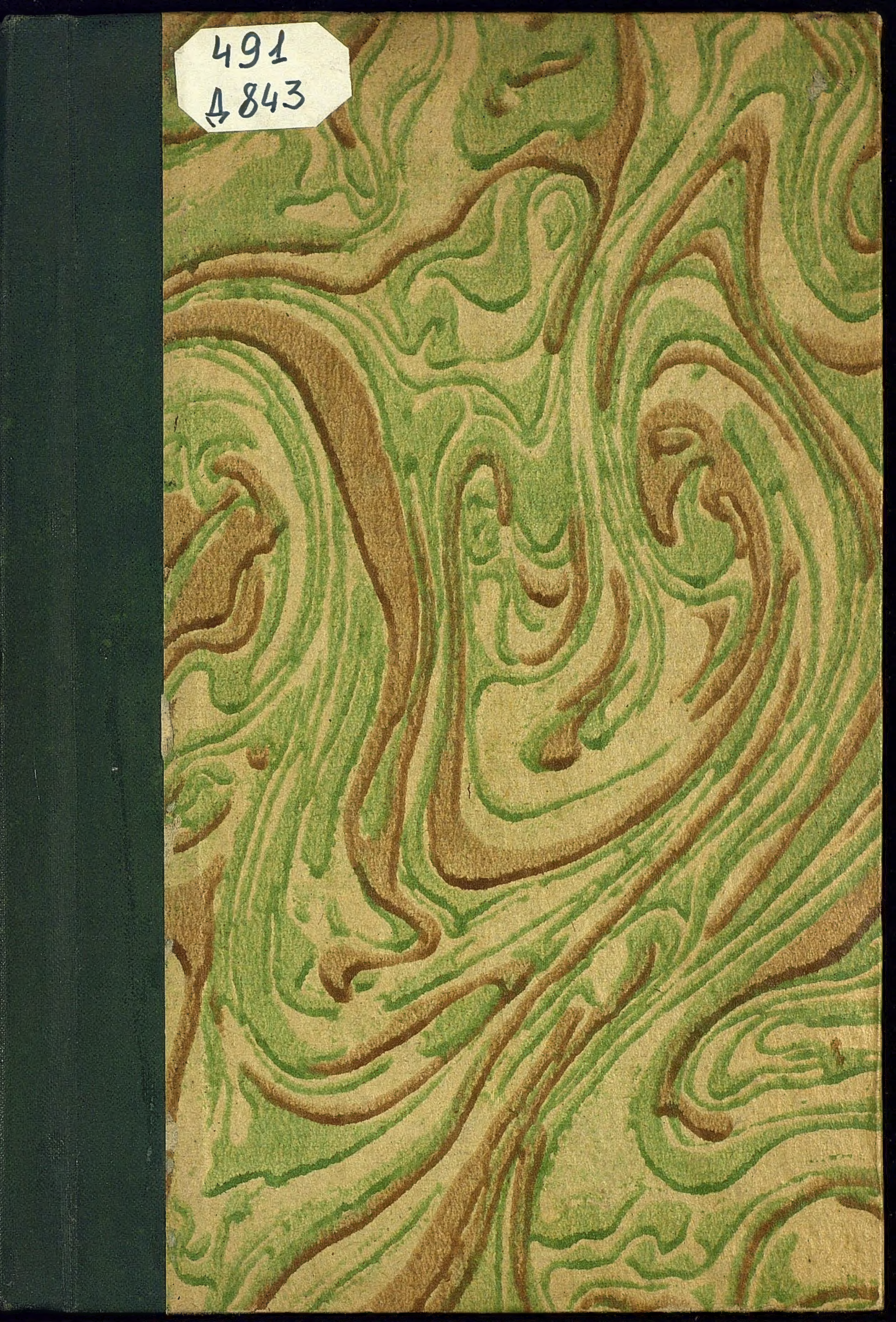
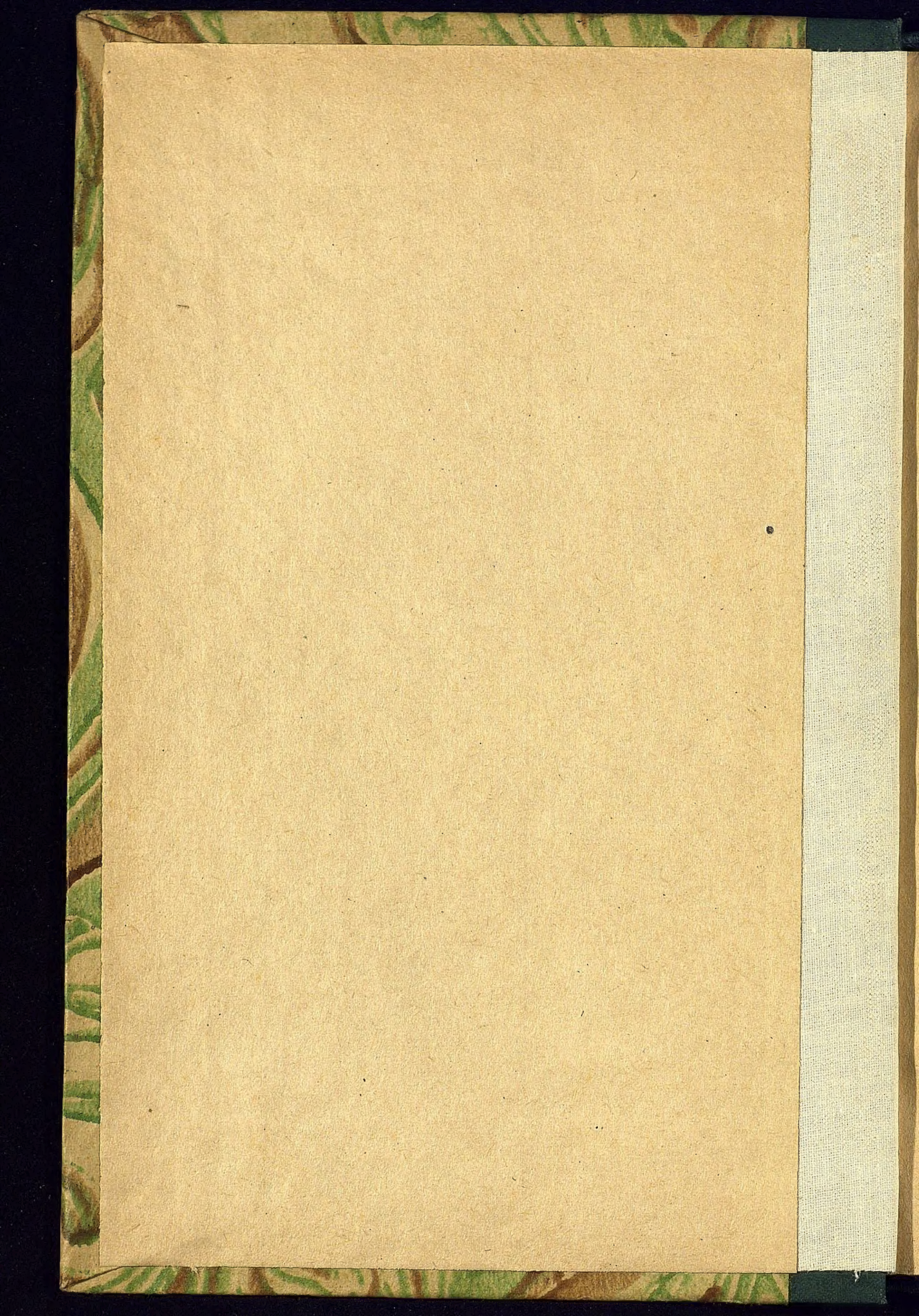
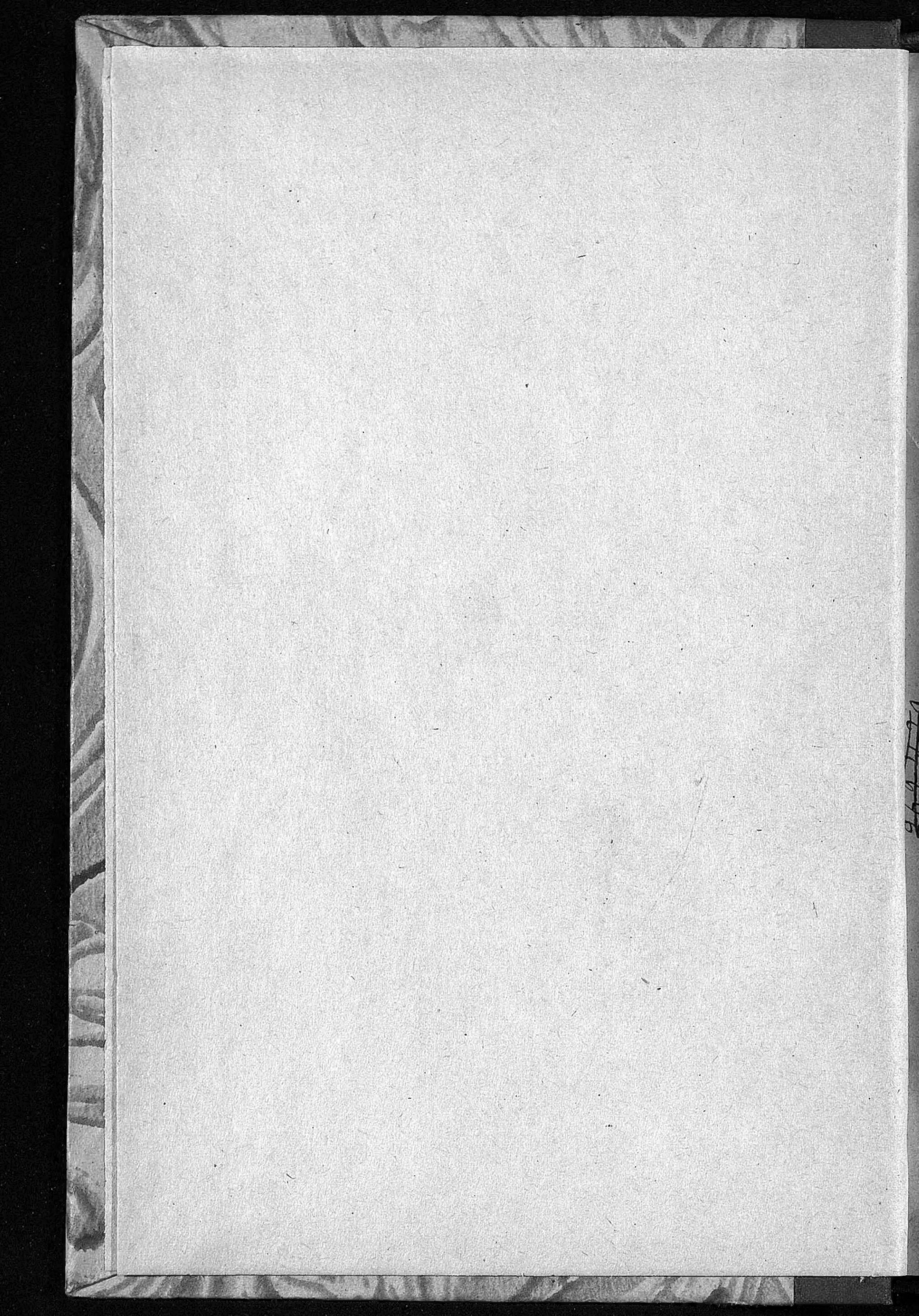

491
Д 843

Н. Дурново и Д. Ушаковъ.
Прив.-доценты Императорскаго Московскаго Университета.

ХРЕСТОМАТІЯ

по

ВЕЛИКОРУССКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Съ приложеніемъ образца литературнаго произношенія и карты.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1910.

Напечатано по постановленію Историко-филологическаго факультета
Императорскаго Московскаго Университета.

Редакторъ О. П. *Романъ Брандтъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Б.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Преподаваніе русскаго языка въ высшей школѣ значительно затруднено недостаткомъ въ учебныхъ пособіяхъ, въ частности, недостаткомъ въ сборникѣ образцовъ народныхъ говоровъ. Пополнить этотъ послѣдній мы и имѣемъ въ виду, выпуская свою хрестоматію.

Въ ней мы ограничились одними великорусскими говорами, какъ наиболѣе намъ извѣстными, признавая весьма желательнымъ появленіе подобныхъ хрестоматій по говорамъ бѣлорусскимъ и малорусскимъ. Мы не отказывались отъ задачи дать возможно полную картину наличнаго состава великорусскихъ говоровъ. Однако, исчерпывающей полноты и въ этихъ предѣлахъ мы не достигли, потому что были въ зависимости и отъ количества и отъ качества имѣющихся записей. Среди обширнаго матеріала опубликованныхъ записей произведеній народнаго творчества и образцовъ народной рѣчи сравнительно немного найдется болѣе или менѣе точныхъ фонетически; наоборотъ, очень многія обезцѣнены примѣненіемъ обычнаго правописанія. Мы предпочли оставить непредставленными немало великорусскихъ мѣстностей и разновидностей говоровъ, чѣмъ помѣщать записи, не отражающія главнѣйшихъ чертъ мѣстнаго произношенія. Такимъ образомъ, съ этою неполнотой приходится мириться поневолѣ; но мы миримся съ нею тѣмъ охотнѣе, что не въ ней мы видимъ главнѣйшую задачу пособія по діалектологіи: въ отличіе отъ учебника или отъ систематическаго сборника описаній говоровъ, хрестоматія, по нашему мнѣнію, имѣетъ самостоятельную задачу— дать достаточное количество матеріала для наблюденій надъ діалектическими различіями въ живомъ языкѣ, для критическаго изученія діалектологическихъ записей и другихъ полезныхъ въ методологическомъ отношеніи работъ.

Матеріалъ взятъ главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ; изъ записей неопубликованныхъ появляются здѣсь впервые

въ печати №№ 28, 57, 79, 86—89, 103, 105, 108, 109, 115, 116, 133, 148.

Печатая нѣкоторые тексты въ сокращеніи, мы, за немногими исключеніями, не отмѣчали пропусковъ, чтобы этими отмѣтками не пестрить безъ всякой пользы текста.

При выборѣ матеріала мы давали первое мѣсто образцамъ разговорной рѣчи; за неимѣніемъ ихъ, мы обращались къ записямъ поэтическихъ произведеній и среди нихъ давали предпочтеніе рѣчи не стихотворной (сказкамъ и т. п.) передъ стихотворною,—конечно, при равныхъ остальныхъ достоинствахъ, и, наконецъ, въ области этой послѣдней, «лирическія» пѣсни и былины предпочитали духовнымъ стихамъ. При этомъ мы руководились тѣми соображеніями, что поэтическій языкъ, вслѣдствіе литературной традиціи, живущей въ немъ, можетъ быть нехарактеренъ ни для какой мѣстности или для мѣстности данной,—вслѣдствіе возможнаго заимствованія произведенія въ цѣломъ изъ другой діалектической области; что же касается рѣчи стихотворной, то она вслѣдствіе размѣра хранитъ традиціонныя или чужія черты еще устойчивѣе, а кромѣ того, здѣсь могутъ быть особенности произношенія, обусловливаемыя исключительно пѣніемъ; наконецъ, въ языкѣ духовнаго эпоса ко всѣмъ этимъ чертамъ прибавляется еще церковно-книжный элементъ.

Чтобы не навязывать преподавателю опредѣленной классификаціи великорусскихъ говоровъ, мы расположили матеріалъ географически, по губерніямъ, начиная съ сѣверныхъ и сгруппировавъ ихъ самымъ общимъ образомъ въ три отдѣла: А) губерніи сѣверно-великорусскія, Б) губерніи съ переходными говорами и В) губерніи южно-великорусскія,—хотя бы въ губерніи, отнесенной въ тотъ или другой отдѣлъ, и встрѣчались говоры, типичные для другого отдѣла (сравн. образцы акающихъ говоровъ въ Казанской губ., отнесенные къ отдѣлу А, и окающихъ въ отдѣлѣ Б). Въ приложеніяхъ даны образцы говора бѣлорусскаго и говора малорусскаго изъ мѣстностей, тѣсно соприкасающихся съ великорусскими, и образецъ литературнаго языка въ московскомъ произношеніи.

Объясненія непонятныхъ словъ даются въ словарѣ и подстрочныхъ примѣчаніяхъ; въ этихъ послѣднихъ мы объясняемъ слова и выраженія, употребленныя въ значеніи необычномъ для литературнаго языка или даже для того говора, въ которомъ записаны,—а также такія, которыя непонятны лишь вслѣдствіе ихъ діалектическа-

го произношенія. Объясненія заимствованы главнымъ образомъ изъ словарей Даля и др., а также изъ словарнаго матеріала, приводимаго наблюдателями въ ихъ статьяхъ о говорахъ.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать нашу благодарность Н. Н. Соколову, Б. М. и Ю. М. Соколовымъ и А. А. Шахматову за доставленіе ненапечатаннаго матеріала, а также Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Московскаго Университета, давшему возможность нашей хрестоматіи появиться въ свѣтъ.

Составители.

Мартъ 1910.

Объясненіе буквъ и другихъ знаковъ.

Признавая полезнымъ для учащихся ознакомленіе съ самимъ различіемъ въ пріемахъ записи (съ этой стороны мы цѣнимъ и малограмотную запись, помѣщенную подъ № 29), мы напечатали тексты въ томъ видѣ, въ какомъ находили ихъ въ нашихъ источникахъ, перенося въ хрестоматію, напримѣръ, чередованіе *роз* и *раз* въ приставкѣ, *-цъ* и *-чъ* въ одной и той же сѣверно-великорусской записи, хотя въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ случаевъ мы и видимъ явную неточность. Надо замѣтить, что вообще большинство наблюдателей въ своихъ записяхъ стараются фонетически передать только тѣ случаи, на которые хотятъ обратить вниманіе или обратили вниманіе сами, передавая другіе обычнымъ орѳографическимъ письмомъ.

Однако, иногда съ цѣлью болѣе послѣдовательнаго обозначенія звуковъ и ихъ свойствъ (въ случаѣ непослѣдовательности въ источникѣ), иногда по соображеніямъ типографскаго удобства, мы допускали нѣкоторыя отступленія отъ написаній источниковъ, съ тѣмъ всегда, конечно, условіемъ, чтобы съ перемѣной написаній не нарушалась точность въ передачѣ фонетическихъ чертъ говора. Если гдѣ-либо такія отступленія остались неоговоренными, или въ примѣчаніяхъ, или въ настоящемъ объясненіи, то только по недосмотру.

Объясненія, относящіяся ко всей хрестоматіи, надо сдѣлать слѣдующія:

˘ надъ гласною обозначаетъ редукцію [1]) звука; такимъ образомъ й (см., напр., въ №№ 58—64, 112) надо отличать отъ ĭ, т.-е. неслогового *и*.

ў послѣ гласной—*у* неслоговое, не послѣ гласной—*у* редуцированное.

---

[1]) Неполноту образованія въ какомъ-либо отношеніи.

i̯—*и* неслоговое.

̥ подъ строкою—слоговое свойство звука.

¯ надъ буквой—долготу звука гласнаго или согласнаго фрикативнаго, а у согласныхъ взрывныхъ обозначаетъ то, что неточно называютъ «удвоеніемъ» согласной.

⁀ надъ нѣсколькими буквами—произношеніе въ одинъ слогъ нѣсколькихъ гласныхъ или слитное.

ö—передній лабіализованный звукъ средняго образованія (сравн. нѣмецк. ö).

ъ—тотъ или иной редуцированный гласный звукъ, обозначенный такъ въ нашихъ источникахъ послѣ твердой согласной.

ь̥—подобный же звукъ послѣ мягкой, обозначенный въ нашихъ источникахъ буквою *ъ* безъ кружка; знакъ введенъ нами (въ №№ 56, 58—65, 110—114 и др.) во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ произойти отъ употребленія одного и того же знака въ двухъ значеніяхъ.

Въ №№ 86—89, 103, 104 и 141 ъ и ь̥ обозначаютъ звуки редуцированные по голосу (полуглухіе или глухіе), при чемъ ъ—средняго ряда средняго образованія, а ь̥—передняго ряда,—можетъ быть, съ передвиженіемъ къ среднему,—верхняго или средняго образованія.

ь—мягкость предшествующаго согласнаго, кромѣ шипящихъ въ концѣ (*-шь* въ 2 л. ед. ч. глаголовъ, *рожь* и т. п.), гдѣ мы сохранили обычный орѳографическій знакъ, если находили его въ источникѣ; этою буквою мы замѣнили также въ №№ 81—84 и нѣк. другія обозначенія мягкости согласныхъ не передъ гласными.

Вслѣдъ за нѣкоторыми нашими источниками мы выбросили всюду *ъ* въ значеніи «твердаго знака», оставивъ его въ значеніи слогораздѣлителя, если онъ въ такомъ значеніи былъ въ источникѣ; однако въ двухъ значеніяхъ: и слогораздѣлителя и гласнаго редуцированнаго (см. выше), *ъ* въ одномъ и томъ же № не встрѣчается.

ʹ надъ буквой—мягкость звука,

˚ » » —полумягкость звука; этими знаками замѣнено обозначеніе мягкости при помощи запятой надъ буквою вездѣ, гдѣ оно было, и полумягкости при помощи точки надъ буквой въ № 141 и подъ буквой въ № 126.

l—«европейское» *л* (напряженное, но не мягкое, сравн. франц. la, lo.

w—*в* чисто-губное (билабіальное) тамъ, гдѣ оно отлично оно губнозубного (буква *в*); буквою w замѣнено v, употребленное въ томъ же значеніи въ нѣкоторыхъ источникахъ (такъ, въ № 110).

γ—*г* фрикативное; этою буквою замѣнены *г* и *h* тамъ, гдѣ мы знали навѣрное, что они обозначаютъ фрикативный звукъ, а именно, *г*—въ №№ 97—102, 104, 106, 107, 115—125, 143 и *h* въ №№ 129—131, 142, 144—146; въ малорусскомъ текстѣ въ томъ же значеніи оставлено *г* (№ 147).

Маленькія ^{w} ^{в} ^{i} надъ строкой—звуки редуцированные;

» ^{ъ} ^{и} » » послѣ согласной—ирраціональные;

» различныя *гласныя при гласныхъ*—акустическую склонность ихъ, напр., е^{i}, о^{у} и т. п.—*е*, склонное къ *и*,—*о*, склонное къ *у* и т. п.; маленькія *i*, *е*, *а*, какъ чаще встрѣчающіяся, введены нами и тамъ, гдѣ (напр., въ №№ 65, 79, 85, 134, 144) въ оригиналѣ были *и*, *э*, *я*

з^{ж}, с^{ш}, ц^{ч}, ч^{ц}, ш^{с}—«шепелеватые» звуки.

ц^{с}, ӵ^{ш}—аффрикаты *ц*, *ч* съ слабо развитымъ взрывнымъ элементомъ (значки надъ *ч* объяснены въ примѣчаніи къ тексту).

д^{з}, т^{с}—аффрикаты *дз*, *ц* съ слабо развитымъ фрикативнымъ элементомъ.

Объясненія, относящіяся лишь къ отдѣльнымъ №№, сдѣланы въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

Въ малорусскомъ текстѣ (№ 147) обычная малорусская ороографія.

Удареніе мы обозначали въ томъ случаѣ, если оно обозначено въ нашихъ источникахъ, при чемъ всюду употребляли одинъ знакъ ′, если сами авторы не отличали различій въ удареніяхъ (сильное и слабое и т. п.); въ остальныхъ случаяхъ сохранены обозначенія источниковъ. Въ пѣсняхъ мы позволили себѣ выкинуть нѣсколько случаевъ обозначенія пѣсеннаго ударенія, такъ какъ эти обозначенія были случайны и могли ввести въ заблужденіе относительно мѣста ударенія непѣсеннаго.

Объясненіе сокращеній.

в.—волость.

г.—губернія или городъ.

д.—деревня.

Ж. Ст.—Живая Старина, періодич. изд. Отдѣленія Этнографіи Импер. Русск. Географич. О-ва СПБ.

Зап.—Записки.

Зеленинъ, Пѣсни—Д. Зеленинъ. Пѣсни деревенской молодежи. Памятн. книжка Вятской г. на 1903 и отдѣльно. Вятка, 1903.

Изв.—Извѣстія.

Изв. 2 Отд.—Извѣстія Отдѣленія (2-го) русскаго яз. и словесн. Импер. Академіи Наукъ. СПБ.

Истоминъ и Д.—Пѣсни русскаго народа. Собраны въ г. Архангельской и Олонецкой въ 1886 г. Записали—слова Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы—Г. О. Дютшъ. СПБ. 1894.

Истоминъ и Л.—Пѣсни русскаго народа. Собраны въ г. Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893. Записали—слова Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы С. М. Ляпуновъ. СПБ. 1899.

Колосовъ. Замѣтки.—М. А. Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. СПБ. 1877. (Изъ Сб. Ак. Н., т. XVII).

Мат. великор.—Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ (печатаются въ Изв. 2 Отд., Сб. Ак. Н. и отдѣльно, выпусками; цифрами нумеруются сообщенія, сдѣланныя на академическія программы для собиранія особенностей говоровъ).

Пам. и обр.—Памятники и образцы народнаго языка и словесности русскихъ и западныхъ славянъ. Издавались при Изв. 2 Отд 1852—1856 г.

р.—рѣка.

Р. Ф. В.—Русскій Филологическій Вѣстникъ. Варшава.

с.—село.

Сб. Ак. Н.—Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и словесн. Импер. Академіи Наукъ. СПБ.

Т. Сл.—Толковый словарь живаго великорусскаго языка.

у.—уѣздъ.

Уч. Зап.—Ученыя Записки.

Этн. Об.—Этнографическое Обозрѣніе. Изд. Этнографическаго отдѣла Импер. О-ва Любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Москва.

Этн. Сб.—Этнографическій Сборникъ. Изд. Импер. Русск. Географич. О-ва. СПБ.

А.

Архангельская г.

Печорскій у.

1. **С. Устьцыльма** (на нижнемъ теченіи р. Печоры при впаденіи въ нее р. Цыльмы).

Маркъ—купецъ богатый.

Запис. Н. Е. Ончуковъ. Сѣверныя сказки. Сборникъ Ончукова 1909. № 28, стр. 85—87.

Был ну́жной хресьенин, у него было шесь сыновье́й. И еще у него родилса семой сын, ночью.

Был Марк богатой, пришла ему сироти́на, попросилась ночевать, Марк и говорит: «У нас народу много, покормить покормим, а спать не́куды».—А я хоть на стол лягу.—Спустили сироти́ну. Стала ночь, сироти́на лежит на столи, человѣк на улицы ревёт: «Господи! Вот у ну́жного человѣка семой сын родилса, каким его счасьём надѣлим?» Сиротина отвѣчат: «Счасьем надѣлить Марка купцом». Начинаетца утро, а этот крык услышала куфарка, в утрях и сказала Марку-купцю. Марк изнаредилса и пошол искать по́ городу, у какого человѣка родилса семой сын. Марк-купец ходил, ходил, нашол бѣнной дворишко и спросил: «У тебя в сею́ ночь хозяйка принеслась-ле?»—Принеслась. Семого сына принесла.—Марк-купец говорит: «Продай мнѣ его».—Купи. А чо дашь?— «А я не знаю чо просишь? Давай, я сто рублей дам». А мужик и рад, за сто рублей и отдал. Марк-купец понёс-бы парни́шечка домой и домой принёс. Живёт парнечо́к день-ле, два-ле, там его до́ржат. Марк-купец здумал ѣхать, велѣл кучеру запрекчи лошедь. Роботник лошедь запрёг, Марк-купец стал поѣжжать. Поѣхали и робёночка с собой взял в повозку. Ѣхали, ѣхали, в лѣс заѣхали.

По лѣсу ѣхали, Марк-купец роботнику и говорит: «Остановись». Тот остановилса, стоит. Марк-купец робёночка и дават: «На, отнеси робёночка, под ель положь». А времё было—зима. Робёночка снёс и уѣхали.

Ѣхал сзади купец. Сидит он в повозки и услышел в стороны писк и говорит: «Стой ямщик!» Ямщик стал. И ямщик учул: робёнок плачёт. «Поди-ко поищи, хто там плачёт». Пошол: под елью робеночёк плачёт, а перед им свѣчка горит. Ямщик взял робёночка и понёс. «Лежит, лягáитця на снѣжку, а перед им свѣцька горит». Купец робёночка взял. Привёз купец робёночка и стал рóстить вмѣсто сына.

Вырос годов до семнаццети, выучилса грамоты, стал дѣтина хорошой, послухмя́нной. Марку-купцу случилось ѣхать к купцу к этому. Пріѣхал, купец его стал чóствовать, а дѣтина живёт кучером, на столы подносит. Марку дѣтина поглянулса, стал он спрашивать. «Откуль у тебя такой? Сын але лакей?» Купец разсказал как было. Марку купцу и в серцо ткнуло. Не говорит ничего, а в умѣ-то думат. «Отдай мнѣ его в принеты́, есь у меня дочи».—Жалко, хорошой дѣтина.—Тот одно што просит. Купец испирáлса, испирáлса, потом оступи́л. Марк-купец стал гумагу писать в свой дом—сам дальше ладит ѣхать торговать,—штобы как придёт дѣтина, штобы как-ле его извели—у его соленой завод—«што-бы до моего прибытія его упрáвили». Повезли дѣтину.

Пріѣжжаёт, отдаваёт хозяйки пакет, хозяйка роспечатала, прочитала, и в письмѣ написано: «До моего прибытія што-бы свадьбу с дочерью доспѣли и обвѣнчали». Ну хозяйка Маркова весёлым пирком да и свадебкой. Живут день, два, быват и недѣлю живут, Марка-купца всё еще нѣту. Марк-купец пріѣхал, хозяйка говорит. «Потьте, молоды, стрѣчайте нá мост». Марк выходит из повозки, и увидѣл: стоит дѣтина и дочи и кланеютца. Марку серцо ткнуло. Зашол в комнату, жону при́звал, на жону сгромѣл: «Што вы это надѣлали? Вѣдь я велѣл его извести, а вы его обвинчели?» Жона гумагу притащыла. «Ты вѣдь это писал, штобы обвинчели. Я невиновата». Марк-купец живёт день-ле, два-ле, уду́мал, пошол на завод—соль у него варят и сказал роботникам: «Вот, ночью, придёт к вам человѣк, дак вы его пихайти в котёл, што-бы он вам не говорил». Пришол домой, призывает зетя. «Вот, зетюшко, сходи посмотри на завод, можот они спят». Тот говорит:—Ланно, ланно,

схожу.—Поужинали с молодкой и нарежаетця идти на завод. «Неси мнѣ обутки, посмотрѣть на завод, можот спят». Молодка и говорит:—Давай, ле́гём, есь у него заводов-то, всѣх не пересмотришь.—«Давай, ложись». Легли спать, а Марку-купцу не спится. Посмотрѣл часы, а тот час, в которой он велѣл походи́ть, прошол ужь; и стал нарежатца, походить. Надёрнулса (круто оболо́кса) и побѣжал. Приходит на завод, к котлу идёт, подбѣжали казаки́, схватили. Он кричит: «Я Марк-купец, я Марк-купец».—Нам показано, хоть хто приди.—И бросили в котёл, тут он и сварилса. Дѣтинѣ весь живот и досталса.

Пи́нежскій у.

2. **Петро́ва Гора** (на лѣв. берегу р. Пи́неги).

Братья-разбойники и ихъ сестра.

Архангельскія былины и историч. пѣсни, собр. А. Д. Григорьевымъ. М. 1904 т. I, № 13 (49), стр. 190—191.

Была жила вдовушка богатенькая.
Да у той было у вдовушки семь сыновей,
Семь сыновей да восьма дочушка,
Восьма́ дочушка да звали Марфушкой.
Перьво́го-то сына вода взела;
Да второго-то сына земля взела;
Ище третьёго-то сына да во салдатушки;
Да цетыре-то сына во розбой ушли,
Они в розбой ушли, стали розбойницети,
Стали розбойницети до подорожницети.
Она выдала дочь да за поморина,
За поморина да за бога́того.
Она год жила, да не брюхатѣла;
На другой-от год стала беременна;
На трете́й-от год да принесла́ сына,
Она стала звать своёго поморина:
«Мы поѣдём, поѣдём, заланной мой,
«Поѣдём, поѣдём в гости к матеньки».

Они день ѣхали, да не доѣхали;
На другой-от день да приставать стали,
Приставать стали они ко берешку,
Они ко берешку они ко крутому;
Вытягать стали да свою лодоцку,
Вытягать стали да ополаскивати.
Да отколь, отколь взелись эти розбойнички,
Откуль взелисе да подорожнички;
Они убили, убили поморина;
Они малого младеня в воду збросили;
Они молоду молодку с собой взели,
С собой взели да в свою хижинку.
Еще-то три розбойничка спать легли;
А цетвёрт-тот розбойничок не спит, не лёжит,
Он не спит, не лёжит, да всё спрашиваёт:
«Отколь, отколь, молодушка молоденькая?»
— Да была жила вдовушка богатенькая.
— Да у той было у вдовушки семь сыновей,
— Ище семь сыновей да восьма́ дочушка,
— Дочюшька да звали Марфушкой.
— Да перво́го-то сына вода взяла;
— Да второго-то сына земля взела;
— Еще третьёго-то сына да во солдатушки;
— Да цетыре-то сына в розбой ушли,
— Они в розбой ушли, стали розбойницити,
— Стали розбойницати да подорожницати.
Ишше тут-то розбойницок росплакалса,
И тут подорожничок роскиналса:
«Вы ставайте-тко, мои братьиця;
«Мы убили, убили своёго зе́тёлка,
«В воду збросили своёго племянничка;
«Ишше то-то да наша сестриця».

3. Ша́рдонема.

Мать князя Михайла губитъ его жену.

Тамъ же, № 159 (195), стр. 573—576.

Поѣхал князь Михайло
На грозну службу велику.
Оставляё князь Михайло
Свою маменьку родную,
Свою молоду кнегину,
Кнегину Катерину:
‹Уш ты маменька родима!
‹Ты вали мою кнегину
‹Во соборную вецерню,
‹Ты буди мою кнегину
‹Во соборную обѣдню›.
Его маменька родима
Жарку баёнку топила;
Огурьци да нажыгала;
Она звала эту кнегину
В жарку баенку помытьсе.
Ницего она не сказала,
Скиновала цвѣтно платьё.
Она валила эту кнегину
На дубову́ю на лафку,
Клала ко кнегины угольё горецё,
Выжигала у кнегины
Из утробы младеня;
Она сдѣлала кнегины
Сыродубову колоду;
Она валила эту кнегину
В сыродубову колоду,
Наводила на колоду
Трои обруци желѣзны,
Отвозила эту колоду
На синё морё Волыньско.
Не доѣхал князь Михайло
До грозной службы великой,—
Его конь-лошать подоппу-лась,
Пухова шляпа свалилась,
Востра сабля переломилась:
‹Вѣрно, в доми несчесливо:
‹Вѣрно, маменька неможо,
‹Либо молода кнегина,
‹Кнегина Катерина›.
Воротилса [1]) князь Михайло
Со грозной службы великой.
Его нянюшки стрицели,
Его маленьки звелицели:
‹Твоя маменька родима.....
(далѣе повторяются стихи 14 — 31, за исключеніемъ 24—25, въ мѣсто которыхъ здѣсь:
‹Она сдѣлала кнегиной
‹Сыродубову колоду).
Пріѣхал князь Михайло
Со грозной службы великой:
‹Уш ты маменька родима!
‹Гдѣ же моя кнегина?›
— Твоя-та вѣть кнегина
— Горда стала спеслива;
— Она слуг всѣх пригоняла,
— Лошадей всѣх притомила,
— Овсу - сѣна не давала;

[1]) Въ былинѣ, записанной въ той же мѣстности (№ 191, стихъ 5): подоппулсэ.

—Твоя-та вѣть кнегина
— В новой горьници высокой.—
Бросалса князь Михайло
В нову горьницю высоку,—
Не нашол своей кнегины.
Бросалса князь Михайло
Ко синю морю Валыньску.
Сшивал же князь Михайло
Три нёвода шелковых.
Неводил князь Михайло
Во синём мори Валыньском:
Перву тоню закинул,—
Ницего ему не попало;
Как другу́ тоню закинул,—
И вытенул колоду.
. . . . [1]
Его маменька родима
Вдоль по берешку ходила,
Громким голосом крицяла:
«Грѣх я тяшкой согрѣшила,
«Три души я погубила:
«Перву душу безотвѣтну,
Втору душу безъимянну,
Третью душу малогрѣшну».

Архангельскій у.

4. С. Нижняя Золоти́ца [2]).

Исцѣленіе Ильи Муромца.

Бѣломорскія былины, запис. А. Марковымъ, № 67. М. 1901.

Как во городи было во Муроми, во сели́-то Карачéеви, а жил-то Иван да Тимофéевичь. Родилось у его да чадо милоё, чадо милоё, Илéюшка. Рос-то Илеюшка тридцеть лѣт—некакой отцю-родидители помоши не было, не пособлял,—всё на печи сидѣл. Мать-та у ёго ушла садов полоть. Вдруг пришло под окошочко двѣ калики перехожія, перехожи двѣ калики, переброжія, сами говорят да таковы слова, таковы слова да таковы рѣчи: «Уж ты гой еси, Илеюшка сын Ивановичь! сойди-ко-се со печки с кирписьнія».—Уж вы гой еси, калики перехожія! не могу-то я сойти с пецьки мура́вленки: не служат мои ножки рѣзвыя; сижу-то я ра́вно тридцеть лѣт.—«А гдѣ твой-от отець-батюшко?»—Мой отець-батюшко да полё чисьтит, а ломат ду́бье с кореньем из матушки из сырой земли.—«А

[1]) Пѣвица вспомнить точно этого мѣста не могла, а сказала только, что онъ утонулъ.

[2]) Въ записяхъ изъ Н. Золотицы *ч* обозначаетъ *ч* мягкое и близкое къ *ц*.

пойди, говорят, запусьти нас в дом свой, отво́рь нам да красно́ крыльцё».—А куды я, братцы, пойду, коль не могу я на́ ноги стать? —«Спусьти-ко ты рѣзвы́ ноги с пецьки». Стал-то он ногами пошевеливать, стал он ноги поздымывать,—у его ноги не постарому, не попрежному. Стал-то Илеюшка на рѣзвы́ ноги, пошол-то Илеюшка на новы́ сѣни, отво́рил им крыльчё, запусьтил-то калик да перехожих. Заходили-то калики к Ильи Муромцю в свѣтлы свѣтлици, во столовы новы горьници. Говорят-то калики таковы рѣчи: «Уж ты гой еси, ста́ра ты старыньшина! нѣт ли у тебя пивця да нам напитисе?» Взял-то он пивну́ чашу, шол он на погреб, чѣдил-то пива хмѣльнёго; нацѣдил-то он пива хмѣльнёго, принес то каликам перехожима. Как попробовали калики пива хмѣльнёго:—«На-тко, выпей, Илеюшка, от нас да пива хмѣльнёго». Взял-то Илеюшко братыню с пивом хмѣльнім, выпивал-то братыню на единой дух. Спросили: «Шьто в собѣ чуёшь?»—Чую я силушку вели́ку в собѣ.—«Начѣди-ко нам втору́ чашу». Принёс он втору чашу; дали ему калики выпить второй раз. Выпилъ втору чашу,—чюю я, говорит, в себѣ силу велику весьма.—«Принеси-ко, говорят, третью́ чашу». Принёс-то третью́ чашу; зачял пить Илеюшко третью́ чашу,—не́ дали ему выпить чашу: «Не будет тебя подымать матушка сыра земля. Велику ли ты можешь силу?»—Кабы в сыру землю был ввёрнут столб и укрѣплён в тверди небесной, взял бы я всю землю бы перевернул.—Да сказали тут калики перехожія: «Будь ты бога́тырь—в чисто̀м поли стое́ть за вѣру православную». И затужил, заходил Илья Муромець: «Нѣт-то у меня добра́ коня, добра́ коня по́ моёму по личю! «Вдруг идёт человѣк, ведёт жеребёночка—как снѣгу бѣлого, хвост, грива у ёго чёрная, весь-от в шо́лудях. «Как я эти буду шо́луди сживать?»—А катай, говорит, в трёх зорях в трёх росах утряныхъ,—вси сойдут.—Приходит его ро́дна матушка из того́ саду́. Он сѣдит на печи опеть. Сама говорит таковы рѣчи: «Надо итти нести, Ивану Тимофеевичу нести па́ужинать. Послать-то некого, а самой итти - недосуг». Говорит-то Илья:—Уж ты гой еси, ро́дна матушка! дай-ко я снесу родну батюшку.—«Как же ты хочешь нести? нѣт у тебя рѣзвых ног.» Он ско́чил с пе́чи кирпичьнія; увидала тут его ро́дна матушка. Понёс-то в чисто́ полё, отцю понёс па́ужину (он там с робочима робит). Приходит к батюшку на чи́шшенье [1]); увидѣл его родной батюшко, весьма-то он

[1]) Ср. выше: отецъ поле чиститъ.

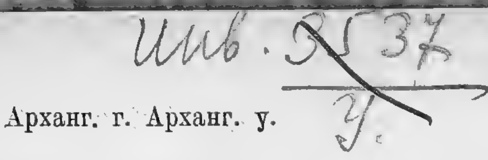
обрадовалсэ, Бога тут прославил, пречисту-ту матерь Богородицу. Сѣл-то его батюшко закусывать, а пошол-то Илья Муромець ду́бье чистить, дубье-то рвёт из матушки сырой земли совсим с ко́ренем. Говорит-то ро́дной батюшко: «Этот, видно, сын у меня будет ѣздить во чисто́м поли, во чисто́м поли будет поля́ковать и не будет ему поединшичка».

Орсёнко (Аксёнко) [1].

Тамъ же, № 86.

А Грозныя царь Иван Васильевич задумал строить втору Москву, втору Москву на Во́логды. Не мог-то он построить второй Москвы на Вологды; тольке выстроил черьковь Миколину на том-то городи на Вологды, положил золотой казны сорок тысечей. А задумал-то Орсёнко посмотрить государёва строеньиця, не второй Москвы, черьквы Миколиной, того же строеньиця государева. Пошол-то Орсёнко путём-дорогою, уцюл-то во стороноцьки гам, гово́рю великую. Захотилось посмотрить Орсёнку, хто такой разговариват. Дѣля́т тут воры-розбойники золоту казну, золоту казну да государеву из той церьквы Миколиной, церькву подло́мят и укра́дут. Подходил-то Орсёнко тут къ ворам-розбойникам: «Уж вы воры-розбойники! дайте мнѣ такой же пай». Не дают-то воры розбойники такова́ паю. Просил тольке у них полу́паю; не дают они и полу́паю. Просил-то он тольке треть паю; не дают-то они и треть паю. Просилъ он тольке четверть паю, не дают они и четверть паю. Просил тольке пети рублей; не дают-то Орсёнку и пети рублей. Розьерилось тут Орсёнка ретиво́ серьцо; хватал он сырой дуб из матушки сырой земли, высоко́-то он метал по подне́бесью. Тут розбойники да испугалисе, по тёмно́му лѣсу розьбѣжалисе. Как со́брал Орсёнко золоту казну несчётную, он со́брал ей сорок тысечей, пошол он на втору Москву, на Вологду. Как приходит Орсёнко в славну Вологду, заходит в царе́вы больши ка́баки; уж он начал пить вино запоеми, откупать он зачял сороковками; сам он пьёт и голе́й поит, голей поит, кабацьких пье́ниц́ей: «Уж вы молите Бога за Орсёнка!» Они пьют вино да Бога молят за Орсёнка. Прошла-то та славушка по городу по Вологды, шьто есь такой,—откупат

[1]) Нижнезолотицкій сказатель слышалъ отъ крестьянъ съ верхней Мезе́ни.

вино да сороковками, сам пьёт да и голе́й поит. Прошла по городу по Вологды;—поимали Орсёнка во царе́вом большом ка́бакѣ, посадили в те́мну те́мницю; посадили Орсёнка в те́мну те́мницю, приготовили ему да высокой рей; повели-то Орсёнка на высокой рей,— со всёго города народ сьбѣгаитьце, сьбѣгаютьце да съѣжжаютьце. Повели-то Орсёнка на высокой рей; говорит-то Орсёнко таковы рѣчи: «Уж вы гой еси, народ православной! не ходите смотрить моей сьмерти: моя сьмерть страшна́ будет, грозна, немилосьтива». Как умной-от народ назадь воро́титьце, а глупой-от народ вперёд идёт. Говорил-то Орсёнко во второй након: «Уж вы гой еси, народ православныя! не ходите смотрить моей сьмерти: моя сьмерть будет всѝм страшна, всѝм страшна, грозна и немило́сьлива». Говорил-то Орсёнко да во-в третѐй након: «Уж вы гой еси, народ православныя! не ходите смотрить моей сьмерти: моя сьмерть будет всѝм страшна, всим страшна и немило́сьлива». Привели-то Орсёнка на высокой рей; хотят-то Орсёнка класьть в петелки. Как хватил-то Орсёнко высокой рей, он из матушки сырой земли, начел-то он реём помахивать по тому народу православному; побѣжали народ да православной, куды кому надобно. Испугались тут Орсёнковой сьмерти, пускали Орсёнка. Пошел-то Орсёнко опеть пить постарому; приходит во царе́вы больши ка́баки, сам пьёт и голе́й поит: «Молите Бога за Орсёнка!»

---

5. Унской посадъ.

Причетъ невѣсты (на рукобитьѣ, при первомъ столѣ).

Истоминъ и Д., стр. 83—84.

Благословико-ко, Пресвята Богородица,
Котора Божья Мать Богородица
Во большом стоит углу, во большом мѣсти,
Во бѣло́й стоит она да во ки́воти,
В серебренном она во о́кладп,
В золотой ризы она во серебренной,
Бѣлой лебеди то мнѣ, красной дѣвицы,
Сѣсть на бѣлу на бру́сову лавоцьку,
Ко крѣпкой стѣны городовыи,

Ко любу́ свѣтлу́ окошку *косивцяту*,—
Попустити молодой сизой голубушки
Тонко́й, жалобной-от свой звонко́й зыцён голос:
Не в возбран, цесны сердецьны родители,
Не у вас-то наперед благословитисе,
Благословилась глупа сизая у Божьей Матери,
По сегоднешну ту дню по Го́сподню,
Преблагословилась у Богородицы.
Благослови-ко тепло красное солнышко,
Тут же день-то денна попецельшица,
Ноць-то ноцня богомольшица,
Жаланная родитель-матенка,
Сѣсть на бѣлу на бру́сову лавоцьку,
Ко крѣпкой стѣны городовыи,
Ко любу́ ко свѣтлу́ окошку коси́вцяту,
Попустить-то любезной сизой голубушки
Тонкой, жалобной мнѣ свой зыцён голос:
Побью то я целом, поконаюся,
Все тобѣ, мое теплое красное солнышко,
Жаланной мой родитель-батюшко:
Не ставай-ко, мое теплое красное солнышко,
Со бѣло́й лавки да со бру́совые,
От крѣпкой стѣны да городо́вые,
От люба̀ свѣтла̀ окошка коси́вцята
На подло́м, на скоры рѣзвыя но́жецьки,
Не протегивай, тепло красное солнышко,
Цесно́й бѣлые то правые руцюшки
Церез рядные столы бѣлоду́бовы,
Не затаивай, тепло красное солнышко,
Божьей Матери Пресвятой Богородицы
Мѣстные свѣшши воскояровой;
Не молись-ко, тепло красное солнышко,
Божьей Матери Пресвятой Богородицы,
Со всѣм с родушком-то ты, со всей пле́менью,
С цесной до́рогой *природой* сердецьной,
Со роднымa-то ты, да со двоюроднымa,
Со крестовымa, да с супротивнымa.
Я ише побью целом, поконаюся,

Поклонеюся тобѣ, мое тепло красное солнышко,
Тобѣ, мой-от, теплой-от жаланной родитель-батюшко:
Не ставай-ко, тепло красное солнышко,
Со бѣлой лавки тэя с брусовые. . . .
Не протегивай-то ты, тепло красное солнышко,
Цеснóй бѣлые-то правые руцюшки
Ко злодѣю-ту, свату змѣю,
Ко лукавому, да семиглавому,
Ко мѣдному да ко пóдносу,
Ко хрустальному да ко стáкану,
Не пей горцúцюшки вѣдь зеленá вина. . .
Ужь ты цѣм станéшь да выкупáти,
Ужь ты цѣм станéшь да выруцяти,
Цесну бѣлую свою правую руцюшку
От злодѣя да свата змѣя,
От лукавого да семиглавого.

Холмогóрскій у.

6. Куростровская в.

(Точнѣе, сѣв.-вост. край уѣзда, въ 75 верстахъ отъ Архангельска, площадью въ 150 кв. верстъ, съ 14-ю селеніями; въ центрѣ с. Кýростровъ, къ Ю.-З.—г. Хóлмогоры, къ З.—два с. Матигорскія, къ Ю.—с. Быстрокурское, къ Ю.-В.—с. Вавчужское и Ровдинское, къ В.—с. Залывское и два с. Чухченемскія, къ С.-В.—два с. Ухтостровскія и два с. Курейскія).

Разговоръ двухъ женщинъ.[1])

А. Грандилевскій. Родина М. В. Ломоносова, стр. 80—83. Сб. Ак. Н., т. 83. 1907 г.

Встрѣтились двѣ женщины и, миновавъ одна другую, вдругъ переглянулись и остановились.

Ахти мнѣченьки! да ушь не Павла-ли Петровна мнѣ здѣсь стрѣтилась?—сказала первая.

---

1) Съ синтактической и стилистической стороны, очевидно, очень далекъ отъ народной рѣчи.

Другая, разводя руками, вскликнула:—Ох, свѣт мой! Осудари братцы! буть ты не́здоров! да, ка́к быть, Фёклу Федосьевну оприме́тила.

Ай впрямь мы опризнались! Ну! здоро́во! к добру, к добру, ко́ли друг друга не узнали! Разбогатѣм. Ну! будь ты здоров! Давай и хорошо, што повидались!

А ты отколева идёшь?

Доцель ходила, в эфтут дом, што крайной-то стоит в деревни.

А што тако тебѣ там нужно было?

Да ноньча о́сень: выживат назём в двори́! Бѣда така с ним... искала ме́тальшика вывести назлишно в по́лё, и ох, Петровна, куды хошь дѣвайся с ме́тальшиками: за деньги-то нейдут, вить.

Так, Федосѣвна, так, и я с нужди́шкой эфтой вы́вѣдалась; ново́му человѣку в жисти сто́льки горя не видать! И куражачче-то энти мужики, и лома́юцце, и пу́шше того на вино дёру́т.

Знамо дѣло! они ви́дя нашо бабьё положе́ньё, вот и хо́цце на вино сорва́ть, гдѣ дѣло послабя̀.

Хто ж спорить бу́дё, што слабѣ́я бабы у торговли да у наймов, да это бы не што! Вить и кромя̀ сёго бабьё-то безпримѣрно плохо. Поди да говори, чья слабось виновата! А есь же и тако̀ дурье́ у нас, што право не́счего жалѣть. И дур таких, каких я видывала, ну мо́х-ли хто иной видать, совси́м не думаю. И дуры эфти-то у вас живут! Во здѣсека в домишки энтом, гдѣ я была сечас,—така каме́ть случилась, што исперемерла со смѣху, ей-ей вси кишки сволокло!....

А кроми шуток што эко тут здѣилось? Скажиткосе на милось!

Вишь ты! Охвота доняла! а не́срам вам, на го́роди живучи, колокольни кланяцце. Живешь насупротив,—не видишь, под носом што дѣицца, а я верстами да рѣками во́н куды отведена̀, да вижу здѣшны ваши случаи с дѣлами не хуже вас.

Ино́, вишь, ты, ино́ и я! Гдѣ нам со с вашим братом нонѣ тягацца! Была̀ моя пора, теперя стара̀ стала, в свое-то время я у каждаго сосѣда не то, што во двори, а то, што в до́ми, в сундуках да в чашечках, то знала. Ну! говори, коли́ дошло до этого, не так-же опускать! Не повсечасно новенько биват!

Уш так и быть! Давай, скажу. Зашла, вишь ты, в домишко эфто-то и ме́тальшика тутотки пона́ймовала по рупь с чётвартаком за день навос во́зить. Пото́м на минутоцьку присѣла. Ну! знашь

сама, с хозяйкой слово за́ слово да и порядком поразговорилась. И вот потѣху-то она тогды мнѣ разказала! Умо́ра, право-но, умора! Всѣ животы мои сперетянуло! Во са́моёт тот мётальшик, што я то нанела̀, пропо́ица така́, рям на ремку̀, бес вотки не живѐ и трезвой не бывà: он, смѣхом говоря в народи, вина нико́лечко не терпит, штобы оно в бутылки было. А тут в том доми стара дѣфка есь, уро́дина, оммѣн тако́й страшонный, все на печки лежит, и придурь крайна-перекрайна. Лежала эфта дѣфка на печи, а мётальшик, знамо, пьяной, втёрса в избу, и давай ругачче на чём свѣт стоит, ни на кого, вишь, а промеш себя, так просто с пьяных глас. Ну, вот! Сидит да овворачиват брань нестерплиму и увидал, што дѣфка на печи лежит.—«Эй ты, какора стара, вѣдьма, шкура, о́боротень!» закричал он ей,—«идешь—нѣт, дура, замуш за миня?» А дѣфка на пеци выпелилась во весь рос с конча в конець да и ворчит оттолѣ:—«А што нейти? Пойду! ты то́льки матери скажи своей!» В ту пору мётальшик и взаболь збѣгал, мать привёл свою, та покачала́ головой, да и сказала дѣфкѣ: «Дура же ты дура! Вѣрно жись тибѣ надоѣла! Што-ты, дурища, затѣяла? Вить кто не знат парня моего? Он такой рестант, розбойник, што нѣт хуже, убьё тебя, го́лову тебѣ свернё и душу вы́ставит!»—А невѣста всё своё поё: пойду да пойду. Ну и ланно,—«давай, говорит она мётальшику, ко́ли жениссе, Богу молись, да за стол садись».—Ну! валяй! Чёрт с табой! сказал жених,—слѣзай с пеци, молись, чёртова пе́решница! Вот они и взá́боль помолились, сѣли пото́м цяй пить. Жаних сидит, бѣду страшну овворачиват, ругаичче; невѣста слушала, да и говорит: «Хошь бы ты, па́ря, посли ругалсе-то, а типерь не гожо̀!»—и как начнѐт он навѣсту свою пушить за эфто!! и о̀хти мнѣ о́хти! И невѣста не молчит: «Во́ што, сказала, ты лучче миня послушай хошь типерь-ту: вить свадьбу нам править надо́ бу́дё; когды же пиво варить, да инò дѣло дѣлать?» Тѣм вре́мём пошатнуло нашого жаниха, и свалился он на лафку, с лафки под стол, да и остался спать в поподстольи. Утресь жанихова мать опеть пришла, и опеть сказала дѣфкѣ: «Убьёт, тя, дура, паренёт мой, убьё! ешшѐ не одумалась? Вѣрно слово, коли не одумалась, убьё тя, што и не пи́кнёшь, тольки пар вон выйдё!» Што наша дѣвка, она и у́хом не ведё. Как проспалсе мётальшик и тверёзой стал, она снова с пе́ци ему стала об вѣнци, да о свадьби попѣвать. Слушал, слушал жаних, сперва всё молцял, а потом и вымолвил:—«Бу́дёт тибѣ, стара какора, о

пустом бренчать! мнѣка нѣт досугу не тольки што жаницца, да и подумать-то нѣкогды о женидьбы; а с тобой-то дурой што я стану дѣлать, как ты мнѣ навяжиссе? Одному жрать нечего быват, а в двоём то глину што-ли вмѣсто хлѣба трéскать станем. Пошла-ко ты от миня к лѣшому, да больша и не суйся. Скольки назьмов нонѣ надо обрать, а ты ешшо о винцѝ заговорила, досук-ли мнѣ тутотки!»

Ну, прости, теперь! Хорошаго быват завсигда по немногу, заходи ко мнѣ о празники, там больше поговорим, вить не эфто послѣднё-то. До смёртоцки скорѣ домой бѣжать мнѣ надо: цѣлой день не у чего прошел, всё в разговóри!....

Кемскій у.

7. Д. Кóлежма.

Князь Дмитрій и его невѣста Домна.

Архангельскія былины и историч. пѣсни, собр. А. Д. Григорьевым. М. 1904. т. I. № 14 стр. 61—63.

Сватался Митрей по три года,
Васильёвиць да три осени;
На цотвёртой год лишь сватьбѣ быть,
Лишь сватьбѣ быть, лишь к вѣнцю итти,—
Позвонили на цосну на Божу на утреню,
На цосну-ту Божую да воскресенскую.
Пошол Митрей князь да ко заутрени,
Васильёвиц ко воскресенскіи
По той ли по улици по Соловьиной,
По тому ли переулоцку по Домниному.
Бросиласе тут Домнушка по плец в окнó,
Олёксандровна да по подпазушью.
«Не йэтот ли, матушка, Митрей князь,
«Не этот ли, сударыни, Васильёвиц?
«Насказали, что Митрей князь хорош-пригож,
«А Васильёвица да его лучше нѣт;
«Сутул, горбат да наперёд покляп,

«Оци-ты косыя, ноги-ты крывыя,
«Да жолты кудри да заонезьскія,
«Да Митрея рѣць да корельскія».
Эты рѣци Митрею во слух пришли,
Васильёвицу да за бѣду пали,
За бѣду пали да за велику.
Ворочался Митрей князь по заутрени,
Васильёвиц от воскресенскія;
Приходит к сетрицы к родимые:
«Сестриця, сестриця родимая,
«Молодая Марья Васильёвна!
«Заведи-тко ты сестриця, свой почестён пир,
«Не зови-тко не кнезей, не бояров,
«Созови-тко одну Домну да Олёксандровну;
«Скажи: братця Митрея дома нѣт,
«Васи́льёвица да не слуцилось да во дому:
«Ми́трей бра́тец за охво́тамы,
«За куницямы ушёл, за лисицямы,
«За черныма соболямы сибирскима,
«Стрѣлеть-палить маленьких утушок;
«Он стрѣлял-палил да только дым стоит».
Да тыи послы да с двора не сошли,
Да други послы к Софьи на двор пришли,
Умельнё зовут да ниско кланеютсе:
Ты спусти, спусти-тко ты, Софья Меркульицна,
«Да пожалуй-ко, Домна да Олёксандровна,
«На Марьин дѣвоцен да на поцестён пир;
«У ей бра́тца Ми́трея до́ма нѣт,
А-й Васи́льёвиця не слуцилось во-о̂ дому:
Ушёл Ми́трей бра́тец да за охво́тамы,.. (и т. д., какъ выше).
«Он стрѣлят-палит [1]), только дым стоит».
Да ты́и послы с двора да не сошли,
Тут не стук стуцит, не гром гремит,—
Да сама идёт Марья да Васильёвна,
Умельно зовёт да ниско кланеетсе:

---

[1]) Въ былинѣ, записанной въ д. Нюхчѣ того же уѣзда: „он стрѣлетъ-палитъ“ № 10, стихъ 35).

«Да спусти-тко, спусти, Софья Меркулицна,
«Ты пожалуй-ко, Домна да Олёксандровна,
«На мой-тот на дѣвочей на почестён пир;
У мня братця Митрея дома нѣт,
Васильёвиця да не слуцилось во дому:
«Ушёл Митрей братець за охвотамы (и т. д., какъ выше).
«Он стрѣлят-палит, да только дым стоит».
Да тут спроговорит Софья Меркулицна:
«Уж ты ой еси, дитятко моё родимоё!
«Мнѣ ноцесь да во сни мáло спалось,
«Да мало спалось да во снях видялось,
Бытто всѣ кресты Софья обронила,
«Бытто всѣ кресты я Софья сóбрала,
«Одного креста я не могла найти,
«Одного креста да самолутшого».
Спроговорит Домна Олёксандровна:
Уж ты ой еси, маменька родимая!
«Куды ноць прошла, да туды сон пройдёт».
Тут бѣлёшенько Домнушка умываласе,
Хорошохонько она снаряжаласе,
Пошла Домнушка да на почестён пир.
Пришла Домнушка да ко крилецику.
А как брал тут Митрей саблю вострую
Да срубил у Домны да буйну гóлову.

г. Онега.

8. Былина про Олешу Поповича, князя Добрыню и жену его.

Запис. Верещагинъ. Пам. и обр. XXIX, стр. 360—363.

А не туця-то, да не туця туцитсе,
не тéменьё, да не темень темнитсе:
выбѣгало, братцы, звѣрей стадó;
вó том-ли стади лёв ли звѣрь.

А шерсь у льва дак золоцёная,
а усы у льва да как шишки стоят.
Крыцял лёв-звѣрь по звѣриному,—
поссыпались тут круты-красны бережоцьки,
смутиласе мать Нѣпра́-рѣка:
заслышали рожденьицё Добрынино.
дак во тоё время родилсе Добрыня кнезь.
Стал Добрынюшка в двѣнадцеть лѣт.
Поизволил Добрыня женитисе
на той-ли Окулинуши Микулисьнѣй
Окулинуша год живет—жоной словет,
да и другой год живет—жоной словет.
На третей год поѣжжат Добрыня в цисто́ поле́
Приступила к ёму мать родная,
да приступила и жона моло́дая:
«На кого ты оставле́ёшь мать свою родную?
на кого ты оставле́ёшь и жену моло́дую?»
Отвѣцял Добрыня таковы слова:
Оставлею мать я свою ро́дную
на Спаса Христа да с Богородичёй,
а жену свою моло́дую
оставлею я на волюшку вольную.
Год живи—дак жоной слови,
да другой год живи—все жоной слови,
на третей год не буду—дак вдовой слови,
вдовой слови, а хоть заму́ж поди,
хоть за кнезя поди, хоть за боерина,
хоть за́ гостя поди торгового,
хоть за кресьенина поди богатого,—
только не ходи ты за Олёшу Поповиця:
Он есь насмѣшник женьськіе!»
Дак Добрыня-та поѣхал во цисто́ полё.
Год Окулинуша живет—жоной словет,
да и другой живет—жоной словет,
на третей-то год живет, да и вдовой словет.
Приходил к ей Олеша Поповиць, говорил ей:
Был я Окулинуша в цисто́м поли́;
по примѣтам знать Добрынюшки живого нѣт:

голова у Добрынюшки отсѣцёна,
да во цистом поли́ от тулова откацёна,
выклёвали во́роны ясны́ оци́,
проросли травы сквозь ясны́ оци́
и чвѣтут чвѣты, да все лазурёвы.
Поди-тко ты, Окулинуша, за миня за-му́ж».
И да́ла, вить, ему Окулинуша
слово итти да в замужесьво.
Собирались на́ вецер на послѣдніе—
с того со вецера итти ко Божьим церквам,
принимать вѣнчи пресвѣтлые,
перстнеми обруцетьсе золоцёныма,
а во тую-ту пору́, во цисто́м поли́,
не туця темнитсе, не солнышко выката́нтсе,
не армія из циста́ поля́ вымаитсе:
по примѣтам знать—ѣдёт Руськой бога́тырь,
а на́ имя ѣдёт Добрыня кнезь.
Пріѣжжат он к городу ко Кіеву,
а из города-то да из Кіева
идут двѣ калики перехожіе.
Нацял Добрыня у калик спрашивати,
а калики нацяли да сказывати:
«Все-ли де во Кіеви по старому?»—
Отвѣцели калики: «Все во Кіеви по старому,
развѣ в Кіеви только и нового,
што Олёша Поповиць женитсе
на той-ли Окулинуши Микулисьнёй».
Говорит Добрыня таковы слова:
Дайте-тко мнѣ платья́ калисьнёго».
Скидыва́л Добрыня платьё княжесько,
надѣвал Добрыня платьё кали́сьнёё,
ише взял с собой звонцято́й гудок,
и пошел смотрять на свадьбу Олешину,
становился он о ве́рію тоцёную.
Вси в гудки играют, и вси увеселяют.
Нацяли гудо́сьников удабривать,
и вином-то их стали попаивать;
а не дают калики цяры зелена вина,

да и платы-то гудосьныя не́ дают,
а за то ему не дают,
што не играл в свой гудок.
И говорил калика перехожіе:
«Прикажи-тко, Олёша, во вси гудки молцети,
а я нацьну в свой гудок играти,
штобы не лишили миня платы то гудо́сьныя,
да и цярой зелена́ вина не о́бнесли».
Нацяли во вси гудки молцети,
дак и нацял калика играть в свой гудок.
Нацял во гудки́ он выговаривать:
Добро добро-бы Окулинуши за-му́ж нейти,
што было от Добрынюшки запре́шшоно.
Мудры́-ты люди догадалисе,
а глупы люди дивовалисе,
как калика перехожіе
узнал приказаньё Добрынино?
А мудры́-ты люди соглашалисе
дать калики цяра зелена́ вина.
И тая цяра полтора вёдра́.
Принимал калика еди́ной рукой,
выпивал калика на еди́ной дух,
а выпивал он цяру до́-суха,
клал он в цяру свой злацён персте́нь:
тѣм-то перстнём и обруцелисе.
Тут и видит Олёша, што—Добрыня кнезь.
Падаёт Окулинуша в рѣзвы́ ноги́,
да во рѣзвы́ ноги́ Добрынюшкины:
«Ты прости-тко, прости бабу глупую,
ту́ю жонку прости нерозумную!»
— «Подь-ко ты, Окулинуша, в свои домы́,
да живи-тко ты, живи по прежному!»
Сидит Олёша за столом, да задумалсе,
и говорит Олёша таковы слова:
«Быдто Олёша и жонат бывал!
быдто Олёша и с жоной живал»!

---

9. Старина про змѣю въ Рахлейскомъ царствѣ.

Запис. Верещагинъ. Пам. и обр. XLII, стр. 392—396.

На три города Господь Бог прогнѣвалсе:
Собор, Комóр скрозь землю́ провел,
на Рахле́йсько царсьво́ змѣю сослал.
Берет кажные сутки по гóловы,
а по той-ли головы лошадиные,
лошадей на царсьво мало станитсе.
Берет кажные сутки по гòловы,
а по той-ли головы целовѣцеськой,—
а людей на царсьво мало станитсе.
Собирались мужики-ти Рахлейскіе,
метали жеребьи волше́нскіе,
кому ише итти на съѣденіе,
ко лютóй змѣи на пожренія.
Тут идет царь ко своёму двору ко царському
неве́сёл идет и нера́дошён.
Увидала его царича, молода жона:
«Што ты, царь, не ве́сёл идешь и нера́дошён?»
— «Уж как-то мнѣ, царю, веселому быть,
веселому быть, весьма ра́досьнёму?
Собирались мужики-те Рахлейсьскіе,
метали оны жеребьи волше́нскіе,
ише кому итти на съѣденіе,
ко лютóй змѣи на пожреніе»....
— «Не круциньсе, царь, не пеця́луйсе;
ише есь, вить, у нас нелюба́я доць,
Лизавета Огапи́товна.
Отдаим ей к лютóй змѣи на съѣденіе,
ко пешшерской да на пожреніе.
Не в нашу она вѣру вѣруёт,
не нашому Богу она молитсе,
она молитсе Господу Роспятому».
Дак и будят ей раны́м ранёшонько:
«Ты ставай, ставай, наша любима доць,
Лизавета ставай Огапи́товна!
умывайсе свѣжóй клюцёвóй водой,

утирайсе бѣлым полотёнышком,
надѣвай на собя платьё чвѣтноё:
Пріѣхал жених со святой Руси
со святой Руси, с камённой Москвы.
Он не в нашу вѣру вѣруёт,
он не нашому Богу молитсе—
молитсе он Господу Роспятому».
Тут ставала Лизавета Огапиговна,
умывалась свѣжой клюцёвой водой,
утиралась бѣлым полотёнышком,
надѣвала на собя платье чвѣтноё,
выходила она на широкой двор;
увидала одноколоцёк,—
воротилась она во высок терём,
скидывала с собя платьё чвѣтноё,
надѣвала на собя платьё церноё,
выходила втогды на широкой двор,
и садилась в одноколоцёк.
Тут повез ее доброй молодець
по тому ли цисту полю,
по тому-ли лѣсу темному
ко тому-там бзёру глубокому.
Оставлял тут дѣвичу-душу красную
у того-ли у бзёра глубокого.
Сидит дѣвича-душа красная,
сидит плацёт, как рѣка текёт.
Вдруг не дым дымит, курева стоит,—
пріѣжжал дороднё-доброй молодець,
становил шатер бѣл-полотняной,
везал коня ко бѣлу шатру,
говорил дѣвичи-души красныя:
«Ковды озёро насколыхаитсе,—
выходить станёт змѣйшша из бзёра:
тут буди миня, дороднё-добра молодця».
Дак сидит дѣвича-душа красная,
сидит, плацёт, как рѣка текёт,
ише молитсе Господу Роспятому.
Туто бзёро-то сголыбалосе,

и выходит змѣишша из о́зёра.
И будила дѣвича-душа красная
разбужала дороднё-до́бра мо́лодця.
Как ставал дороднё доброй мо́лодець,
Как везал змѣю на шолко́в поя́с,
отдавал змѣю дѣви́чи-души красныя,
и говорил дѣвичи-души красныя:
«Поведи-ко змѣю на царсьво Рахлейськоё,
ко тѣм-ли мужикам ко волшенскіем,
да скажи-тко мужикам-то Рахлейськіем.
Мужики ли вы волшенскіе,
Поставьте-тко три церквы, три соборныя:
Перву-ту церкву самому Христу,
самому Христу да Господу Роспятому,
дру́гую-ту церкву Миколаю Милостиву,
а тре́тею-ту церкву Егорью Храбро́му.
Не поставите три церквы, три соборные —
я спушшу змѣю с шолкова̀ пояса̀,
всѣх, вить, вас змѣя-та живко́м поѣс,
не оставит она вас на сѣмена».......

Шенкурскій у.

10. Д. Родіоновская.

Свадебная пѣсня.

Истоминъ и Д. стр. 116—117.

Сестра брату жалилась,
Жалоби́лась и кланялась,
Сестра брату милому,
Брату милому, родимому:
Ты ступай, сударь брателко,
По повѣтям тесовыим,
По мостам по калиновым,
По полам по дубовыим;
До́йди, до́ступи, брателко,
До столов до дубовыих,
Скатертей до берцятных,
До хлиба до ситново,
Пирогов до крупи́сцятых,
До пива до пьяново,
До вина до зеленово,
Да бей целом, не кланяйсе
Да лукавому, вилявому,
Ише змѣй семиглавому,
Семигла-семикостому,
Семико-семихвостому;

Он ходил да лукавился
Не путем, не дорогою,
Он тропамы звѣриныма,
Хоботамы змѣиныма,
Он хвалил, да нахваливал,
Цюжу дальнюю сторону,
Да злодѣйку незнакомую,
Да цюжа́ сына отецьково:
У цюжа́ сына отецьково
Много хлиба стоялово,
Много денег лёжа́лыих,
Да скота много рогатово,
Живота много богацесьтва;
Да цюжая деревнюшка,
Цюжо поле изнасіяно,
Да горохом горожёно
Цернословом поливано,
Да камкою покрывано.
Не жила млада, сповѣдала,
Все житье спровѣдала:
У цюжа сына отецьково,
Нѣту хлиба стоялово,
Нѣту денег лёжалыих,
Скота нѣту рогатово,
Живота нѣту богацесьтва,
Цюжо полё не насіяно,
Да горе́м огорожено,
Да слезамы поливано
Да пецялью покрывано.
Да кабы́ теби, сватовець,
Да за эту за выслугу
Привя́залась вёшниця,
Теби вёшниця, икотниця,
Теби ровно па три года;
Да трясло-бы тя, потрёсывало,
Выше пеци выбрасывало,
В потолок поколацивало;
На пеци не согрѣтися
Под семью теби шубами,
Под восьмой одива́льницёй,
Под девятой подди́вальницёй,
Под десятым парусинницьком;
Да скрозь пець провалитисе,
Во штях заваритисе,
За столамы дубовыма
Нашим пивом залитисе,
Да вином захлебнутисе,
Кусом мяса подавитисе,
Пирогом заколотисе.
Да ишшо теби не мало-ли:
С нашей лисницы свалитисе,
Да рука, нога выставить [1]),
Голова теби выломить.

11. Д. Моржегоры.

Рекрутская пѣсня.

Тамъ же, стр. 214—215.

Что за год такой, народ лихой,
А ой за народ лихой, безсовѣстной,
Да не дает то с дружком посвидѣться...
А ой, да што посвидѣться, посвыкнуться....

---

[1]) вывихнуть.

Ай да што посвыкнуться, во любвѣ пожить,
Ай во любвѣ-то пожить, кровать нажить,
Кровать новая тесовая,
Одѣялышко черна соболя,
А ой черна соболя, заморскаво,
Черна соболя заморскаво.
Запустѣла кроватоцька
Без дородняво добра молодца,
Без удаленькой головушки.
За три годика сердцо слышало,
За три дни сердце спровѣдало,
За недѣльку стало плакати;
Повезут-то дружка во неволюшку,
В новобранные во рекрутики...
Хорошо-то дружка снаря́дила,
Далечо-то ево спрово́дила,
Чере́з-то поля́, чрез широкія,
Чере́з-то лужка зеленые,
За три рѣченьки, рѣчки быстрыя,
Во полату села Никольсково,
До заставушки до Московскія.
За заставушкой разставалися,
И покосом [1]) здѣсь сдивовалися:
Это што, братцы, за розстанюшко?
Это кто же здѣсь разстаются?
Што не муж-то с женой, не брат с сестрой,
Не муж с женой, не брат с сестрой;
Разстается доброй молодец,
Доброй мо́лодец с красной дѣвушкой.

12. Д. Кодема.

Свадебная пѣсня

Тамъ же, стр. 119—120.

Дружки подружки, голубки мои,
Си́дите не долго, ложитесь спать.
Мнѣ-ли молодёшенькѣ, вся ноцька не спать,

[1]) ?

Вся но́цька-ли не спати, кровать убирать,
Убирать кроватоцька тесовинькая,
Постелецька стлати пуховинькая,
Одѣяло ку́тати со́болиное,
Взго́ловьицё класти шелко́винькое;
Постлавши постелецьку, са́ма лягу спать.
Перьвой спень сосну́ла—без мила дружка;
Дру́гой спень соснула—свѣт бѣла́ зоря;
С по́ зори-ль, с по зо́рюшки мой мило́й идет;
Смазны́-ли да сапо́женьки поскрыпывают,
Соболи́ная шубонька пошумливаёт,
Серебреныи пуговки побрякивают,
Ка́линова троотоцька постукивает.
Мало с помалу стук, бряк у ворот;
Брякнуло́-ли да колецюшко серебрянное;—
Дрогнуло-ли да сердецюшко свѣт Аннино,
Перепалось ретиво́е свѣт Егоровнино;
По́шла наша Аннушка сужёного встрѣцять,
Сужёного-ли Павла свѣт Архипыця,
Во одно́й-ли да рубашки и бе́з пояса,
Во́ ёднѣх цюлоцьках и бе́з башмацьков,
Во ёдной-ли шамшу́роцькѣ и та́ на боку.
Отворяё да воротця, поклон отдала;
Затворяё да широкіи, выспрашивала:
Гдѣ-жь ты, мой миленькой, был, спобывал?
Гдѣ, душа-ли, да пріятель, гдѣ спал, ноцевал?
—Был я́ ли да у тестя у ласкового,
Был я ли да у тёшши у пріятливой.

Олонецкая г.

13. Каргопольскій край (Каргопольскій у., южн. часть Пудожскаго и восточн. Вытегорскаго).

Причетъ матери по умершемъ сынѣ.

Яковъ Свѣтловъ. О говорѣ жителей Каргоп. края. Ж. Ст., г. 2-й, 1892, в. III, стр. 159—160.

«Послушай-ко, сугрёвое милое бажоное дитетко, роженье мое сердешное, ты куды свиваешьсе и справлеешьсе, во какую путь-дорожку широкую? Ты свиваешьсе и справлеешьсе ко обиднѣ ко заздравной, к черкви пресвященной, ко молебну заздравному, просить Царя Небесного [1]) о своем здравіи великом, штобы дал Христос здоровья великого, вику долгого для сирот да горе-горьких малых-то дитоцек. Ты свиваешьсе и справлеешьсе на площу [2]) ярмонку, на веселое гуленьице со своими друзьеми со братьеми, с перелетными, удалыми добрыми молодцями. Уж смахнуть мнѣ оци ясныя на тебя мое роженье сердешное: во што—да снаряжаешьсе, во што оболокаешьсе. Уж смахнула я, мати бѣдная, оци ясныя, поглядѣла на тебя, мое роженье сердешное, уж я глупая мать, неразумная, побѣдная, горегорькая: не так снаряжаютце, свиваютце на гуленьице веселое. Уж лежит тѣло мертвое, лице блёклое, и наряжено во платье бѣлое, платье бѣлое, мертвецькое. Уж послушай ты, сын бажоной, промовь со мной, маткой бѣдною, словцо тайное—непроносное. Уж пытаю тебя, мати бѣдная, бужать изо сну-да изо крѣпкого, изо сну-да забудущего. Ты скажи-ко мнѣ, матери бѣдной, про твоих про малых дитушок: на кого оставлеешь малых дитушок, на кого держишь надіюшку великую? кто станет кормить-поить твоих-то малых дитушок? Они малым-то малешеньки и глупым-то глупешеньки, не в полном умѣ-разумѣ, не в большом-то и на возрастѣ. Будут без тебя, сердешной родитель, вольные да и самовольные, неуёмные, выйдут на улушкѣ дурливые, в избѣ-то пакостливые, нахо-

---

1) Авторъ замѣчаетъ (158): „окончаніе род. падежа *ого* никогда не произносится какъ *ово*“.

2) Площадь?

дятце по міру по хрещеному каликой перехожею, попрошайкой подоконною, много будет им горюшка великого, досадушки несносныя послѣ желанного родитель-батюшки. Подойдите-тко вы сироты горегорькіе, малые бажоны дитушки, ко желанному родитель-батюшкѣ, вы просите-тко крѣпкого благословеньиця на вики нерушимого. Я пытала, бабка бѣдная, будить да и кликать вашего желанного родитель-батюшку из крѣпка сна забудущего, не могла разбудить да докликатце. На што осердилсе да прiогнѣвалсе желанной родитель-батюшко? Не бывать вѣрно по старому, не бывати по прежнему, не таптывать муравой травы шелковой, по бѣлу свиту не хаживать. Ты послушай-ко роженье сердешное, о цем попрошу сирота горегорькая со своими малыми бажоными дитушками. Ты когда посулишьсе к нам во цястое любимое госьбище, о котору пору-времяцьку? Посулишьсе ко цесному годовому праздницьку, ко Михайлу ко Арханделу. Я поставлю, мати бѣдная, середи пути-дороженьки караульщицька, к зеленым углам да бережатого, ко воротушкамъ стережатого, не прошел штоб ты сироцькой нашей хижины. Мнѣ не надо мати бѣдноей караульщицька и бережатого, у тебя довольно осталось сирот горегорьких, они стерегут и берегут тебя во цястое любимое госьбище. Горегоркіе, побѣдные, нужные и маломожные, справили мы тебѣ госьбище великое. Нѣту золотой казны бесцетныя, не на што купить напиток медовых, поставить на столы да на дубовые припасу—яству хресьенскую. Послушайте-тко сироты горегорькіе, хоть я плацю и выплакиваю и прицеты я выкладываю: не бывать по старому и по прежнему, уж не хорошее називаньице, не веселое прикликаньице—звать сиротами горегорькими, не хотѣлосе таковоrо слова мовити. Пришла та пора времецько, что сироты вы горегорькіе; не по думушкам ставаетце, не по мыслям совершаетце. Уж видно судил вам Христос истинной жить сиротами горегорькими. Не сплывать да сѣру камешку поверх клюцевой воды холодныя, не выросги кустоцьку ракитову середи да моря синего, не дождатце, не доглядитце вам желанного родитель-батюшки».

Когда полагаютъ покойника въ гробъ:

«Вам спасибо, удалые добры молодцы, сусиди порядовные, что сдѣлали домовище и займище[1]) на вики нерушимое. Только не спа-

---

[1]) Собств. значеніе см. въ словарѣ. Здѣсь, повидимому, займищемъ названа могила.

сибо вам, сугрёвы теплые, что не просикли вы косивцята окошецька моему сыну милому, не положили вы хрустального стеколышка: поглядѣл бы он на своих малых дитушок, как пошли они по міру по крещеному».

Когда «повозятъ» покойника на погостъ:

«Прощайсе-ко, роженье сердешное, со своей-то свитлой свитлицей, со сироцькой бѣдной хижиной. Послушай-ко, роженье сердешное, погляжу я, мати бѣдная, на сироцьку бѣдну хижину: всѣ то столбики исшатилисе, ободвернинки искосилисе. Я поглядѣла на коня добра на ступцята: он понизил свою буйну голову ко мать да ко сырой землѣ, он уж бьет мать сыру землю своим копытом правыим, уж и цюет серце ретивое, что не стало у него домохозеина».

Въ то время, когда везутъ покойника на погостъ:

«Ты прощайсе-тко, роженье сердешное, со своею со родимою сторонушкой, со сусидями порядовными, со своей да быстрой рицинькой, со полеми со цистыми, со полеми со зелеными».

Вытегорскій у.

14. Разговоръ между нищимъ деревенскимъ старикомъ и горожаниномъ.

Образцы вытегорскаго говора, доставл. И. И. Лабардинымъ. Пам. и обр. XX, стр. 225—226.

Откýды, дѣт, идёшь?—З гóрода, кормúлеч, з гóрода!—А какáя нелéккая тибя занеслá в такýю даль?—Ох, родúмой, нуждá застáвит хоть в Москвý иттú: јона и старика дѣлае молодым!—А што ý тя́ бы́ла такáя за нýжда в гóроди?—Да другой-то нýжды не бы́ло, окрóми што Христовым именем побирáлся, кормилеч!—Куды́ же тепéречю, старинá, путь дéржыш?—Бредý, родúмой, домóй!—А гдú твой, дѣдушко, дом?—Дом, мой мúлостивеч, там, гди у зáичя лом![1])—А што, дѣдушка, у тя в этых мѣшóцках?—В одном мѣшóцкѣ, милостивеч, хлѣ́бныи кусóцки, а в дрýгом толокóнчо. Х кому пристану на ноцлéк, вы́прошу рúпничи[2]), сдѣлаю тянýшоцку, наворзыхáюсь, да и сыт не на один день!

---

[1]) Даль, Т. Сл.: „Заячьи ломы—крюки, петли. Дóмы-то, домы, ровно заячьи ломы! о безпорядочно раскинутой деревушкѣ“.

[2]) Рѣпницы, см. въ словарѣ.

Пословицы и поговорки.

Тамъ же, стр. 230—232.

Знае́ јон выпречьчи, впре́кчи, да и на ухáби зберекчи.

Ласково телятко дви мáтки сосе, а худо да лихо и одну потеряе.

Не одна у меня ужына спрокужена, и не один обѣд на писнях пропѣт.

---

15. **Ухотская в.** (въ сѣверной части уѣзда).

Заговоръ—остуду кинуть[1]).

Запис. А. Мельницкій. Ж. Ст. г. 3-й, 1893, в. III, стр. 391—392.

Стану я не благословесь, пойду не перекрестесь, пойду ни двиреми, ни воротами, пойду косой огородой. Выйду я во цистоё полё. Во цистом полѣ стоит дуб. Поклонюсь я на всѣ цётыре стороны; поклонюсе и покорюсе. Вы послушайте-ко друзья-братья невирные. Друзья-братья отвитили: пойди ко дубу, зайди в дуб. И в эвтóм дубу лёжат двѣ кошки вмистях хрёбтами; бьютце, дерутце, цѣпаютце и в крофь убиваютце. Как эвти кошки бьютце, дерутце, цѣпаютце и в крофь убиваютце, так дрались бы, бились, цѣпались и в крофь убивались (такой-то и такая-то). Выйду я из эвтово дуба на цистоё поле. Пойду я к быстрой рицькѣ; покорюсь и помолюсь. Как у тя берега не сходятце вмистях, так бы не сошли́се (такой-то и такая-то) от нини и до вику, дрались и ципались и в кровь убивались. Аминь.

Причётъ надъ умершимъ дядей.

Тамъ же.

Ты жоланной мой дедюшка,
Ты снеси поклон да цёлобитьицё
Моему родимому батюшкѣ.
Я напишу поклон да цёлобитьицё
Не пером и не цернилами,
А горюцьми слёзьми текуцими.

Ужь нажились мы три года кру-
глые,
Много славушки да натерпилисе,
Прослыли мы не досужими, да не
работницами,
Похожалками и гуляками.

---

1) Поселить нелюбовь.

Жоланной мой родитель-батюшко
Пусь помолитце Пресвятой да Богородичцѣ,
Штоб дала́ она здоровьиця
Моему жоланному дѣдушкѣ.
Хоть и стар-то да при старостѣ
И древён то при древности,

А ушь все наредит нас на роботушку
Со цюжими людеми, со многими.
Ретиво серцё да надрываитце,
Горюцьми слезьми да обливаетце:
Посылаёт нас на роботушку
Не жоланный-то родитель-батюшко.

Пудожскій у.

Негижемская в.

16. «Повись о святых, какой святой цим може помогать мірянам».

Н. Шайжин. „Говоръ крестьянъ Негижемск. вол. Пуд. у.“. Приложеніе. Олонецкія губ. вѣд. 1903 г. Стр. отд. оттиска 122—127 [1]).

Пріѣждяе Илья пророк на имянины к Ивану Посному; у Ивана посного есте много всякого веселья: у ёго всяка ка́ведь пищит и верещит, и буцьни ва́рандают. И говорит Илья Ивану: «ох Иван! у тя скольки веселья, запаси ты эту музыку к моим имянинам, запри в темницю; прійидешь на имянины—подарок привезешь. Иван посной позапёрал всякой каведи, пріѣхал ён на имянины, отворил свою темницю—вси у ёго и пропали. Ен сожалял. Нашло тут нѣкоторых гостей и дру́гих к Ильи. Потому Илья и зовецце пророком, што вси гости у ёго на имянинах пророцили, хто цим може пособить міру. Илья дожидал Ивана с веселой музыкой, а ён пріѣхал с мертвой—в темници были, вси и пропали. Потом Иван завёл разсказывать про свою каведь ро̀сказь: «ох, до цёго мни ю жалко! Овад—тот с комаром здорил, овад и говорит: «я, комар, в дождю лётать не могу, потому што у мня платье слиня». А комар ёму и говорит на отвѣт: «ох овад, овад! Кабы у мня была шуба да ка́ньги, я бы с полисником осень в лѣс проходил, а лѣтом на жары я лётать не могу, потому что я оцинь жирён, лётаю тольки под оболоцьну погоду да в дожливой день». А мошка им баё:

---

[1]) Въ оригиналѣ, повидимому, есть опечатки, которыя мы оставили неисправленными.

«ежели я грому бы не бояласе, дак я бы целовѣка дотла затоцила бы», а кигаця говорит: «ну да я по холоду дак старому ды малому ходу дам—люцькую кровь пью и их нжно в тоску ушиба; то мороз у мня крылья облома и я потом пропаду». А толкун им на отвѣт: «я цѣлу ноць людям спать не даваю, межь има все толкусе, только кусить не малтаю», а муха тае и бае: «я как на зиму в охлѣв зайду, дак скотины спокою не даваю, лѣтом ѣм скот и целовѣка, у мня болѣ вашего всих цѣловицьей крови, лѣтом с народамы, а зимой со скотиной—всегды сытой живу».—Тут вси сожаляют, што вся каведь пропала в темници: ох Иван, Иван, запер ты, а не гляѣл не слѣдил, с голоду видно всих заморил; то вѣрно ты пожалѣл им воды и хлѣба, либо ухаживать за има ты пожалѣл времени; раньше ты нам не сказал: то мы дали бы тебѣ не одного целовѣка, оны бы наносили им воды и хлѣба». Только буе фастать Илья пророк: «Я когды, Иван, гостил, дак у тя немножко зафатил: комара да муху да кигацю. Они станут жить до тёмной глухой осени, а это бы знать, што оны у тя пропадут, то зафатил бы овада и всякой дру́гой твари». Иван ему и говорит: «Илья, не нап[1]) сожалять: то оны оцинь бы вышли ѣдки: овад, тоскун да мошка заили бы целовѣка ды скотину, што ёны с тоски бы умереть могли». Илья и спрашива Ивана: «скажи ты, Иван, с цёго эта каведь рождаеццe, што на твоих имянинах ёна есте, а на моих и нѣту». Отвицяе Иван ёму: «овад родицце когды ольха цвите—от ольхового цвѣту, как ольха не зацвите, так и овад пропаде; а комар рождаеццe, когды ива цвите; мошка рождаеццe, когды щипицьник цвите; а толкун рождаеццe от березы—от либайдуцёго береста; а кигаця рождаеццe от е́ловой коры, когды ёль в соку, а муха рождаеццe, когды сходит лист у осины: осина оцинь горька, а муха оцинь бойка: от ей спокою негдѣ нѣту—не народам в избах, не скотины въ хлѣвах.

Приконцили тую бесѣду, стали фалицце, на сцёт хлѣбного. Иван только на рожь показал цвѣт, а Илья ему и относиццё: «нѣт, Иван, ты три дни постовал, как на рожь цвѣт накладал, а у тя перефатил—со ржы цвѣт-от сбил и на свои имянины хлѣб в зёрно наводил и лён в волокно. Я избавил много народу от сильнёго голоду, от зимного холоду, потому што о моих имянинах нацинают

---

[1]) Набъ=надо бы.

рожь жать и молотить; можут семьи кормицце и к новому году запахать и лен станут рвать и моцить и мять. Потом выводяцце крещены со́ льнём, станут женщинья прясь и ткать. Напрядут ёны пряжу, наткут ёны тоцива, наденут ёны голое тѣло, што можут ёны жить без стыда и без сорому.

А Фрол да Лавра ты тым фастали: «мы сбавим от всёго людей: што на свити посадя в свою землю кресьяна, мы им все приведем в силу и в тверность[1])—картофка, овес и жито и всяки ягоды поспіют, то и придлагаем людям: торопитесь обёрать, што у вас в землю розсіяно, рѣдьки да рѣпы не зароните под снѣг и наберите вы во́лнух, ягод журави́ны и брусници, то вы зимой не зазнаете в вологи нужды, не станете жить голодны. Ежели вы с осени не припасете, то и зимой не съидите́, зима долга ды холодна, у зими зубы долги, много нап на ю коё-цёго; не запасете дак и спомните: была на то осень—дали маха.

Рожесьво тот фалилсэ снѣгом, а Михайла фалилсэ морозом: я как землю заморожу, дак Рожесьво даст снѣг, принесе тым много пользы хресьянам—навозя ены на свои земли навозу с которого може хлѣб рости с будущего году, и можут ёны съѣздить в наживу, то им лѣтного хлѣба на год бы не фатило.

А другіи святы, которы были у Ильи вгостямы, и которым фалицце много нецим, отвицяют: «кабы не было бы свѣту, не было бы и снѣгу; от Господа вѣдь и Господним повидѣніем свѣт и снѣг на земли. Снѣг со́йде да все росте, эго все Господь покаже». Господь создал хитромудрых людей, им созидал силу и свыцьку, как кресьяновать на земли. То Господь бы не показал, дак нецего вам не подѣлать бы, дружья мои. Потом Микола сдогадалсэ сам собой пофалицце, што я на дереви лист покажу, как рости, и у травы корень.

А Егорей говорит: я с-подо льдю воду покажу, а Петров-день говорит, што ен свыцьку людям покаже, как траву скосить и сушить и сграбить и сметать, как сѣна коням и коровам и овцям и телятам заправлять, цим скотина зиму питать.

Успенью да прицистому празднику[2]) нецим фастать ды фалицце: Фролы да Лавры заскоцили рицамы за сибя ды за их.

---

[1]) Твердость (твердность).

[2]) 8 сентября.

Покров тот фаста: «я покрою дом теплом, большака да болышуху добром», а Казанска осенна говорит: «я много царю государю помоги даваю, много в солдаты людей отправляю, которы служа царю вѣрой и правдой, можут идти на войну, спасти царя, а царь содержит весь мір».

Срѣтенье да Благовѣщенье совсим не фалились—тых праздников мало сознавают. Тольки кресьяна дожидают цѣлой год радостно Христова Воскресенія: «дорого, говоря, сыр да масло о Петрови дни, а крашено яицько о Христови-дни».

Повѣнецкій у.

17. Шуньга (берегъ Онежскаго озера), д. Завьяловка[1]).

На роду написано.

Запис. А. А. Шахматовъ въ 1884 г. Сѣверныя сказки. Сборникъ Ончукова. 1909 г. № 147, стр. 350—351.

Нѣ в каком царьсви было́, пріѣжжаў мужчына торговый к ноци, и он Господа Боγа знаў, молиўся всё Господу Боγу, просиў всёγо́ хоро́шоγо. Вот он заснуў на ноцли́ги спать. Ну и заколотилось под окошком. «Вот, говорит, в сей цяс (ёму во снях и сниться) жана́ родила (хозяйка в доми), и што этому бладеньцю буде?» И говорит[2]) на мѣсто[3]), што, говорит, што «до семнацяти лѣт она выростет и што в семнацятый аньельской день в колодець потонет на у́лици». Вот, этот ноцьлежьник выстаў по у́тру, приходи в другу коўмату, и то́цьна хозяйка родила дивицю. Он и говорит им слѣдующа, што «я здѣка прожыву трое сутки, возьмитя-ка меня проѣжжающоγо ку́мом». Оны и согласны этому дѣлу, и троэ сутки он прогостиў, и вызвали свяще́нника и крёсну матерь, и проѣжжающёй—ку́мом. И он так священника наградиў проѣжжающёй за роботу, за свою кресницю, што он двацять пять лѣт тоγо не видаў. И так оны любуютця ку́мом тым и всёй семьёй радуютця и так куму́ и ку́ма своеγо подариў, што всим на́ диво, и кресници

---

[1]) На картѣ погостъ Шуньга.

[2]) Подразумѣвается, другой голосъ.

[3]) Въ отвѣтъ (?).

говорит он родителям, што «ежели она буде жыть, я на семнацять лѣт ёй обновки и содержаніе оставлю, а на аньёльской день сам бўду, ежели жыв буду». И поѣжжаэт от jих с гостей и оставляэт хозя́ина довольным быть, со всим семейсьвом и кресницей. И он отъѣхаў, оны ю стали ро́стить и воспита́ть, и она бы́ла бы лучше да не́куда, ростёт хорошо, ну, и там уж скоро скажетця, доўго будетця, (доўго время иде́тця), ну вот и семнацять годов прошло, кресниця вы́росла и этоɣо.... ждуть именин справлять крёсноɣо, всёɣо два дня оставаэтця до а́ньельскоɣо дни. Вот хозяин погля́нит на улицю и говорит хозяйки: «Жона́, вѣдашь-ли што, глей, наш кум пріѣхаў». И она обрадовалась, дочьку хватила за руку—и «Здоровайся, говорит, твой крёсный татенька пріѣхаў». И он такую одёжду ёй привёз, што уж всим людям на́ диво. И на дрўгой день говорит: «Кўмушка, возьмитя вы с колодця воды́ по на́добью, штобы на двоэ сутки воды хватило». Оны взяли катки, накатили воды́, и он взяў этот колодець оббиў чорной кожой. И на этот на аньельской день и стали пить и веселитьця, аньельской день справлять, а кресниця ничоɣо не кўшат, што «ничоɣо я не хочю́». Он ёй, што бы не было, всѣм подчиват, блаɣотворит, штобы она хоть што ни покушала. Она ничоɣо не кушат, всё просит, што «спуститя меня погулять». Вот двѣнацять часов минуло дни, и берёт своɣо крёсноɣо за́ руку. «Подём, крёсный, татенько, хоть на улицю выйдем, проɣуляэмся». Она как на улицю скоро вышла и вы́хватит от ёɣо́ свою пра́вую руку и пав на колодець и тут переставилась на этой кожи и на колодци. И тут ю взяли в фатеру, похоронили и слёзно плакали.

Петрозаводскій у.

18. Заонежье, д. Кедрозеро

Садко.

Запис. А. А. Шахматовъ въ 1884 г. Сѣверныя сказки. Сборникъ Ончукова. 1909 г. № 90, стр. 241—243.

Было у старика досю́ль три сына. Один сын пошоў: «Ба́тюшко, поду я в Москвў в ка́меньщики». И снарядиўся, одѣўся, пошоў. Шоў, шоў дорогой, неизвѣсно, далёко-ль, близко-ли шоў. Потом рѣцька через дорогу бѣжыт, через рѣчьку мос, на мостику сиди́т

дѣвка: «Што, говорит, молоде́ць, куды пошоў? Не снесёшь-ли, говорит, братцю мому письма́? Братець мой, говорит, в Москвы торгуэт».—«Можно», говорит. Она опустилас, г воду скочила эта дѣвка, потом припосит ёму письмо́ с воды́ вы́стала, наказыват: «Вот, говорит, мой брат торгуэт, замѣчай: лѣва пола́ на ве́рьху, подай письмо ёму». Ну он и приходит γ Москву и ищет ёγо по рынку и замѣчаат всё, день ходит, другой ходит и третей ходит, все пристать не смѣэт к ёму, и видит, а не смѣет, вишь. Ну потом этот видит, што он смотрит на ёγо́ (брат-то), он и говорит: «Што-же, молодець, ни купишь, ни продашь, а всё ходишь.»—«А есь, говорит, письмо по́слано, не знаю вам али нѣт». Подаў он ёмў, он прочитаў адрес: «Мни, говорит, письмо». Прочитаў письмо это, да говорит: «Писано х письми у сёстры: кресьянин сострой мельницю противо са́моγо до́му, так што с трубы дым во́всё не идёт. Што, говорит, тиби за это письмо?» Тот: «Ничеγо мни, скаже, не надо».—«Вот поди, говорит, найми вя́щиков (сѣтовя́зов)», и даў ёму денёг, «сдѣлай невед». Он шоў, на́няў и связаў не́вед. «Деньги перестанут, так ко мни приходи». Ну он—деньги перестали—опеть к ёму пришоў. Ну он опеть ёму даў денёг. Ну и найми ловьцёв нынь, скаже ёму. Ну и деньги как перестанут, опеть ко мни приди. Ну и лови, щепья́ попадут, клади о себѣ в куцю, и му́сор попадёт, клади опять в другую кучю, а деньги перестанут, опеть ко мни приходи». Опять ён и стаў ловить; щепки кладёт о́ себѣ, мусор о́ себѣ, и ловиў, ловиў и уж много наловиў этоγо мѣста [1]), бoIшіи кучья он наловиў. Опеть приходит к ёму,—деньги перестали. Опеть он денёг ёму даў. «Сострой два амбара боIших, ну и клади это всё по о себѣ, ще́пки в амбар, му́сор в друго́й. Ну и сам не ходи, шесь недѣль в эхтот амбар не ходи». Ну, потом к ёму приходит, шесь недѣль прошло. «Отвори нынь амбары», скаже. Отворили амба́ры: там в одном зо́лото, в другом се́ребро. Потом он взяў, закупиў в Новигородѣ в три дня́ всю, весь товар, што было, на двѣнацять караблей пагрузиў этот товар, и поѣхали за́ морё. Потом пріѣхали сред мо́ря, вси карабли постановилис, требуэт Садка́ самоγо на дно на́ морё. Ну он и ска́жет: «Дайте-тко дощечку мни-ка ли́пову и гусёлушка ерушчаты», и он опустиўся на эту дощечку, и корабли и пошли хперёд. Он сбыўся на дни,

[1]) этихъ вещей.

не знаў, как и сбыўся на дни́. Там стоит полата боIшая, ёγо стрѣчают уж там, называют «Садко́ сам богатый купець идёт». Потом царь и вышеў, стрѣтиў ёγо́ и сдѣлаў ён баў сиби, заставиў: «Садко́ сам богатый купець, поиграй в гусёлышка ерушчаты». Ну он играў три дни, а царь плясать стаў. Потом с небес глас гласит царю: «Время усмериться, триста ка́раблей потонуло, а мелких и смѣты нѣту». Потом царь ёму с радости: «Што тиби надо, тым тебя и награжу, и котору дивицю тиби надо заму́ж, и тую ты возьми́». Ну, одна дивиця в си́нях (синя́х) ёму сказа́ла: «Ты меня возьми, я роду хрещоноγо, проси». Ну он показаў на ю, што «эту мни-ка за́муж». Царь ю ёму и позволиў ю взять. Выставиў трицять дивиць и «выберай». Она ёму наказала, што «первый раз пойдёшь, так у меня бу́дёт му́шка лётать, а дру́гой раз пойдёшь, так я башмак буду на́ ноги перелаживать, третій раз пойдёшь, так я только платком смахну́, ту ты вы́веди». Тут он ю и взяў за́муж, эту дивицю. Ну и тут царь даў шестёрку лошаде́й, их тут и вывезли на то усье, гди карабли прошли, тоэ мѣсто, там он и огвѣнчаўся, всё своё получиў, и тут Садко́ сам богатый купець и торговать стаў.

С.-Петербургская г.

Лужскій у.

19. **Д. Поле,** по р. Лугѣ (въ 8 в. отъ нея).

Пѣсни.

Н. Карпнскій. О нѣкотор. говорахъ по теченію рѣкъ Луги и Оредежа Р. Ф. В., т. 40, 1898 г., № 3—4 стр. 122.

1.

Полюблю я молотьчика розмоло́деньнкова,
Полюблю молотьчика молоденькова!
Буду роставатца с йим,
Не милитца мне ништо.
Мни не милитца беленькой свет,
Не матушко только отец.
Пойду я с горюшка в тёмной лис—
Мне во лесо́чки пользы нет.
В тёмном лесу берёзушка стоя́ла́.
На эту берёзоньку
Птички-пташки слитали́сь.

Онна птичка-пташечка,
Серая кукушечка
Тёпло гнездышко свила́.
Кукует кукушечка
Утром рано только по утру.
И на тую пору времечка
Ка́линушка росцвела,
Мать нещчастну дочку родила́.
Спородивши нещчасну дочку,
Наноже́ньки подняла.
На ноже́ньки дочку подняла,
Русу ко́су заплёла́.
Позаплётшы русу косоньку,
Не собрафшысь с умом-разумом,
В чужы люди ёна оддала.
Во чужых-то во́ людях
Надо жыть умеючи,
Про всё разумеючи!
Во чужых то во́ людях
Четы́ре зоботушки:
Перва мни зобо́тушка—
Муж удала голова;
Фторая зоботушка—
Сошка да боронушка;
Третья мнѣ зоботушка—
Во̀ поли роботушка;
Четвёрта зоботушка—
Све́кор да свёкро́вушка.
Россе́ржуся я на матушку
Ровне́шенько четыре готка.
А на ро́дново батюшку — никоўда!
На четве́ртой я на годичок
Птичкой пташкой полечу;
Сяду я, горюшоца,
Во зелёным саду.
Ейна матушка родима
По сеничкам ходила́,
Белы рученьки жжымает;
Невестушэк побу°жывала:
Станьте вы, невестушки,
Станьте вы, голубушки;
Не наша-ль горюшоца
В зелено́м саду поёт!
Большой брат говори:
Надо пташечка поимать!
А середней брат говори:
Надо пташечка в клетку посадить!
А третей брат говори:
Надо пташечка убить!

2.

Летал голуп по долинушки:
Он голубушку искал.
Нашол голуп голупку
Во зелёном во саду,
Он на яблоньки ею́.
Содержал голуп голупку
Во своих ясны́х очах.
Малолетняя девчонка
Научылася страдать.
Не страдай моя мила́я
Очень в летах молодая.
Настрадаисся[1], милая,
Коγда выростиш большая.
Деревеньска урожэнка,
Я во городе жывала,
Я слыхала от людей,
Што за деньги друшка любят,
А без денек никоўда!
Унимала я мило́во ночовать.
«Я бы рат бы ночовать-ли,

Боюсь до́ света просплю».—
Ты не бойся-тки любезной:
Я сама рано стаю.
Я пораньшэ разбужу,
Я подальше провожу!
Я до тых пор провожала,
Где коньчалася любоф;
Коньча́лась, роставалась,
Слёзно плакала по ём;
Слёзно плакала, рыдала:
Со слёс речка протёкла.
Бежы речка самотечка,
Перевозу черес нет.
Хош и есте, да не здеся
Один лёгонькой струёк.
В этом во струёчки
Один миленькой дружок.
Ох! ты реченька, Казанка!
Отчово́ ф тебе тонуть?
Розмахнула белы руки,
Опала грудью на воду°.
На воды́ я говорила:
Утчово я, друк, тону:
За тебя ли́, за себя ли,
За любоф ли за свою!

Новгородская г.

Новгородскій у.

20. Д. Ямъ, Тесовской в., на р. Оредежѣ

Разговоръ со старухой.

Н. Каринскій. О нѣкотор. говорахъ по теченію рѣкъ Луги и Оредежа Р. Ф. В. т. 40, 1898 г., № 3—4, стр. 105.

«Мы чай пьем: присятьте пока», сказала намъ хозяйка, когда мы вошли въ избу, и на нашу просьбу принести молока отвѣчала: «Два рас бигала за молочком ноньче. Моло́ка нит. Вот у суситки и похлёну́ть не́чово. Ужо́-ко схожу: буде рожжывус где». Черезъ 5 минутъ она вернулась со словами: «Би́гала, би́гала—ни у одново́ нит... Гди гуляли?»—За рѣкой.—«Вы шли по лавы?... Там боɣатой нарот, фарсистой».—Вы сами изъ какой деревни́? «С Усадишш я бра́на. Там и приро́да есь. Топерь один брат помёрши... Нивиска у меня всё неможе: и гулять бросила; летом на гуляньё не стала ходить в воскресеньё. Бох ви́дать счово́! Топерь ёна́ поправля́тгца».—Скоро чай?—«Са́м знаш, самовар поста́влён: думатца сечас топеря».

---

21. Д. Чауни, Селогорской в.

Частушки.

Запис. Г. Евдокимовъ. Этн. Об., кн. LXV—LXVI (1905 г., № 2—3), стр. 204—228, №№ 331, 495, 567, 584.

1. Как у нас на угородѣ
Выросла́ брусница;
От миня миленочка
Отбила сдвуродна́ сестрица!

2. Не купляй, папаша, шубу,
В шубы воши заѣдя;
Купи-ко, татинька, колоши,
Пущай люди погледя!

3. Кури дружок, не опасайсе:
Я не старовѣрочка;
Одноё платье старовѣрсько.
Я—крестьянска дѣвочка.

4. Ужо чавиньским робятам
Нѣту время погулять:
Им назначена робота—
Ѣхать в хату начовать.

Пѣсни.

Запис. онъ же Ж. Ст. г. 14-ый, 1905, в. I—II, стр. 19 и 23, №№ 34 и 50.

1. Уж ты Ду́нюша, Дуняша,
Чим ты лучше миня?
У тя платьё не алѣ
И походка не башше́ [1]).
У тя походочка баска—
Цоловацце три разка.

---

2. Што во сѣнечках-сѣнях,
Што во новыих сѣнях,
Тут стояла кровать,
Кровать точеная, позолоченая.
Что на этой на кровати
Доброй молодец лежит,
Ужо Пётра господин,
Овдокимович.
Приходила к ёму
Ро́дна матушка.
Она будила ёво
Шолково́й плеткой:
Ох ты, Петинька, ставай,
Овдокимович, ставай!
Плывё на морѣ караб,
С красным дѣвушкам пришол
С Марьюшкой душой
С Мартимьяновной.
Вот за Петрой прибѣжали,
Ёво дома не застали:
Во конторы за столом,
Пише чорным пером,
Со печатью золотой.
—Ох ты, Марьюшка, постой,
Мартиньяновна, постой!
Заплачу тѣ за постой.
Шолковой поес двойной
И с печатью золотой.

---

[1]) Сравн. ст. отъ баской.

Боровичскій у.

22. д. Погорѣлки[1]), Минецкой в.

Мужъ и жена.

Запис. М. А. Сикорскій. Ж. Ст. г. 13-й, 1903. в. IV, стр. 492.

Жили в онной деревни муж и жена, оба молодыи. Баба перед жнивом родила первова робеночка. Ковда наступило жниво, стали оны ходить жать на ниву, а нива была версты за три от деревни. Повѣсят робеночка в зыбки за кустом, а сами жнут. Вот раз как-то на пабѣдѣ мужик с бабой расхлопотались. Мужик молчит и баба тоже. Не пойду домой, думает баба, пока ён жнет. Мужик жнет до вечера и баба с им. Только стало стемнятце, мужик не стерпѣл и говорит:—ступай домой, пора обряжатце.—Ёна серп на плечо, да и покатила, а ребеночка-то в зыбки и забыла. Мужик видѣл ето, да подумал, што она нарошно оставила робенка. Ну, думает, пущщай, и я не возьму; сбѣгат и с дому. Ён пожал, пожал, да, как надо домой итить, и ён пошел, не взял тоже робеночка. Пришел домой. Баба убралась и ужинать собрала. Вот как стали оны ужинать, баба взглянула на пустой очеп и скрикнула: о, Господи, да гдѣ же робенок-то? — А гдѣ забыла, там и есь,—отвѣчает мужик. —Да я-то забыла, а ты-то што-же! —Нѣт, ты не забыла, а на зло оставила: хотѣла, штоб я принес. Да не бывать тебѣ большухой надо мной. Баба взвыла и просит мужа итти вмѣстѣ за им (вишь, боитце итить).

— Нѣт, говорит мужик: пущщай до утра. По утру придешь и робеночек там, не надо и носить. Баба пошла онна—нешто мать-то оставит! Приходит она х нивы, а ставше нянька х этой зыбки с лѣсом наровень, качает и приговаривает: Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшка оставил. Бай, бай, дитятко! бай, бай милое! Матушка забыла, а батюшко оставил.—Ну, как ей подойтить?! Подошла эдак сторонкой и говорит:—кумынек, кормилец, отдай ты мнѣ робеночка! А ён отбѣжал, захлопал в ладоши и закричал:—ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шел да шел, да кумушку нашел!—И гулко таково бѣжит по лѣсу, да все кричит:—ха-ха,

[1]) На картѣ посадъ Минцы.

ха-ха, ха-ха, ха! шел да шел и кумушку нашел!—Вишь, любо ему стало, што кумыньком назвала. Баба схватила робенка, да опрометью из лѣсу.

Одна копеечка.

Тамъ же, стр. 492—493.

Бѣнной мужик покумилсе с богачем. Раз взял бѣнной у богатова кума в займы десять рублев и выплатил ему по частям весь долг, окромя онной копейки. Одначе, богачу жалко и онной копейки. Кажинной раз, как идет он х обѣнни в церку—кум жил в другой деревни—заходит под окно х куму и спрашиват: скоро ли, кум, копеечку отдашь? Хоть Богу свѣчку на ію поставил бы! А кум, хоть и имѣл деньги, а все говорил, што денег нѣт.—Подожди, кум, вот справлюсь, так отдам. Цѣлой год спрашивал богач копейку. Наконец надоѣл бѣнному.—Вить, эдакой кум-то скупердяй! Вишь жалко онной копейки! Вот што, жонка. Я притворюсь мертвым, а ты, как пойдет кум х обѣнни, попроси его аммыть миня и свезь в церку.—Сговорились. В воскресенье, как только завидѣл бѣнной кум в окошко богатова, лег на лавку, захрипѣл, потянулсе и точно помер. Богатый подходит х окошку и стучит: кум, а скоро-ль копеечку-то отдашь?—Ох, ты кумынек—кормилец, отвѣчает жена бѣннова, вить, помер хозяин-то у миня.—Што ты?—Взаболь, продолжает она, и просил тибя перед смередушкой аммыть его и в церку свезь. —Ох, кум, кум, вздыхал богатой, рано ты помер и копеечки не успѣл отдать!—Начал он кума мыть горячой водой. Как плеснет на кума, а кум как сдрыгнет. Омыл кума; взяли сколотили дом ему и принесли в церку.—Вѣрно, думает богатой, кум притворилсе мертвым и хочет што-нибудь счапить из церкы. Дай-ко я догляжу.— И спряталсе за печку. Пришла ночь. Богатой стоит за печкой и ждет. Вдруг што-то заюкотало, застукотало на паперти. Открылись двери, и в церку ворвалась несвятая сила: вить, оны по ночам ходят в церку-то. Вошли, насыпали на пол цѣлой ворох денег— гдѣ-то не благословясь положены деньги-то!—и стали дѣлить. Ужо-ко, думает богатой, я их пугну, не бросят ли деньги-то. «Живыи и мертвыи, ставайте!» крикнул он.—Вдруг крышка у гроба слетѣла, и мертвой кум поднялсе. Тут вся несвятая сила скочила да вон из церквы. Забыли даже и дверь запереть. —А што, кум, вить

ты жив?—Жив.—Ну, так давай запрем двери и подѣлим деньги.— Подѣлили. Черти между тѣм спохватились, што оставили деньги, и послали двоих посмотрѣть в окно, сколько народу в церквы: может мало, так нельзя ли отнять у их. Два кума, подѣливши деньги, стали у окошка и разговаривают промеж собой.—А, вить, кум, ты все ищо не отдал мни копеечки-то!—В это время один из нечистых заглянул в окно. Бѣнной кум цап с его красной колпак.— На, гыт, тебѣ копейка!—и бросил с его колпак богатому. Тут черти без оглядки понеслись назад х своим.—Бѣгите далѣ, нам тут дѣлать нечево: наших денег по копейки только, да ищо онному и не хватило. (Вить оны думали, што их так много, што на кажнова пришлось только по копейки, и ищо онному не хватило). Так и стали оба кума богатыи.

Устюженскій у.

23. Д. Попова, Ереминской в.

Сказка про ерша.

Запис. М. А. Сипозерскій. Ж. Ст., г. 8-й, 1898, в. II, стр. 244.

Слухайте-послуха́йте, стольники-полковники, про рыбноё судьби́ще, про ершово побоище.

Ѣхал щетни́к-блудник, костистая рожа, слинистыи[1]) басни и попова утѣха, ѣхал ён на липовых санишках и о трёх копылишках, пріѣхал ён в Ростовскоё озеро, выпросилсе ночь ночёвать, а за ночью—двѣ ночи, за двём ночам и пять ночей, а за пятью ночам и пять годов. Тут ершу мѣсто полюбилось, ён двор построил, дѣтей наплодил, сына женил, дочку замуж выдал; стал жить-поживать, мелкую рыбку поѣдать, бьёт и колёт, бокам рёбра порёт, из Ростовсково озера старожилов вон гонит. Выискалсе лёщ-лёщищё, широкоё хвостищё, пошёл просить на ерша, на ерша на новожила, бѣлорыбицу осётру.—«Матушка, бѣлорыбица осётра! за што нас ерш-новожил бьёт и колёт, бокам рёбра порёт, из Ростовсково озера старожилов вон гонит!?» Позвали ерша, допросили ерша:—

---

[1]) Слина=слюна.

«Што-ж ты, ерш, бьёшь и колёшь, бокам рёбра порёшь, из Ростовсково озера старожилов вон гонишь?» А ёрш отвѣчает: «Бог с ним, што оны старожилы! Жил я в малинькой рѣчки на острову, пришёл год сухой, загорѣлсе бор сырой, искра залетѣла, моё пепелищё згорѣло; мнѣ жить пришло там не-пошто». Думать да гадать, ково б туды послать огледѣть: было-ль там у ерша пепелище, аль нѣ? «Послать, аль не послать карася подьячево?» А карась подъячёй говорит:—«Што одново меня пошлёте: одному мнѣ и не повѣрите!» Ищё думать да гадать: «ково ему въ понятыи люди дать?» В малинькой рѣчки, под мельнишной сланью, подъ большим камнём есь линь. Приходит карась подъячёй под мельнишную слань, под большой камень и говорит: «пойдем, линь, ершово пепелищё гледѣть!» А ён высунул голову из под камня и отвѣчает карасю-подъячему: «Возьми брат, два гроша на калачи, а миня в дорогу не волочи! у миня глаза малы, я далеко не вижу, говорить не умѣю; у миня губы толсты, не ровно миня судья спросит на очи, я ево слюнам забрыжжу». Ищё думать да гадать: «ково-жё ему в понятыи взять?» В той же малинькой рѣчки, под мельнишной сланью под большим камнём есь рак и тот бывшёй дъяк. И вышел рак-рачищё из рѣки рѣчистой, накликал рыб три тьмы, три тысечи.—Видит ёрш не время(е), уберает своё беремя(е); видит не минучу, затыкает голову онучёй, штоб бѣжать и слѣду не знать. Попадает ершу щука на стрѣчу. «Ерш! постой, родня, постой, поговорим со мной!» А ерш отвѣчает: «говори, щука, голы щёки, а у миня и ззади уши есь». А щука испугалась, от ерша побѣжала, мужику г поѣз[1]) попала. А ерш пришел г малинькую рѣчку, под мельнишную слань, под большой камень и стал похвастывать: слава Тибѣ, Господи! Сам буду большой, сам набольшой, над большой рыбкой, над малинькой над уклеечкой.

Пришел мужик Тит, ходит да гледит, ерша в рѣки и огледит; пришел Перша, поставил вершу; пришел Никола, забил за кол; пришел Богдан, ерша Бог и дал; пришел Лазар, по ерша и слазал; пришла добра жена Ѳедора и потащила ерша в подолѣ; пришла Окулина, та избу прокурила; пришла Марина, ерша и сварила; пришел скупой Іюда, разложил ерша на четыре блюда; пришел плясовой Яков, с четырёх блюд один и смякал; пришел Елизар,

1) Поѣздъ—родъ невода.

только блюд полизал; пришел мужик Осип, тот так просит (у того денёг не случилось); пришёл мужик Спиря, ну спорить да здорить: «куды ерша дѣли да куды подѣвали?» Пришел мужик Олёшка, взял лутошку: «всих вас нады разогнать!» Хто спил да съѣл, двадцать годов г салдатах служил, домой пришёл, мельницу поставил; мельница згорѣла,—ищите, гдѣ хотите.

---

24. Д. Тимонино.

Частушки.

Запис. И. Судаковъ. Ж. Ст. г. 13-й, 1903, в. IV, стр. 447—452; цифры въ скобкахъ послѣ каждой частушки указываютъ №, подъ которымъ она тамъ помѣщена.

1. Сдали милова в солдаты,
Мамѣ горя не скажу,
Вышитóё полотенцо
На дорогу положу. (81)

2. В пріёмѣ ножницам забрякали,
Мой ми́ленькой упал:
Умолила ты, хорошая,
В солдаты не попал. (82)

3. Погодите, не валитесь,
Бѣлиньки градиночки,
Дайте полё перейти
Моёму ягодиночкѣ. (84)

4. Бѣло платьё одéвала,
Становилась под вѣнец,
Погляди, родима матушка,
Красѣ моей конец. (86)

5. Я ребинушку ломала,
Вѣточки кидала вниз,
Я милёночку кричала:
Приходи ребину ись. (91)

6. Красно солнушко стает,
На обѣд сворачиват,
У мня миленькой идет,
Сапожки околачиват. (93)

7. Под окошечком сидѣла,
Пряла бѣлинькой лёнок,
Туé дороженьку гледѣла,
Откуда милёночек идет. (94)

8. Я косила, поумаялась,
Лёгла на бережок.
Мнѣ хорошой сон приснился,
Розбудил миня дружок. (96)

9. Нашё полюшко широко—
Девяносто десятин,
Мó ёт миленькой здоровой,
Обработыват один. (99)

10. Дóма корочёк поѣла,
На роботѣ пѣсни пѣла;
В людях чаю напилась,
Пошла слёзами облилась. (101)

11. Я купила много мыла,
Мытцы не охотница.
Росчитай миня, хозяйка,
Я те не работница. (102)

12. Восоти́нски[1])-то идут,

---

[1]) Изъ деревни Восотина (?). На картѣ Военн. Топ. Отд. Главнаго Штаба „Высотина“.

Пущай онѣ воротятцы,
На их глазы не глядят,
Говорить не хочётцы. (105)

13. Ка́жнёй пра́здник фартук разной,
Сарафану смѣны нѣт,
Не любы́им парнем дразнят,
Мнѣ, дѣвчонкѣ, нужды нѣт. (121)

14. Ой, по морю по синёму
Плыла лебядь сизая,
За лебедью лебядин плывёт. (122)

15. Мо-ёт милой на кона́вѣ[1]),
На роботѣ земляной—
Землю роёт, сердце ноёт
По сударушкѣ своёй. (126)

16. Ка́бы ты, моя Анютинька,
Не к ду́шинькѣ была,
Не прогуливал бы ночиньки,
Позды́и вечорка́. (159)

17. Милой полюшком идет,
Тросью упера́етцы.
Дѣвчонку горюшко берет,
Никто не сдогадаетцы. (162)

18. Если сто́снётцы, мой милинькой,
Пришли-ко письмецо,
Сресую русое волосьицом
Бѣлое лицо. (164)

---

25. Д. Ванское.

Частушки.

Тамъ же, стр. 454—459; цифры въ скобкахъ послѣ каждой частушки указываютъ № подъ которымъ она тамъ помѣщена.

1. Износилсы ремышёк
Опояшу нитку;
Полюблю я, полюблю,
Ми́лова я Мишку. (196)

2. Я в полюшкѣ картошку рыла,
Милой ѣхал за снопам,
Я об ём горазно вы́ла—
Ми́ленькой фуражку снял. (200)

3. Откутай, матушка, окошечко:
Голо́ушка болит.
— Врёшь, обманывашь, мерзавка,
Ты к себѣ па́рня мани́шь. (205)

4. На печѣ я молотил,
На ошесткѣ вѣял,
Дома мѣру позабыл—
Голенищём мѣрял. (229)

5. Давай, крестовая, упять
По одина́ким покупать,
По буровым с лапочкам,
Останёси солдаточкам. (250)

6. Каки́ тяжёлыи дрова,—
Стано́ветцы лошадки;
Настоишьси милинькой,

---

[1]) Сравн. № 26, сбирушка 22-я.

Предо мной без шапки. (252)
7. Не придётцы вам смѣятцы
Голикам над вѣникам,
(дважды)
Робятушкам над дѣушкам.
(285)

8. У миня-то во косѣ
Ленточка отласная.
Про миня, про дѣушку
Слаушка напрасная. (291)

Череповецкій у.

26. Андогская[1]) и Прягаевская в.в.

Сбирушки.

Записала Кл. М. Гарднеръ. Этн. Об., кн. XXXIII (1897 г., № 2); стр. указаны въ скобкахъ.

1. Уж ты, миленькой, форси, хош не форси,
Брюки выпустишь, блинов не поѣси.
2. Нѣту, нѣту присталету,
Нецѣм утоцькю убить;
У милово завтро празник—
Нѣт мяска в горшкѣ сварить.
3. На окошкѣ свицькя таёт,
Во полѣ собацькя лаёт.
Бѣлолапая, не лай,
Придёт завтро Николай. (104)
4. Не поду по этой лисёнкѣ
По новой, по цястой;
Недавно́ узнала милово—
На ба́сёнкаф пустой.
5. Как у нашово двора
Подворотня кривитцы,
Полно, миленькой, тіѣ
На миня надіятцы.
6. Как за нашим за двором
Узенькая глобоцькя,
Всѣ дѣвцёнки кой-какіе,
А моя, как бобоцькя.
7. Двѣ березки расцьвѣли,
Третья раскудрявилась,
Я сама сіѣ дивлюсь,
Какая дрянь помравилась.
8. Миня мамонька за Сашенькю
Пытала проберать.
Не брани, мамашенькя,—
Хорошой парень Сашенькя.
(105)
9. Накрутило, намело
Снѣгу голубово;
До сево́гудново году
Не было любово.
10. Минѣ се́ноци приснилась
Голова коровья:
Придёт милой из салдат
По слабостѣ здоровья.
11. Под ребиною стояла—
Ребинушка гнётцы;
Раньше миленькой сміялсы,
Ныньце не придётцы.

---

[1]) По р. Андогѣ; на картѣ Прягаево.

12. Я гуляла под берёзкам во лужкаф—
Не остатній ли годок во дѣушкаф?
13. В рицькѣ тоненькой лёдок,
Водиця непроте́цьная;
Неужели с миленьким
Розлука вѣковицьная?
14. Неужели ты повянёшь,
Траушка шолковая?
Неужели замуж выдешь,
Дура безтолковая?
15. Ой, дѣушки, тошно, тошно,
От милово письмо пришло,
Роспецятаю пецять,
(Да) со слёзам буду цитать. (106)
16. Пѣсни пой, пока поётцы,
Выдеш замуж, не придётцы.
Будёт горе да бѣда,
Забудёшь всѣ припѣвы—да!
17. Говорила мамкѣ в самые уста:
Пріѣдут свататцы, отдай ради Христа!
Не отдаси, так, мамка, ска́ёшьси—
Со мной на́ лѣто намаёшьси:
Не поду я не жать, не косить,
Не поду изутра рано молотить.
Захоцю, так молоцю и ворохцю,
Не хоцю, так из овина укацю.
Молотила, ворох віяла,
Из овина дружка видѣла;
Я завидѣла одним глазком
Непорядки за милым дружком,
Непорядки, непорядоцьки,
За милым дружком доглядоцьки. (107)
18. Сам играю, сам пляшу,
Сапоги с дырам ношу;
Сапоги опорки,
Сарафан с наборкой,
Сапоги со скобам
Посулила, да не дам.
19. У мня мама золотая,
Никовды не забранит;
Приведу милово на дом,
Ишшо цяём напоит.
20. За работу батько бил, колотил,
За гуле́нье кофту драпову купил.
21. Тятькя, мамка, я не ваш,
Я не стану жить у вас!
На работѣ морите́,
Рѣдко цяём поите́ (дважды)
Минѣ гулять не даите́.
22. Провожала дружка милово
Вплоть до города Кирилова,
До Канавы Бѣлозерськіе[1]),
(Да) хороши робята сельскіе. (108)
23. Матушка не родная,
Похлёбушка холодная!
Как бы родная была,
Погоряцяе-б налила. (109)
24. К Богу схожоно, рука была дана,
Бабы-дуры поросхаяли миня.
К Богу схожоно у нас наединѣ,

[1]) Разумѣется Бѣлоозерскій обводный каналъ.

Всѣ сказали, што хорош не по мнѣ. (110)

25. Посидите, посидильницьки,
Дорогіе вы бисидницьки,
Мы дадим вам провожатую,
Дивцёноцькю вожоватую.

26. Во своей деревни милово люблю,
Ходит ба́ско, наглядѣтцы не могу.
Наглядитесь мои глазки про запас,
Штобы сердецюшко не ныло кажный цяс.

27. Ой, дѣушки обидно мнѣ:
Дружка милово невидно нигдѣ.
Ой обидой обижаюси (также:-ся),
С кѣм ненадобно—видаюси. (111)

28. Ишшо это-то не дивушко—
Сидит Пе́ша под ребинушкой,
Ён во биленькой фурашецькѣ,
В кашемировой рубашецькѣ;
Кашемирова рубашецькя,
Молодецькяя замашецькя;
Кашемирова–прямой вороток;
Што на этот на прямой вороток
Насажу двѣнадцять пуговок в рядок,
По хресьянському — цётыре впоперёк. (112)

29. Уж как тетушка, откуды и куды?
Присылай ребят хорошіиф сюды.

30. Не лѣс трешшыт,
Не комар пишшыт,
Смородина вьётцы;
Хозе́йна дома нѣт—
Дѣло обойдётцы.

31. Свитит со́ньцё и луна,
Дѣвка ишшот колдуна
Приговорить милово—да!

32. Тёшша, бей яишницю,
Зять пришол, я ись хоцю.

---

27. Шухтовская в. [1])

Сбирушка.

Тамъ же, стр. 110.

Ой милашка, со́ньчё,
Подарила кольчё;
Не иму куды дѣть,
Али на́ палечь надѣть?

---

[1]) Такое же произношеніе въ Уломской в. и вообще въ южн. части Череп. у.

Бѣлозерскій у.

28. Д. Терехова́-Мала́хова, Мишутинской в. (ю.-з. часть уѣзда, въ 30 в. къ сѣв.-вост. отъ ст. Бабаево СПБ-Вологодск. ж. д.).

Пѣсни.

Записали въ 1908 г. Б. и Ю. Соколовы. Съ рукописи.

1. Веселитеся, подрушки!
К нам вёсна́ скоро́ придёт.
Вёсна́ приде́т, соньцё зо́йдёт,
Згонит снѣшки, з гор бѣлой марос.
Розольютцы быстры ри́цьки,
Всѣ мелкіе да руцейка́,
Росцвѣтут в по́лѣ цвѣтоцьки,
Всѣ рокитовы куста́.
Промежу́ этиф кусто́цькоф
Вома ри́цька протекла,
А на етиф на кустоцькаф
Мелки пташецьки поют,
Мелки пташки кинарейки
Весело́ бо́льно поют.

2. Я посіяла ленку
Ф край дорошки в уголку
Ты росьти́, росьти́, лёнок,
Росьти́ долок и высок,
Со коре́нья коренись,
Со головок сименись.
Мнѣ сказали про лён,
Што мой лён повалён;
Я накинула платок,
Побѣжала во лёнок.
Во моём то лёни́шшэ
Надѣлано тропишшэ.
Знаю, знаю цья наука—
Моево прежняво друга.
Я не знаю, цему быть,
Мёнѣ котораво любить.
Мёнѣ дальняво любить—
Мнѣ далёко в гости ходить;
Мёнѣ блискаво любить—
Баско-шшэпетно ходить
Да тонкопря́льей быть.
По́ три нитки в вецер пряла
Во неди́лю простенёк.
Што годок—то моток,
Мотови́ло с локоток.
Я поставила кросна́—
Пошла девятая вёсна́,
Десятая масленицья.
Пот коклю́шкам пот подно́шкам
Трава вы́росла.
Ме́жду ни́ценкам набѣлкам
Кура гнѣздышка свила;
На прошшыстьѣ[1]) самосѣтка
Циплят высѣдѣла.
Было семьдесятципу́шок
Девяносто пѣвуноф.
Пѣвуны́ нашы поют,
Куры ро́стятсе,
Гулять просятсе.
Был один циботáрь,
А другой золотарь,

[1]) См. въ словарѣ прошесть.

Машѣ ко́ты сроботáл,
Из полу́кожи подошвы,
Из другой переды́,
Из обрѣзецьвоф подборы—
Машѣ котики готовы.
Ты ставай-ко, Маша, ранняе,
Обувай-ко ты смиля́е!
Ты домой-то сойдёш—
Здогодаешшы,
Дома бе́с соли штей
Нахлёбаешшы.

Сказка про Ивана Царевиця.

Тамъ же.

Был ця́рь, у царя оди́н сын. Прослы́шал ён дѣвушку хоро́шую в нѣкотором ця́рьсьвѣ. Така́я краса́виця была́ у короля́, што ни в ска́скѣ сказа́ть ни перо́м написа́ть. Вот ён отпра́вилсы сва́татсы. Подъѣжжа́ѐт ён к э́тому го́роду, спуска́ѐт коня́ во зелёные луга́, сам покупа́ѐт кафта́н з до́лгими пола́ми, з большы́м воротнико́м. Надѣл ён на сибя́ и пошо́л по го́роду. Идёт мимо короле́вьскаво дворьця́. А короле́вна этта и уви́дѣла. «Ба́тюшко! Возьмём, говори́т, ф садо́вники». Ён сиця́с пригласил в садо́вники. Ён бутку здѣлал себѣ и поля́жываѐт в буткѣ.

Из инны́ф земе́ль пишот ему этому королю́, штобы оддавал доць за́муж за ево. «А е́жели не оддá́ш, фсё царьсво наси́льно уведу!» А у э́тово кня́зя была земе́лька ма́ленькая. Ему не захтѣ́лось до́цери оддать таг без хлопот. «Пускай лутше возьмёт, говори́т, с войны́, когды моя си́ла не хва́тит!» Вот там вы́ставил силы стра́шное дѣло сколько, а у этово оцень мало. У ево были два зятя. Ён стал просить зятье́й, што «сьѐзьдите на подмо́гу, зятья́!» Зятья́ отправились. И эта доць поѐхала ево тоже туды. Слу́цяѣ неусто́йка, там уж и возьмёт ею́.

Там мно́го ли, ма́ло ли вре́мя ѣхали,—а этот садо́вник вышел в зеле́ные луга. Кры́кнул по молодецькіе, сви́спул по богатырськіе. Конь бѣжыт, как стрѣла́ летит. «Стань, говорит, передо мно́й, как лист перед траво́й!» Конь останови́лсы. Ён в ушко влѣс, в другое вылѣс. И напи́лсы, наѣлсы и снаряди́лсы. Такой цистяк сдѣлалсы. Эгиф зятье́й на полудорогѣ и догна́л. Онѣ и говорят: «Далёко ли, мо́лодець, поѐхал? Нам бы этакаво воина Бог бы дал!» А ево уж и не вида́ть. Пріѣхал туды́ ён, гдѣ Марья Короле́вна назна́цена была быть и въѣхал, разгуля́лсы, ра́за два прокати́лсы, потом на си́лу и пусти́лсы и не то́лько сам бьёт, ко́лько конём мнёт. Це́рез

цяс силы не стало. Ён поворотил к Марьѣ Королéвнѣ—ёна ево пригласила обѣдать, а ён сказал, што «зафтра приду». Йдёт[1]) домой, а зятья ево попадают на стрицю. Ён им по ленькý плёткой по такóму, што на спинѣ кóжа сошлá. Пріѣхал домой; в ушкó влѣс, в другóе вылѣс; таким же и здѣлалсы. Надѣл дóлгой кафтан и отпрáвилсы на своё мѣсто ф сат и спит сýтки кругом. Зятья пріѣхали и фáстают:—«побѣдили, говорят, вся сила». Ну корóль сказáл: «Слава Богу». А Марья Королевна дýмаэт: «не садовник это был ли?» Сходит постýкаетсы—попáсь к ему не попáсь. На другіе сутки пришла к ему—ён стал. Стала спрашивать ево. «А я нигдѣ и не бывал, говорит, из сада вон». Церез нѣсколько время ен опеть накопил силы ешшо больше тово и взял 12 богатырéй и пишот опеть: «Выставлял бы силу, а нѣт—выводил бы Марью Цярéвну опеть». Этому королю прихóдитсы просить зятьей. Попросил зятьей, они опеть поѣхали. Ѣдут и не надѣютсы: будет ли этакая помошш, как раньше была. Сутки время прошло. Этот садовник вышел в зелéные луга, на шолкóвые травы, крыкнул по молодéцькіе, а свиснул по богатырьскіе. Конь бѣжыт, земля дрожыт. «Стань передо мной, говорит, как лист перед травой!» Конь остановилсы. Ён в ушко влѣс, в другое вылѣс. Напилсы, наэлсы и такой молодець здѣлалсы, дак страшное дѣло—ешшо башше[2]) тово. Поѣхал и зятьей этиф нагнал на полудорогѣ. Пріѣхал, гдѣ Марьѣ Цяревнѣ нужно стать. Остановилсы, пооглядѣлсы на силу, проѣхал раз—другой и потом пустилсы; не только сам рубил, колько конь топтал. С богатырём шшыпсы и ён ему руку ранил. А Иван цяревиць ево засѣк до смéрьти. Оцистил это пóлё и подъѣжжаэт к Марьѣ Цяревнѣ. «Завяжите, говорит, мнѣ руку». Ёна сняла платок и завязала ему руку и позвала ево на обѣт. А ён сказал, што зафтра. И отправилсе домой. Со зятьям стрѣтилсе, им по ленькý дал такому, што сорвал кожу со спины долой. Потом пріѣхал домой в зелёные луга, в шолкóвые травы. Потом приходит домой во всём и в эту бутку лёг опеть и спит три ння и три ноци. Оттуды пріѣхали зятья и выхваляютсы своему тестю, што «мы порѣшили всё войсько, побили и богатырéй тагжо». А Марьѣ Королéвишнѣ запретили, што не сказывать, што не оннѣ,—бутто што оннѣ. А у Марьи Коро-

---

[1]) Ѣдетъ; читать, очевидно, слѣдуетъ йидёт.

[2]) Сравн. степ. отъ баской.

левишны своё на умѣ. И к ряду ходит туды в эту бутку, доклика́тсы—не докли́катсы, а буди́ть—не добу́дитсы. И плацет над им. Слёза́ ейная пала на́ шшэку. Ён и прохватилсы. «Ах, как миня, говорит, ожгло си́льно!» Стал тут. Ёна ево тут и узнала—платок на́ руку повязан, которой был у самой повязан. Потом взяла́ ево и повела в дом на этот пир, гдѣ пирова́ли зятья княженецькіе. Привела и сказала: «Вот, хто миня, папаша, спас, хто за меня заступа́л». Отець спросил ево: «Ты цей? Откуда? Како́во роду-племени?» Ён разсказал, што «такова цяря сын я». Тут цесным пирком, да за свадепку. Тут повѣнцялсы на Марьѣ Королевнѣ. На свадьбѣ было оценно добро́. Вина и пива и ржаны́ф пирогоф и клю́коф было хорошо. А больше не было особенно ницево.

Вологодская г.

Грязовецкій у.

29. Д. Коптева[1]), Авнежской в.

Свадебный обрядъ, записанный крестьяниномъ.

Запис. крестьян. И. В. Волковъ. Ж. Ст., г. 14-й, 1905 г., в. I—II, стр. указаны въ скобкахъ.

Сваребныи обычаи; начинъ сварбы дело ведется такъ, деревѣнской обычай: начало свата, я Иванъ, придумалосъ мне сходи́тъ отъ невесты къ жениху: и думаю самъ себѣ: дело ето зделаю, девку эту высватаю за етова парня;.... прихожу я вь деревню, иду визбу и сажусъ на лавку и приведсвую словами: господи благослови, хозяинъ незабрани и хозяюшка тоже, сель я на лавку, тоже ноги роши́ряю вдолъ половичъ и приветсвую словами: при́шолъ я квамъ сватомъ о такой то девицы и хвалю е́е, что девка умная, хорошая, рукоделная, наполнюю работу начисто ловка, надо вамъ е́ё взятъ, я высватаю вамъ заетова молотца, приеждяите толко невесту смотритъ, всо у ее стъ наряду и билья и рубахъ много, да и дадутъ вамъ приданова корову, овцу, земли купленои, нето денегъ на сварбу.....

---

1) На картѣ Авнежскій монастырь.

Женихъ отецъ и мать приеждяютъ невесту смотрить и родня сестри зятовья и дяди иле тетки. Лошадей ставятъ на чужую повить. Невесту наряжаютъ всамое лучее платье, выводятъ осеретъ пола и садятъ на стулъ и даютъ пряху прясъ; вето время все смотрятъ на невесту и на пряжу, каково предетъ, вся родня женихова и положатъ веретенцо на полавшникъ. Она идетъ и беретъ и целуетъ жениха и уходитъ, потомъ идутъ вгорницу имене гледитъ у невесты, чтобы было что носить и всундукахъ билье и рубашки, чтобы было чемъ подаритъ женихову родню; если всо покажетсо то, зовутъ невестину родню места[1]) гледитъ; ксибе, непокажетсо, не зовутъ, в ето время невеста посылаетъ своихъ таварокъ женихову лошатъ мохомъ кормитъ; если лошать станетъ мохъ ести, то женихъ возметъ взамужъ невесту, если неестъ, то дѣло в розъ разойдется. Невеста вето время надеваетъ другое платье и садитсо за столъ, угошяетъ чаемъ гостей и почуетъ что естъ на столе.

Невестина родня сбираетсо къ жениху места смотритъ, приеждаютъ и ставятъ лошадей водле изби, идутъ в домъ и смотрятъ скотъ на дворе, в горнице одежу и всу постройку, идутъ вонбаръ, многоле хлеба, есле всо покажется, то и дело, ведутъ лошадеи, поднимаютъ на повитъ и сена даютъ и розговоръ ведутъ о приданомъ, какое посулили с невестои, все перепишутъ да и богу помолятсо и сядятсо за столъ и угошаютъ ихъ и поятъ до пьяна и едутъ домои с песнямъ, и невеста стричаитъ своихъ родителей и ревитъ и причетъ идотъ со своими девицами.

Образовка у невесты,—отецъ и мать невесты дадутъ благословенье молодымъ да и сядятъ женихову родню за столъ и почуютъ ихъ, вето время невеста вкуте, причетъ ведутъ. (203—204)

Подходятъ бабы кстолу и просятъ на молчанъ у всѣхъ поеждянъ и у жениха просятъ, приветствуютъ слова, ставятъ блюдо кричатъ, гаманятъ и приведствуютъ слова: князъ молодои, друженкя чесной, позволте намъ на молчанъ, что мы про невесту нечево не говорили худова за ёе слова, закладали, ее на умъ наставляли и влюди опушали. Невеста после стола даритъ женихову родню полотенцамъ и платкамъ, ей денегъ кладутъ на блюдо за дары, кто сколько положитъ. (208)

---

[1]) Род. п. ед. ч.=вещей, приданаго.

Обносятъ пивомъ и виномъ ково даритъ. Невеста последный даръ жениху даритъ и целуетъ и закриваетсо и ревитъ причетамъ. (209)

Вельскій у.

30. Д. Велико-Николаевская, Тавренгской в., на р. Подюгѣ.

Два брата.

Запис. А. Шустиковъ. Ж. Ст., г. 5-й, 1895, в. II, стр. 208—209.

Жили два брата, один богатой, другой бѣдной; у бѣдново и лошадки нѣт, а надо ѣхать по дрова. Приходит он к богатому брату и говорит: «пожалуста, брат, дай мнѣ коня по дровця съиздить!» «Ты у меня побьешь, сказав богатой, а конь у меня сторублёвой». «Пощо, храни Бог, побью». Ну, гыт, дам, ступай, поѣзждай! Такой был крутой на словах-то. Бѣдняк выводит коня, а без хомута; он и не сміет попросить хомута, думает що брат не ровно передумаетъ, не даст коня. «Ну, добро, гыт, у меня хомут и свой есь». Хомут свой не пригодивсе, мал; «ну, добро, гыт, съѣзжу и так!» Вывернув оглобли из дровень, привязав коня хвостом к стужню, поѣхав за дровами. Воз наклав огромной. И случилось ему ѣхать мимо братова дому, он пріопасивсё, що без хомута идет, пригрозив лошадь, щобы скоряя проѣхать, а лошадь взбѣсилась да прямо во двор, а тут была подворотниця высокая; возом захватило, хвост и оторвав у коня. Вот тут он и заревѣв, пошиб коня. Свел коня к брату во двор, поставив в конюшну и приходит в избу. Брат и спрашивает ево: «що съиздив по дрова?»—«Съиздив», гыт. «Все-ли ладно?»—«А не больно ладно:—хвост у коня оторвал!» Ах, ты такой-сякой, закричав богатой брат, я тебя на суд поведу, к судьѣ». Вот онѣ и отправились в дорогу, к судьѣ, привернули ночевать к богатому человѣку—богатой к богатому уж завсегды!—хозѣин составил для ево самовар, а бѣдной улез на печку. Вот онѣ завели разговор: «куды, земляк, пошов?» спрашивает хозѣин. «Да вот, гыт, брат оторвав у моего коня хвост, так веду на суд». «Да не у хорошово-то ли коня?» говорит хозѣин. «У хорошово, отвицѣет богатой брат». «Эку бѣду-то! Судить за это ево станут строго», сказал хозѣин.

Бѣдной брат на печѣ лежит да слушает их разговор; выслушав и думает: «не предамсе суду живой, с воронця зашибусь о пол». Вот он залез на воронец и только гнеть на пол! А раньше хозѣйка постелю услала под воронец и с малюткой спать легла; он и угадав на малютку, ушиб до смерти, а сам не ушибсё, мягко было. Хозѣйка заревѣла, що малютку зашиб, объяснила хозѣину; вот и тот пошов на суд, надо бѣдняка засудить. Идут на суд уж троём. Подходят к рикѣ, виновной и думает опѣть: «зашибусь с мосту о лёд, а не предамсе суду живой». В то время сын отца волок на чунках из бани и только що выволок из-под мосту, а бѣдняк с мосту ищо гнеть, да прямо на старика! Убив ево до смерти, а сам жив оставсё. Вот и сын старика пошов на суд. Идут к судьѣ уж три просителя на одново виновника. Бѣдняк дорогою взяв пребольшущой камень, сунув ево за пазуху и думает, що не дамсё живой в руки; осудит судья, так убью и судью, и себя: все одно, гыт.

Пришли к судьѣ; вот судья и начав их судить; спрашивает первово—брата: «ну, що такое сдѣлав у тебя брат?» Брат сказав, што оторвав у коня хвост, опозорив коня. Судья взглянув на бѣдняка, а тот и поколотив у себя за пазуху да думает, що только осуди—зашибу! Камень-то быв большой, пазуха так и оттопырилась. Судья, увидя это, подумав, што бумажник с деньгам у ево за пазухой, взятку сулит; вот он и рѣшив: «ты, гыт, отдай ему коня-то, пусть он издит, пока не выростет у коня хвост, а как выростет, так и возьми назад!» Богатой брат только голову почесав. Другой опять жалуетсё: «у меня, гыт, малютку убив». Бѣдняк опѣть похлопав у себя за пазуху. Судья и говорит жалобщику: «отдай ты ему жону и пусть он держит ее, пока не родит ребенка, а как родит, так ты с ребенком-то втупор и уведи к сибѣ». Так и это дѣло рѣшив, ничево бѣдняку не было. Вот третій жалуетсё, що отця убив. Бѣдняк опѣть похлопает о пазуху. Судья сказав жалобщику: «вот, братец, ты сам виновник: волокёшь отця по подмосту, под большой дорогой, мостовина валилась и тебя убила бы... Ты видно так и ладил старика-то?» Обсудив судья жалобщика четвертным штрафу. Роспустив судья просителей и подходит к виновному: а що, гыт, посулёное-то! а сам хлопает себя о пазуху. Бѣдняк вынимает из-за пазухи камнищо: «вот, гыт, ваше благородьё, кабы ты меня обсудив, так бы и зашиб тебя камнем!» Перекрестивсе судья: «слава

Богу, гыт, хоть я тебя-то не обсудив!»

Так бѣдняку нечево и не было.

---

31. Д. Горы, Тавренгской в.

Илья Муромецъ.

Тамъ же, в. III—IV, стр. 426—427.

Из-за лѣсу, лѣсу было темново, из-за темново дремуцево, не туця-ли там затуцилась, не туман-ли затуманивсё. Подпимаетцё там злодій Ка́лин царь на Кіев град, за пим было сорок царей царевицей, сорок королей королевицей, и за каждым царем царевицём и за каждым королем королевицём было силы за ними по сорока тысяцей; за самим злодіем Ка́лином царем было силы три тьмы и три тысецп. Подошли онѣ под Кіев град и обстали кругом Кіева, и злодій Ка́лин царь в первой день ходив до вецера, перву поць до бѣла́ свѣта́ и выклика́в сибѣ такова целовѣка, што-бы знав говорить по-русски и товмацить[1]) по-татарски.... (и такъ до трехъ разъ). И нашовсё такой целовѣк.... и он ему наказ наказывал: «пойди-жо ты во Кіев град, иди прямо ко князю Владимиру во свѣтлую свитлицу и во столовую горницу, и гдѣ-ка опоцивает князь Владимир, и не снимай с себя шапки соболиныя и не крести своево бѣла лиця, и говори ты с ним таковы слова не с упадкою: «ах, ты, князь Владимир! мы к тибѣ пришли не в гость гостить, ты отдай нам Кіев град без бою, без драки и без большово кроволитія»....

Повисив князь Владимир свою буйну голову ниже могуцих плець. У ево была жона Апра́ксія, у ево она и спрашивала: «што-жо ты, мой возлюбленной муж, повисив свою буйну голову ниже своих могуцих плец?» — «Да, говорит, жона моя Апра́ксія! как мнѣ своя голова не повисить: просит злодій Ка́лин царь Кіев град отдать без бою, без драки, без большово кроволитія».... Говорила тут ему жона ево Апра́ксія: «есть у нас в глубоком погребу сильной могуцёй богатырь Илья Муромець, возьми ты тарелки золоцёныя, на эти тарелки насыпли злата и серебра и драгоцѣнново каменья; набери с собой куниц и лисиц и драгоцѣнных соболей, и принеси

---

1) См. толмачить.

ты ему покорность и говори таковы слова: «Ты прими от меня, сильной могуцёй богатырь Илья Муромець, богатой подарок и выйди ты на бѣл свѣт из глубоково погреба и постой ты за церкви соборныи, за души младенцескія, за вѣру христіянскую!».... Тут выходил Илья Муромец из глубоково погреба и крицяв он своим богатырским голосом, свистав молодецким посвистом своево доброво коня; и бѣжит ево доброй конь наступцивой, не потеряв он войлоцька косящатово, не потеряв он сидёлышка черкасково, не потеряв он и копья довгомѣрново, не потеряв он и палоцки воинскія, богатырскія..... Садивсе Илья Муромець на своево доброво коня, поѣзжав во зеленыя луга и гдѣ-ка жив там злодій Калин цярь. Ѣхав-поѣхав и сам сибѣ пораздумавсё: «што жо я поѣхав на рать силу великую, силу не побитую, а не у ково не попросив благословенья?»

В цистом полѣ живет у ево дядюшка Самсон Колывановиць; пріѣзжает он к этому дядюшкѣ, и дядюшка обрадѣв своему племяннику и спрашивал ево: «куда-жо ты, мой племяницёк, поѣхав?» «Есть, говорит, дядюшка, нашов на Кіев град Калин цярь, за ним 40 цярей царевицей, 40 королей королевицей, за каждым царем царевицём, за каждым королем королевицём силы по сороку тысяцей, за самим злодіем Калином царем силы три тьмы и три тысеци, и лажу я постоеть за церквы соборніё, за души младенскія и за вѣру христіянскую. Говорит ему тут Самсон Колывановиць: «ну, племяницёк, ты съизди позавтракай, а меня оставлей пообѣдать»; и дает ему тугой лук и стрѣлку каленую и говорит, наказ наказывает: «если обовладіет тебя сила поганая и возьмут тебя во полон, ты натегивай тугой лук и накладывай стрѣлу каленую и стрѣлѣ приговаривай: «полети жо ты, каленая стрѣла, не пади жо ты не на воду, не на землю, пади ты Самсону Колывановичу на бѣл шатер полотняной и сшиби маковку золоцёную!»

Пріѣзжает Илья Муромець во чистое полюшко в силу великую, силу непобитую; куды пройдет—тут улиця, куды на добром конѣ поворотитцё—тут площадь, и видит тут злодій Кáлин цярь, што с этим богатырем нечево не подѣлать, приказывает своей силѣ копать перекопи глубокія и ставить копья вострыя; и вскочив ево доброй конь, Ильи Муромця, через одну перекопь, изколовсё весь —и взели тут Илью Муромця во полон. Натегивал Илья Муромець

ту́гой лук, накладывал стрѣлу каленую и стрѣлѣ приговаривав (какъ училъ Самсонъ).

И догодавсе тут ево дядюшка Самсон Колывановиць, што племяницёк во полон взят, Илья Муромець. Вот он осѣдлав, обуздав своево доброво коня и поѣхав в цистое поле ко злодію Ка́лину царю и стал он поѣзживать, своево племяничка выруцивать. Куды проидет—улиця, куды поворотитсё—площадь; столько стало валитсе нецисти поганыё. Вот он приломав свое копье довгомѣрное, изломав свою палоцьку воинскую, богатырскую,—воевать больше стало нецѣм; и схвати он тут татарина: «ах, говорит, какое мнѣ попало побоищо[1]), гнетцё—не ломитцё, по суставам не сорветцё».— И прибил он тут у злодія Ка́лина царя всю силу, и злодія Ка́лина царя взяв в полон, и с живово кожу снели, и выручив своево племяничка Илью Муромця.

---

32. **Устьянскія волости** (по р. Устьѣ).

Разговоръ дружки съ отцомъ невѣсты.

П. Вороновъ. Вельскіе свадебн. обряды и причеты. Этн. сб., в. 5, 1862, стр. 12—13.

Дружка. «Слуциусе ли хозяин дома?» *Отецъ невѣсты.* «Що вы за люди?» *Д.* «Боговы да Господаревы». *О.* «Цево вы спрашиваете, дороги, цево ли? вот туда-то, туда дорога». *Д.* «Мы не дороги спрашиваем; по рукобитью, по первому слову наш новобрацной князь велѣу поклон-целобитье справить, кнегинѣ донести, щобы стритила на зеленой на уличѣ, на зеленой лисничѣ, на тринадчатой ступеницкѣ; щобы стритила на красном крылецкѣ, непреминно стритила на каменном мосту». *О.* «Наша кнегиня за море ушла куньим слѣдом, море заперто, клюци в море опущены, негдѣ взеть кнегины». *Д.* «Наш новобрацной князь говорит: я в лисѣ лисник[2]), на морѣ ходок, рыбы ловечь, есь у меня большой невод, и клюци найду. И вот невод закинули, рыбу щуку изловили и роспороли, в рыбѣ клюци нашли, море отперли, кнегиню вывели».

---

[1]) Орудіе боя.

[2]) См. въ словарѣ полѣсникъ.

Причеты.

Тамъ же, стр. 27 (№ 17), 48—49 (№№ 66, 67).

1.

Вы, мои голубушки,
Да вы, мои баженыё,
Не гоститё, не жалуйтё,
Не к батюшку, не к матушкѣ,
Не к братьичам, не к сестричам.
Садитесь, голубушки,
На брусяну лавоцку
От кути да до кути.
Мои родители
Прибрали да выбрали
Фофанисца, цюдисца.
Вить как ношки у нево,
Как песты на мельничѣ[1]).
А тулово у нево,
Какъ лоханка сильная.
Как руцьки то у нево,
Как ушаты сильныё.
Голова у нево,
Как котёл пивной.
Как уши у нево,
Как заслонки сильныё.
Глаза у нево,
Как у добрá быка.
Рот у нево,
Как у звиря лютово.
Уж вы, мои баженыё,
Мни куды дѣватцё,
Куды прислонитисё?
Вить, мои родители,
Охти! отказалисё.
Мни в воду бросптцё,—
Наша Усья славная
Не примат дѣвичп.
Мни в гору бросптцё,—
Гора не отворитцё.
Мни на цюжую сторону
К цюжу цюженину,—
Надо лапотпны красныё;
У миня, у бидныё,
Только красицьки лощеные;
У миня, у бидныё,
Ищо нѣт поцелка свитлова,
Да нѣт тюфлей гвоздисцатых.

2.

Как у зетя было, у зетя,
Зетя молодово,
Были кудри накладныё,
Накладныё, завитыё,
Завитыё, золотыё;
Що с по тѣм ево кудрям
Шурья дарят красною дивичей,
Выводят шурья красную дивичу,
Зять-от с лаўки то встават,
Зять-от шапку сымат,
Зять-от целом побиват.
У нас етого здарья
Дома не слуцилось.

3.

То що[2]) по терему ходит,
Сыр на блюдѣ носит,

[1]) Разумѣется мельница—толчея, а не работающая жерновами.
[2]) Вѣроятно, въ оригиналѣ опечатка вмѣсто „тёща".

Сыр-от снигу биляё.
Поцему сыр снигу биляё?
Потому зеть тестя любяё,
Отдана доци за нево любая.
Прибoряне[1]), наизжане,
Кушайтё, воскушайтё,
На наше здарье не надійтесь,
У нас земля неродима.
Худыё льны-те родетцё,
Не тонко предено,
Несицно полотно наткано.
Коли надо полотно по полтинѣ,
Дари-тко по рублинѣ,
Немного рублёв надо,—
Нас немного дивич во соборѣ,
Столько сорок дивич
Без одной дивичи.
Дари-ко се нам по полтинѣ,—
Нас немного дивич,
Нам немного полтин надо.
Дари-ко сё по гривнѣ,—
Нас немного дивич во соборѣ,
Только сорок без одной дивичи;
Не сойдетцё по гривнѣ,
Дари ко сё по поклону.

Кадниковскій у.

33. С. Замоша.

Пословицы.

Запис. въ 1857 г. Н. Поповъ. Ж. Ст., г. 13-й, 1903, в. I—II, стр. указаны въ скобкахъ.

1. Крой, так писни пой; наплацессё, ковда шыть станёш.
2. Пре́слици держысь, как матушки: одинёт как ма́кушку.
3. Надоѣв, как горькяя рѣтькя. (188)
4. Пожалуй ты скажош, на цьёй избѣ сорока.
5. Курицю енца не уцят.
6. Перет смертью не нажытцо, а перет празником не нарабо-та́тцо. (189)
7. Нашому теленку да вовка съись.
8. Хто сіёт в оприлѣ, у тово овёс опріёт.
9. Смотри в оба, да береги лоба. (190)
10. И не любо, да сміисё.
11. В цюжоё сцêсьё[2]) не вкуписсё. (191)
12. Вовцьи зубы, да лисей хвос.
13. Семью поись, а с пеци не лись.
14. Дорого енцько ко Христову дню. (192)

[1]) См. въ словарѣ приборъ.
[2]) Значеніе ê, й собирателемъ не объяснено.

15. Дорожные люди довго не спят.
16. Перво-ёт гот и не надо потацьки давать (женѣ).
17. Деньги не жывот: и голенькёй нажывёт. (193)
18. Цюжую куроцькю щыпли, а свою за крылышка держы.
19. Пот лёжацёй камень и вода не тецёт.
20. С пеци бы упав, да и не ушыпсё. (194)
21. Не смійсё, сестрица, сама в дѣвицях.
22. Не смійсё, ноги свися, потбери[1]) да говори.
23. Цюжые руки и лехки, да не к серцю.
24. Покойника с повоста не вороцêют. (195)
25. Тесь любит цêсь, а зеть любит взеть, а шурин только глазом щурит.
26. Мать плацёт—тоцьно рѣка льётцо, сестра плацёт—ровно цястой дожжыцёк идёт, а жена плацёт—ровно роса моцит.
27. День погулеёт, так нидилю потереёт.
28. Раннёё те́лятко, а познёё е́гнятко. (196)
29. Пилось бы да ѣлось, да роботка на ум не шла.
30. К руцькям куделькя.
31. Нацяв гулеть, такъ не другой день тере́ть.
32. Маленькая собацькя лаёт, отъ большыё слышыт.
33. Охота смёртная, а добыця горькяя. (197)

Остроты.

Тамъ же, стр. 198—199.

1. Богат скотом: корова бурая, другая будёт, третьяя есь, цётвертую сулив тесь, пятая будёт, шестую купить надо.
2. У савдата никовда не бывает падежу.
3. Стали рожжыватцо: стало земли от симян оставатцо.
4. Рожжывёмсё, в пастухи наймемсё, так цѣлая деревня будёт в довгу.
5. Шов па даскѣ[2]), да и упав в гресь.
6. О сварьбѣ женю.

---

[1]) Вѣроятно, по недоразумѣнію, вмѣсто подбери.

[2]) Произношеніемъ *па даскѣ* (здѣсь, въ окающемъ говорѣ), повидимому, передразниваютъ москвичей. Сравн. ту же поговорку въ редакціи: „Былъ въ Москвѣ-съ, шелъ па даскѣ-съ и упалъ въ гресь“.

7. В Ярославъ за писням (отвѣчаютъ любопытному).
8. Два дни не ѣтшы, а третей голодом.
9. Нѣт дома—на пецѣ.
10. Роскатись полинница без дроф.

Загадки.

Тамъ же, стр. указаны въ скобкахъ.

1. Маленькёй, горбатенькёй всё полё опскакав, да всѣ загоны сосчытав (серп).

2. Идёт свинья к овину, на обѣх концях по рылу (ночви).

3. Не рук, не нок, по стинѣ повзёт (солнышко).

4. Виситцё, бовтаетцё, всяк к нему притыкаетцо (рукомойник).

5. Скрыпит скрыпи́ця, везут дѣвицю. Ко́валь, коваль! пусти нацёвать, вёдро—так ноцькю нацюю, а не вёдро—так нидильку погощу (снопы и овин). (199)

6. В камнѣ спав, по желѣзу встав, по дереву пошов, как соков пролитѣв (огонь). (200)

7. Взойду ли я на гой-гой-гой, взыграю ли я на рюй-рюй-рюй, утѣшу я, утѣшу старця в кильѣ, младенця в зыпкѣ, старую старушку за зыбоцькёй, красную дѣвицю за пелецькям (колокольный звон). (201)

Свадебные причеты.

Тамъ же, стр. 210—211.

1. Благослови, Христос истинной, Мать Божья́ Богородиця, запѣвать писню новую, нову́ю непѣвалую, на роду-то вопервые, на вѣку во послиднiё; що не клюцйки [1]) брякнули, не замоцйки изо́вкнули, по руками ударили, тут меня запросватали; запору́цйв жо батюшко за поруки за крѣпкiё, призакрыла жо матушка половину свѣту бѣлова, отказала мнѣ матушка от окошка переднёва, посадила жо матушка в кутьнёй угов на лавоцькю, не велѣла мнѣ матушка в окошко заглядывать, посадила голубушка меня на мѣсто упа́льнёё [2]), на то на круци́нноё, пересѣкла мнѣ матушка всѣ пути

---

[1]) См. сноску 2-ую на стр. 68.
[2]) Опальное?

и дороженьки, наказала голубушка: ты сиди, моё дитятко, шыроко не росхаживай, далеко́ не розглядывай.

2. Государони[1]), свѣт, моя подрушка голубушка! имецькё твое лёхкоё, велицяньё хорошоё! Назову тя по имени, извелицёю по изо́цёсву; ты (имя и отчество) подойди ко мнѣ, по́тступи, как бѣла лебеть по́длпти; не бойсё, подруженькя, моево горя-круцйны, как моё горё-круцйна не огонь да не по́лымя, не ожжот и не о́палит твоево платья цвѣтнова и лиця тожо бѣлова; не подойдёш, моя голубушка, я сама встану мо́лода из мѣста упа́льнова, ис тово пс круцйннова. (Подходитъ и говоритъ). Спомни, здумай, подруженькя, как с тобой-то мы гу́ляли во лугах-то во зе́леных, мы травы-то не сми́нали и цвѣтоцькоф не срывали; как с тобой красовалисё в кареводах-то дивицьих; всѣ люди нам ди́вились: это цьи ходят дѣвицй, ровно родныё се́стреницй, как одново оцця, матери.

3. Не хорошо, да не при́гожо мнѣ сидить да не плакати; всѣ люди понадіюццё, всѣ подрушки подумают, що у этыё дѣвицй нѣт ни горя, ни кру́цйны; как я сама про ся подумаю, про свою буйну го́лову, у меня горя кру́цйны три поля изнасіяны, тоской, пе́цельёй горожены; у меня-то горюцйх слёз текут три ри́цёньки быстрыё, онѣ текут не пере́текут, онѣ текут урыва́ющй, жовты́ песоцьки смываюцй, да всё меня избываюцй да из жытья-то из дѣвицья; как я подумаю горькяя про родимова батюшка и про родимую матушку, остаюццё родители онѣ стары́м-то старёшеньки и худым-то худёшеньки, що не будёт же на́ лѣто у моих у родителей на полоскѣ-то жнеюшки, на постаткѣ гребеюшки, во лугах сѣнокосенки.

4. Я спала, просыпаласё, я ждала, дожыдаласё батюшкова́ пробужденьиця, матушкина́ покликаньиця; не могла я дождатисё, не могла догледитисё,—онѣ ходят легошенькё, говорят-то тихошенькё, не знать меня-то жалѣюцй, не знать меня избываюцй на цюжую на сто́рону; видно, я им наскуцйла; уш я встала ранёшенькё, умывалась билёшенькё не водой и не́ с мылом, я своим горюцйм слезам, я утираласё горькяя я своим тонким рукафчйком, я садиласё горькяя я на мѣсто упа́льноё, поглядѣла я горькяя во всю свѣтлую свйтлицю, всѣ сидят невесёлыё, всѣ повися буйны го́ловы; що промоввив мнѣ батюшко мнѣ словецькё единоё: наряжайсё-ко, дитятко, во всю скруту добрую, добру́ю самолутшую; принесла жо мнѣ ма-

[1]) Въ другомъ причитаньи „осударони“.

тушка мнѣ моё платьё цвѣтноё, наредили жо горькюю вдостальныё впослѣдніё во душах красных дѣвицях. Государь ты, мой батюшко! моя родимая матушка! дайте мнѣ бласловленьицё походить, покрасоватисё вдостальныё, впослѣдніё. Вы ходите, рѣзвы́ ноги, подо мной не подгибаютцѝ; вы машыте, бѣлы руки, ко серцю не прижымающѝ; ты волюй, воля вольная; ты нѣгу́й, нѣга нѣжная; красуйсё, моя красота; веселись, буйна голова; радуйсё, ретиво серцё, покамѣсь-то я молода во душах красных дѣвицях, у родимово батюшка, у родимыё матушки!—Тибѣ спасибо жо, матушка, тибѣ на́ хлибѣ на́ солѣ, на твоей[1]) добродителѣ! Зберегала ты, матушка, меня от вѣтра, от вихоря, меня от ця́стова дожжыка и от краснова совнышка, не могла збереццѝ меня от цюжы дальны сто́роны, от злодійки измѣнщыцѝ; на цюжой-то на сто́ронѣ надо жить-то уміюцѝ, говорить розуміюцѝ; надо серцё покорцѝво, голова надо поклонцѝва, маломý поклонитесё, старому покоритисё, надо назвать да извéлицять цюжова цюженина, удало́ва-то молоцця. На цюжой-то на сто́ронѣ ростут ли́си виля́выё, жывут люди лукавыё, проведут да и выведут, из ума вон повыведут онѣ меня молодёшенькю. В этом во темном лѣсу ходит медвить со медвидицёй: это—бохдано-ёт батюшко, это—бохданая-то матушка.

Пѣсни.

Тамъ же, в. III, стр. 366, 373.

1. Виноград в саду ро́стёт
   А ягода, а ягода наливаетцё;
   Виноград—свѣт (имя рекъ) господин,
   А ягода, а ягода (имя рекъ)—душа.
   Им же люди дивовалисё,
   Що хоро́шы, що приго́жы уродилисё.
   Дай им Бох совѣт да любофь,
   Во совѣтѣ, во любовѣ хорошенькё пожить.
   Рыбушка плотьвицюшка,
   По водѣ рыба пловёт, извиваетцё.
   Мнѣ ли, молоденькѣ, мало можытце,
   Мнѣ-ка батюшкова хлѣба и́сь не хоцётцё;

---

[1]) Въ этой же записи встрѣчается и „своей“.

Батюшкоф хлѣп полыньёй пахнёт,
Горегорькёю горцйцёй отзываетцё;
Мнѣ-ка милоф хлѣп сахаром пахнёт,
Сла́ткой слаткою слати́цей отзываетцё.

2. Гу́лей, гулей, молодечь,
Пока обѣдаёт отечь;
Отобѣдаёт отечь,
Нашой писенькѣ конечь.

3. Вѣник да голик
Цѣловатцё велит.

4. Ты сарай, ты сарай!
В сарай сѣно валят;
Сѣно офчи йдят
Чѣловатчо велят.

Тотемскій у.

34. Д. Рыкаловская, Спасской в. (Кокшеньга).

Загадки.

Запис. Мих. Едемскій. Ж. Ст., г. 15-ый, 1906, в. I, отд. II, стр. 62—68 (№№ загадокъ указаны въ скобкахъ).

1 (2 с. Блины).
Курица золѣзна,
Зоб овсяной,
Хвос деревянной.

2 (16. Гребень).
Широк-короток
Побѣжаў в болото
Свиней гонеть.

3 (17. Грибъ).
Маў-малышёк
В землю ушоў,
Красну шапочку нашёў.

4 (21. Жаравлика).
На тоненьком де́ревцѣ
Животци наши качеютце.

5 (24. Замокъ).
Ма́ленька соба́чька
Свернуласе лёжи́т;
Не лаёт, не кусаёт
И в дом не пускаёт.

6 (28. Йич^ц^ё[1]).
Чёво на спицьку не повисить?

7 (42. Лы́ка).
Корова в ли́сѣ, а черёва зди́се.

8 (53. Полозьё).
Два воўка бѣжат,
Оба на́ небо гледят.

9 (60. Рукомойка).
Ви́ситце боўта́итце,
Всяк за ёво хвата́итце.

10 (65. Сердцевина дерева).
В лисѣ оно с лѣсом ровно,
Из-за лѣсу не видно ёво́.

11 (89. Шипи́ця).
Цвѣточьки андельськіе,
А кокти дьявольскіе.

---

[1]) Въ оригиналѣ *ч* напечатано надъ *ц* въ видѣ дроби.

Великоустюжскій у.

35 Слобода Дымково (подъ г. В. Устюгомъ).

Пѣсня.

Истоминъ и Л., стр. 223—224.

Ах да опоздал, опоздал мальцик во рошшѣ,
В рошшѣ ему скуцьно было ноцевать.
Дак он садился-то с горя под кустоцик,
Ах да идет миленькая к ему в лѣсок.
Идет миленькая к ему во лѣсоцик,
Ах да нѣжной голос ему подает,
    Все нѣжной-то голос ему подавала,
    Да с той минуты мальцик зрадова́вся,
С той минуты мой милой зрадова́вся.
Выше рошши голуб извився́,
    Ах по за рошшицѣ голуб опускався,
    Ах да во зелененькой новенькой садок.
Попросил он, спросил он и́ных процих,
Гдѣ такая-то милая живет?
    Да говорили ему, отвѣцяли:
    Што видь как суда ты, голуб, залятѣу?
Да не успѣл-то голуб встрепенуться,
Все так стриляют в е́во из ружья.
    Ах дак увидила-то е́во любезна́я
    Из высоково но́ва терема́,
Со балхону-то кры́цит она строго:
Так видь не пугайте-ко ево голубка!
    Ах да не пугайте-ко ево, не стриляйте,
    Дайте привыкнуть ему ко саду́.
Голуб писенками видь утѣшает,
Все воркованьицем голуб веселит.

---

36. С. Бобровское, Востровской в.

Коляда.

Тамъ же, стр. 45.

Пришéл еси к воротам.
Дома-ли хозеин
С хозеюшкою?
И подайте-ко луцины,
Микольскую трапéзку:
Старым посидѣть,
Молодым поиграть.

Ешше наша коляда
Не великая бѣда:
Она в двири не лизет,
В окошко шьет.
Прикажи, либо откажи,
Либо шубой одёжи́.

---

37. С. Городишна.

«Бывалшына».

Н. Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ языка жителей Вологодск. г. Р. Ф. В. т. 18, 1887 г., № 4, стр. 259—261.

Быв-жыв мужычёк. У ево быв сын жонатой. Были у ево (т.-е. у сына) ди́ти, сынок. Ну, он любив нишшых, а старик-то этот не любив. Этот сын, гдѣ щё возьмёт, то и нишшому. Отець на нево больно сердит став: ево и одьдили́в от себя: «Ты топерь, как знаёшь, жыви: хоть фсё оддай нишшым!» Он и живет особо. Время пришло ему обѣдать. Он и думает: «Попав бы, говорит, топерь гдѣ нишшой вмисьтѣ со мной обѣдать!» Некакой нишшой не идёт, и он и жывёт фсё без обѣда. День жывёт без обѣда и два, да и трои сутки прошло: и он не обѣдаёт, и нишшова нѣт. Ну, церес трои сутки и являетьсе к нему нишшой, так он ему обрадовавсе: «Щё это, говорит, этта нѣт трои сутки нишшых? надэ бы, гит, вот обѣдать, да фсё нишшова не было. Садись-ко, ги́т, отець, с нам обѣдать».—«Да обѣдать-то я ишшо не хоцю», нишшой сказав: «напе́рво я оддохну: слажу на полати. Щё, гит, у вас есь обѣдать-то?» Хозяин гит: «Да вѣть поидим, щё ни на есь». Нишшой сказав: «Жаркоё есь ли у вас?»—«А нѣт, говорит, отець, у нас жаркова-то».—«Дак надэ, гит, изладить жаркоё».—«Да у нас не́ково, гит, на жаркое употреблять-то». Нишшой говорит:

«Хоть робёнка заколи́ на жаркоё-то». Схватив этот хозяин робёнка, заколов и ф пецьку посадив. Ну, нишшой полежав, полежав на пола́тях: «Зьбирайте, гит, хозяин, обѣдать-то! надэ быть, гит, жаркоё-то упеклось». Собрала́ хозяйка обѣдать. Боγу мо́лятьсе и сади́тьсе за стов: «И ты, отець, соходи с нам обѣдать!» нишшому говорит хозяин. Нишшой соходит с пола́тей. Умывает руки. Помоливсе Боγу, сади́тьсе за стов. Блаγословив хлѣп и говорит: «Неси-ко, хозяин, фперёт жаркоё-то станём йись!» Хозяйка несёт ис пеци жаркоё. Посмотрѣли: кололи робёнка, тут зьдѣлавсе боран. Посмотрили: робёнок сидит на лавоцькѣ. Вот онѣ тут и пообѣдали. Нишшой и став отправле́тьсе из дому. Хозяин у(н)имает: «Погости, гит, у меня».—«Мнѣ, гит, у тя не досук гостить-то: не твоя одна изба-та». Ну, он пошов и говорит хозяину: «Я, гит, у тя погостив, дак и ты ко мнѣ прійить».—А он говорит: «Отець-то на меня осердивсе, дак и лошади-то у меня нѣт».—«Лошать-та, гит, у тя будёт. Только утре, гит, пораньшэ ставай: как, гит, пе́рвой пѣтух споёт, так ты и ставай. Ставай, гит, умывайсе, помолись Боγу. Наредись, говорит, и выходи на крыльцё с молитвой: тут увидиш: стоит у крыльця лошать. И садись на ее с молитвой, она и привезёт тебя ко мнѣ». Так и дѣлает: как первой пѣтух сьпѣвъ, он и стаёт, умываетьсе и Боγу мо́литьсе, и став наряжатьсе. Пошов из дому с молитвою. Вышов на крыльцё, конь стоит уш тут. Садитьсе на этово коня с молитвою и поѣхав. Йидёт там блиско ли, дале́ко ли: доѣжжаёт до золѣзных воро́т. Потом, ему тут дѣфка отворила воро́та и говорит: «Спроси-ко, гит, там: мнѣ довго ле эти воро́та перетворе́ть?» И доѣжжает он до дому. Там ево и стриця́ёт тот нишшой, которой у ево быв в гостя́х. Потом он угостив ево фсѣм. Онѣ пообѣдали и оддохну́ли.—«Ну, гит, позволь мнѣ этта походить, посмотрить».—«Ступай, посмотри, говорит, во фсѣ окна, говорит, заглядывай, только в одно не заглядывай». Ну, он вездѣ ходит, засматриваёт ф каждоё окно. И посмотрив в окно, увидав сам себя, щё он ходит там, бытто на том сьвитѣ. И открыв ему γоспоть царьсво небесноё. Ф которое окно не велѣв ему заглядывать... он и думает: «γосподи, γосподи, прости, гит, меня грѣшнова (он узнав, щё Бох к нему приходив), я, гит, загляну в это окно: мнѣ, гит, охота туды заглянуть». Заглянув он тут ф то окно: тут и ходит материу́шшоё колесо, ево-то отьця и водит на колесѣ-то. Ему жавко стало своево отьця. Как подвело колесо к

ему поближэ, он успѣв было отьця схватáть за бороду: сколько захватив бороды, столько и осталось в руках. Приходит он опеть на староё мѣсто: «γосподи, гит, просьти меня грѣшнова: ты не велѣв, гит, мнѣ в одно окно заглядывать, я вѣть согрѣшыв, гит, заглянув».—«Ну, гит, прощу: Бох с тобой». «γосподи, гит, велѣла спросить дѣвúця: много ли лѣт ёй перетворетъ ворóта?»—А скажы ёй: сколько в дватьцеть лѣт выпадёт капель дожжа, столько лѣт ёй перетворéть ворóта». Садитьсе он опеть на коня и йидёт домой. Доѣжжает до этих ворóт. И спрашывает дѣвиця: «Спросив ли, гит, сколько этта мнѣ перетворетъ ворóта?»—«Спросив, говорит: сколько, говорит, выпадёт в дватьцеть лѣт капель дожжа, столько, сказав, тибѣ перетворетъ ворóта». «Слава Тибѣ, γосподи! есь жо, говорит, срок-от». Ну, ковда прославила она Боγа, γосподь сразý и збáвив перетворетъ эти ворóта. Пріѣхал он домой, сьлѣзаёт с коня. Как сьлѣс, конь скрывсе не знать кудú. Он приходит в дом и посылает жену к своему отьцю: «Поди-ко, говорит, созови моево отьця!» Приходит отець к ему. Спрашываéт: «Гдѣ, гит, ты, отець, седьни быв?»—«Я, говорит, нигдѣ не быв».—«Как, говорит, не быв?! а повбороды то гдѣ?—«Я не знаю, гит, куды дѣвалась: я спав, ничего не слыхав».—«Вот, говорит, у меня твои повбороды-те». И подаёт. Сьминили тут бороду: борода тá. «Вот, говорит, ты, отець мой, не любиш нишшых то!» Вот он и став ему росказывать, гдѣ быв да щё видяв. Так и отець ево пообратúвсе маленько: став нишшых принимать.

Пѣсня.

Тамъ же, стр. 266.

«Ты спомни, здумай, друк любезной,
«Стáру прежнюю любоф!
«Мы с тобою обвѣшшались
«Вѣцно друк друга любить;
«Топéре що слуцилось:
«Один цяс нас изьминúв,
«Изьминив сьвященну клятьбу:
«Сам другую полюбив;
«Полюбив жо друк другую,
«Дозволяю я: женись!
«Жéнись, жéнись, друк любезной,
«Женись, радось—милой мой!
«Тебѣ дадут к виньцю корету,
«А мнѣ мла́дѣ цёрной гроп;
«Тебя во церкоф...
«Я млада во сырý зéмлю пойду.
«В онну пору, в онно время
«На нас налóжецьце виньцú:
«На тебя винець временный,
«На меня на вѣки свой.
«Обвиньцяесьсе, проклятой,

«На могилу приверни,
«Процитай на гробѣ натпись—
«Золотые литера́.
«Спомни, здумай, друк любезной
«Отьцево́ я зьдись лежу,
«Отьцево я зьдись лёжу
«Да сыру мать-землю сушу?»

Никольскій у.

38. Д. Протасовская [1]), Кичменгской в.

Пѣсня.

Истоминъ и Л., стр. 234—235.

Ах, не голубь летает, сизенькой голубцик,
Ай да не весе́л голубь-то летау,
Об цем-то голубь веселился, ай об цем-то радоваусе,
Ай вецёр-то ли вецероцьком голу́бка была,
Ты моя сизая была голубка,
Ай да на правом крылѣ спала,
А ой на правом-то было на крылышкѣ;
Ай ну лѣвом-то о-обняла,
А лѣвым-то голубка обнимала,
Ай ну крѣпко к сердецику прижала́,
Ай ко ретивому сердецьку,
А ой да дружком да назвала,
А ой ужь ты друг ли мой да любезной!
Московськой ну—купец,
Штө московськой он купец же,
Дворянськой-от холоп,
Он дворянськой-от холопцик
Ай ну вышеу из дворця,
Вышеу, вышеу из дворецька
Ай ну на красивоё крыльцё,
А ой эх со красивово крылецька
Ай пошеу в зеленой луг гулять,
Эх во зелененьких во лужецьках
Ай оружьё сибѣ да пытать,
Ах оружьё сибѣ пытау же,

[1]) На картѣ с. Кичменьга.

А ой в голубку да стриляу,
Ах и во сизую да во голубку,
А ой под правое да под крыло,
Ште под правое да под крылышко,
А ой и лѣво прострѣлиу.

Г. Никольскъ.

39. Свадебный причетъ.

Истоминъ и Л., стр. 63—65.

И мой ты свѣт бѣлая лебедь.
Как севодни, сево утра,
Сево утрица раннева,
Сево дни Христовова,
Я ставала ранёшенько,
Умывалась бѣлешенько,
Я взяла́, взя́ла мо́лода
Во свои бѣлы руценьки
Ця́стой рыбье́й гре́бешок,
Уцясала косу́ русу́
Да я волос к волосу,
Заплетала косу́ русу́
В цястую безцисленку,
Приплетала к косѣ русѣ
Разных шолковых лентоцек,
Дорогих-то завязоцек.
Выходила я мо́лода
Во свои сини новые,
Я взяла́, взя́ла мо́лода
Во свои бѣлы руценьки
Дубовы́я ведерышка,
Кленово́ коромыслицё;
Выходила я мо́лода
На Дунай рѣку быструю.
Я в первой раз поце́рпнула,
Ницево не заце́рпнула;
Я другой раз поце́рпнула,
Ужь я видяла, видяла,
Диво вижу великоё:
Злодій—ки́ту-ту бѣлую.
Это шла ки́та бѣлая
Не путем, не дорогою,
Стороною за ельником,
Все грезями, болотами,
Она мьётся, полошшется,
Надо мной усмѣхается,
Над душой красной дѣвицей:
Завтра ό эту пору-ту,
Пораняе малёшенько
Ко суду будешь, дѣвиця,
Ко велѣнью Господнему,
У винця у злаценова.
Я сшибу, сшибу, дѣвиця,
Твою ди́вію кра́соту,
А сшибу-да и по́д ногу!
Да пошла моя кра́сота
Да из церкви божественной,
Да ишше раз поспорила
Злодій—кита-та бѣлая.

Святочная пѣсня.

Тамъ же, стр. 185—186.

Здорова ты, кума?
—Здорова, сударь, я!
Ошше штё судить,
Не можетъ да лежит.
Цево у тебя болит?
— Головушка болит!
Цево она бажит?
— Платоцика бажит!
Ужь вѣк воробейку не ля́тывати,
На дубовой тыцинкѣ не сеживати,
Симени, горошку не клевывати,
Молодых молодиц не цѣло́вывати,
Душ красных дѣвиц не тре́пывати!

Не цюёт воробей
Да не слышит молодой,
Как дѣвки лен сіели́,
Да души красны зѐлѐнъ[1]) пололи.

Вятская г.

Яранскій у.

40. С. Ку́ндышъ.

Частушки.

Зеленинъ. Пѣсни . . . Цифры въ скобкахъ послѣ каждой частушки указываютъ №, подъ которымъ она тамъ помѣщена.

1. Я сидѣла у камна́тки
У крашо́ниньkiё;
Ми́лой высушил сердечко
У молодиньkiё. (51)
2. Поглежу в окошку с горя:
Не пловёт ле лодка с моря;
Пловет лодка с чёрным кругом,
Розстаюся с милым другом! (288)
3. Сэ́дни печку истопила
Без лучины,—палочкамъ;
Послала дружку поклон
Со летучим галочкам! (294)
4. Голубова не шивать,
Алова не на́шивать;
Со своѐм-то мнѣ любезным,
Парочкой не хаживать. (380)

---

1) Такъ въ оригиналѣ.

41. **Д. Ломъ.**

Частушки.

Тамъ же.

1. Што сказали про мило́ва:
Худенькой да маленькой!
В воскресе́нье видѣла:
Как цвѣточек аленькой. (12)
2. Ека и́вова корзи́ночка,
Дубо́вой полозок!
Я за то люблю милёночка:
Пришшу́риват глазо́к. (13)
3. Посиди-ко со мной рядом,
Землениженка моя!
Пополам тоску раздѣлим:
Не тоскуй не ты, не я! (34)
4. В полѣ бѣлая берёза
От дожжа качаёцца;
Скажи, миленькой, тихо́ньку:
Ты об чём печалишся? (36)
5. Што ты, милой, прикручинилса,
Садо́вой я́блочёк?
Неужеле не найдёцца
Для тебя подарочёк? (37)
6. Открой, мамонька, окошечко,
Пушчю́ я лебеде́й;
Погледѣла б на мило́ва:
С кѣм любуецца теперь! (83)
7. На мило́м рубашка бѣла,
Монастырьскёй поесок
Так и дѣлай невзамѣту:
Посиди наискосо́к. (137)
8. Давай, милка, сдѣлам кля́тбу,
Перемѣнимся кольцом;
Не со мной будёшь вѣнчацца,
Тро́ю сплачёшь под вѣнцом! (197)
9. Вы слетайтесь, мелки пташки,
Соловьи-воробышки;
Я сокрою, мальчик, глазки
Со своёй сторонушки! (311)
10. Сохнёт, вянёт, спосыхаёт
Подкошоная трава;
С тоски с горя спомираю
По тебѣ, любезная! (327)
11. Спомни, милочка-голубка,
Как ходил я за тобой;
Ночи тёмныё осённы
Всѣ прогуливал с тобой! (331)
12. Не один ле я стражда́ю,
Хожу по́ полю с серпом,
Горьки слёзы утираю
Бѣлым вышитым платком? (412)

---

42. **С. Роженцо́во.**

Частушки.

Тамъ же.

1. Мы ката́лися с тобой—
Санки новенькіё;
Посадили по мата́нькѣ [1])—
Шшочки аленькіё! (19)

[1]) Милкѣ.

2. Много звѣздонёк на небѣ—
Один мѣсец больше всѣх;
Много дѣвушок на свѣтѣ—
Одна милка краше всѣх. (33)
3. У точёнова столба
Нѣту счасья неколда;
Колда вѣтер, колда дош,
Колда милу долго ждёш! (41)
4. Мы сидѣли с милой рядом
На елóховоём пнѣ;
У милóй сердцо болѣло,
У меня об нёй вдвойнѣ. (45)
5. Поглежу в стеколышко:
Дѣ-ка сходит [1]) солнышко;
Сонцо сходит на тумáн—
Мил играёт на оммáн. (72)
6. Што-ты, чёрнойворон, вьёшша
Над моёй над головой!
Што ты, милка, зазнаёшша,
Я топере стал не твой! (100)
7. Меня мамонька порóла
Со берёзки прутиком;
Не велѣла мнѣ гулять
С молоденьким некрутикам:
С некрутáм сыгрáёшша
Горя напримáёшша. (252)
8. На бесѣдочки ходить—
Надо снарежацця;
Если мúлова любить,
Надо унижацця! (452)
9. Гуляй—гуляй, дѣвица,
Нечево не сдѣлацца;
Хоть и сдѣллацца чево—
Знай милóва еднова́! (455)
10. Ишо што это за диво за бѣда:
Ишо курица барана родила,
Поросёночёк яичко снёс,
На печѣ мужик робёночка принёс! (486)

Плясовая пѣсня.

Тамъ же, № 477.

Уж вы, хóньки—махóньки мои,
Полюби-ко-те тихонькё меня,
Неучёнова—неграмотнова,
Безтолкóвова—безпамятнова.

---

43. С. Великорѣчье.

Плясовая пѣсня.

Тамъ же, № 485.

Ишо пóд мостом—мостóм—мостóм,
Под калиновым кустóм—кустом—кустом,
Там болися вѣдь баран с козлом,

---

[1]) Всходитъ.

Помутилася вода с песком.
Тамо́й рыба, вѣрно, бе́з кости—
Пропадала мила бе́з вѣсти.

---

44. **С. Краснорѣчье.**

Частушка.

Тамъ же, № 415.

Я на ри́цьку шла,
Чежело́ несла—
Не като́цчик, не валёцчик—
Милова платцоцик.

---

45. **С. Липово.**

Частушка.

Тамъ же, № 52.

Сколь ребинушку ломала,
Опускала кисти вниз;
Сколько милому махала—
Приходи ребину псь,
Выбирай любую кись,
Завселда́ со мной садись.

Нолинскій у.

46. **С. Колобово.**

Пѣсни.

Записала М. Разумовская. Мат. великор., № 52. Вып. VIII, 1903, стр. 416—419.

1. Не кокуй въ бору, кокушка!
Не кокуй въ бору, реба́я!
Во сыром-ту во бороцкѣ,
На сухом-ту на дубоцкѣ,
На малиновом кустоцкѣ.
Без того солдатам тошно,
Без того солдатам скучно.
Зимой частыя погоды,
Крешшенскіе морозы.
Во сапожках ножки зебнут,
От ружейцев руцки шшиплет.
Я домой, мама, сулюся
Через двадцеть петь годоцкёв,
Прилетю я соколоцкём
Из-за сы́рова бороцкю
Со сухова со дубоцкю.
Ты встрѣцей меня, мамаша,
Стрѣцей, сестра родная,
Стрѣцей, жена молодая!
Вы стрѣцейте, кошмароцки, [1])
Робетёшка молодыё!

---

[1]) ?

2. Ще на вас бы, цвѣты, да не морозы,
Ще на вас бы, цвѣты, не студены.
Ишшо всѣ ле, цвѣты, вы спосохли?
Ишшо всѣ ле, цвѣты, вы споблекли?
Ох, ты, батюшко мой родимой!
Не кидайсь-кось, отець, на богасьво,
На высокіё на хоромы.
Щё высокіё хоромы—огромы [1]),
А большіё то сараи—ограи [1]),
А широки-тѣ стаи—роздолье,
Мѣдныё деньги—черепьё,
Гумажныё деньги—берёсто.

3. Щё не шум шумит да на улицѣ,
Щё не бряк брецит во ши́рокой,
Щё идут-то ко мнѣ подруженьки,
Щё идут-то ко мнѣ да голубушки,
Щё по ста́енькѣ по метеною,
Щё по мостику по скребеному,
Щё по ли́сенкам по частым, мелким.
«Добро жаловать, мои подруженьки!
Добро жаловать, мои голубушки!
Ишшо сѣдь-кё-тё вы на лавоцкю,
Ишшо спой-кё-тё писню жалобну,
Росклеви-ко-тё родимова батюшка,
Во других-ту-жо родимую матушку,
Во третьих-ту-жо меня кокушицю,
Ой, меня да горюшицю».
—Охъ, ты, подруженькя наша голубушка!
Не посидѣла жо ты во дѣвушках,
Не потоптала жо полу бѣлова,
Не погуляла жо со своим подруженькям,
Со своим-ту голубушкам».

---

[1]) Слова́, вѣроятно, образованныя только здѣсь, для складу: „нѣчто громоздкое, нескладное, смѣшное“ (сравн. *ограять*—осмѣять).

47. С. Соколово.

Рѣчи дружки.

Записала Ѳ. Дьяконова. Мат. великор., № 68. Вып. VIII, 1903, стр. 538—539.

За столомъ у жениха передъ тѣмъ, какъ ѣхать за невѣстой къ вѣнцу:

«Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй нас. Вся небесная сила, благословитё меня. Тварь Господня, во́лмія воссіяет, гром возгре́нёт, земля здрожит, морё сколы́бнетца, рыба у бе́регу не устои́т, птица на деревѣ не усиди́т, еретни́к с еретни́цой, с дьявольской силой на мѣстѣ не устоит. Как Господь сотворил нёбо и землю, сотворил и укрѣпил, так и еретника и еретницу, дьявольскую силу укроти и укрѣпи. И запри́ кне́зя молодова, и кнеги́ню молодую, и ты́сяцкя большо́ва и сере́днева меньшо́ва, запри их три́девети клюця́ми. Огнесу клюци́ в окіян-морё, оддам кетру́-рыбѣ за́ шшоку, на котором земля стоит. Когда жо морскіё па́токи отпуша́тца и тогда надо мной похи́ть [1]), помудре́й. Моёй молитвѣ аминь. Всѣ ле сыты, всѣ ле довольны? е́жле хто недово́лёнъ, дак щей ульём и кусков накро́шим. Есь ле у нашёва кнезя отец и ма́ти? Как вы умѣли своё дитя спои́ть, скорми́ть, на ум-разум наста́вить, благослови́тё ево́ под златы́ вѣнци поставить».

На улицѣ передъ тѣмъ, какъ садиться въ экипажи, чтобы ѣхать съ женихомъ за невѣстой къ вѣнцу:

«Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй нас. Всѣ ле в скопу́, всѣ ле в соборѣ, всё-ле мы взе́ли, взе́ли ле шубу, взе́ли ле мыло и сва́хонькя-зѣворо́тка не забыла ле заплёгки? Оглени́сь-кё ты назать: нѣт ле у нас саней об одно́м полозу́, нѣт ле поѣжжан об одном глазу? Благослови́тё меня, дру́женькю, вперёдъ ѣхати; у меня, у друженьки, конь солово́й и хвос золото́й, грива сере́брена, мой конь бѣжит, под им земля дрожит, из ушей дым столбом вали́т, из ноздре́й искра сыплёт, и́з роту пла́мё пы́шот, во всю ши́року свѣту даёт.

Благослови́тё меня вперёд ѣхать. Бог намъ на по́мош.»

---

[1]) Похитри?

«Дѣвишницкіё писни».

Тамъ же, стр. 541—542.

Из-за лѣсу, лѣсу тёмнова,
Из-за садику зелёнова
Выбѣгает тут воро́ной конь,
За конём бѣжит Гаврилушко,
За вороным бѣжит Ива́новиць.
У ворот стоит Аннушка,
У новы́х стоит Григо́рьёвна.
Он крыци́т-зыци́т зы́сным голосом:
«Судоржи́-ко ты, Аннушка, ворона́ коня!»
—«Уш я рада бы коня здорже́ть,
Уж я рада бы ворона́ здорже́ть,
Не травой ноги спу́тало,
Не росой очи смо́чило,
Го́рюшко ноги спутало,
Горючи́м слеза́м лицо смо́чило.

Свѣт не па́ушка по си́ням ходит,
Не павин си́зо пёрышко ро́нит,
Свѣт Парасковьюшка по си́ням ходит,
Ко крова́тушкѣ прихожда́ёт,
Ши́той бран положо́к открыва́ёт,
Ро́днова батюшка пробуждаёт.
Стань-ко, батюшко, пробуди́ся,
Стань, родименькёй, домекни́ся,
На меня на младу нагледи́ся.
Мнѣ не год у тебя годова́ти,
Мнѣ не лѣтечкё лѣтовати,
Мнѣ в чисто-то полё не бывати,
Шолковы-то травы не топта́ти.
Не нидилюшку мнѣ гости́ти,
Една но́ченька ночева́ти,
Една тёмная корота́ти,
Со подру́женькям посидѣти,
Со голубушкам погости́ти,
С ро́дным батюшком думу думать,
С родной матушкой слово мо́лвить.

48. С. Не́ма.

Отрывки разговоровъ.

Е. Ѳ. Будде. Кратк. отчетъ о командировкѣ въ Вятскую г. Уч. Зап. Имп. Казанск. Университ., 1896, № 10 (октябрь), университетск. лѣтопись, стр. 31.

Нoли́ньск баско́й го́рът, там зᵂе́ньскя̆я [1]) начᵘя́льства жывѐ, три чᵘерквы, ф коньчях по̆ровьѐе горът, вно́го сёл, хоро́ша у́лйцᵘя: то́лько отьчᵘя́ ни найдёш; почᵘьто́вой тра́хт па Крцᵘя́н. [2])—Куда́ ска́жут, туда́ и пъвезу́ (3 л. мн. ч.). Ямщы́к зна́ат; што́ имя́ спра́шъвать! што́ с ымя́ гъвори́ть! Гъворя́, ѣзьдя! (3 л. мн. ч.).

[1]) Земское.
[2]) Кричанъ, названіе села.

49. Д. Грязево, Пужинской в.

Отрывки разговоровъ.

Тамъ же, стр. 32.

Гря́зевŏ, во́лăсь Пу́жынскăя.—Хто кода́ пріѣжжа́.—Це́ри̃з два по́ля, но́ньцчи высо́кā ро́ш; кото́рā бу́дя̄т чувѣла́ с неди́лю.—Дэсшать кладу́т вёрс от Ноли́ньскăва.—Я дэрэвэ́ньска; тро́еа дѣвок. Есь оди́н, до́ма не жыве́т-та, ходя̄т, рабо́тāэт. Де́ньги-ти мнѣ за я́го̄ды-ти!—На пу́сто́шах по гора́м я́года па́мелка, а ф пря́тках па́зѣлена.—Нэ на́ю [1]).—Иди́ с ымя́! Ити́ о́пăсно, тоскли́во одно́й: болшо́й лѣ́с: е́ль, пи́хта.—Со́нцче пэко́.—У нас в дэревни тугіё платьи но́ся̄т. —Куде́ля будёт хороша, быва́ат плоуха; этта [2]) косшить будут, хоудя (3 л. мн. ч.).

---

50. Д. Бабики́ (5 в. отъ г. Нолинска).

Отрывки разговоровъ.

Тамъ же, стр. 32.

Бабико́сшька, иду с Пирого́сшька Поля, петь вёрс; ф суботу базар бу́дя̄т, принесу́ красных я́го̄д [3]) бурочёк; нит [4]), ведя́рка с ушáм толькя, а бурочёк-от безу́хŏй.—У нас но́ся̄т плат (на головѣ), оку́лыш (на головѣ у бабъ) пс си́тцу с лѐнтам.—Ты послушай, щё го̄воря́ (3 л. мн. ч.).—Рука́м суобе́ру́ (1 л. ед. ч.).

---

51. Котельническій у.

Сказка.

Записала Е. А. Кострова. Мат. великор., № 46. Вып. VIII, 1903, стр. 325. Авторъ сообщенія учительница *Шаранцкаго* училища.

Жил был старик со старухой, у них никого не было, один козел да баран. Старик да старуха умерли, козел да баран пошли

---

[1]) Не знаю.

[2]) Поговорка у вятчанъ почти при каждой фразѣ (Будде).

[3]) Земляники.

[4]) Нѣтъ.

по дорожкѣ. Шли да шли, до смолова пня дошли. Вечер уже, надо имя ночевать. Баран и бает козлу: наа (надо) огня добывать. Козел боднул въ пень, не мог огня добыти. Баран разбѣжался, как боднул, и огонь вылетѣл. И сидят грѣются. Прибѣжал к имям заец. Козел да баран, пусти погрѣться.—Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Заяц приташшил сучечек, сидит грѣетца. К имям бѣжит лисича. Козел да баран, пусти погрѣтча. Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Она приташшила вичку, бросила и сидит грѣетца. Прибѣжал к имям волк. Козел да баран, пусти погрѣтца.—Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Онъ приташшил колышёк, и сидит грѣетца. Прибѣжал медвѣдь. Козел да баран пусти погрѣтца. —Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Медвѣдь приташшил пень, бросил и сидит грѣетца. Они уснули. Козел да баран пробудились и бают: два лѣсника ходят, волка да медвѣдя иштут. Волк услышил и будит медвѣдя: медвѣдь, медвѣдь! Козел да баран бают, що лѣсники нас ищут. Медвѣдь бает: ой, какая тут правда! Сами опеть уснули. Козел да баран пробудились, побѣжали вдоль по дорожкѣ. Бѣжели, да бѣжели, да на клёпистыя сосны добѣжели. Козел на вершину сосны влѣз, баран-от за им; лѣз, лѣз, да как оборвалса, да рогом-то на сук, болталса, болтался и упал. Тут прибѣжали медвѣд-ет да волк. Козел-от с вершины-то закричал: тово ли надо! тово ли надо!

---

52. С. Юрьево.

Сказка о неправомъ судѣ.

Д. Зеленинъ. Сказка о неправомъ судѣ. Ж. Ст., г. 13-й, 1903, в. III, стр. 406—407.

Жил да был старик с мужом. Поѣхал об Офона́сьевѣ дни въ гости со старухой. Сѣли ря́дом, стали говорить ла́дом. Ѣхали-поѣхали, по нога́м доро́гой. Хлебе́сь кобылу бичём троу́злым. Угна́л, наче́ю, вёрст петь-шесть, огляну́лса: тут есь (ещо́ и с мѣста не подалса́). Доро́га худая, гора крутая, телѣга нема́занная. Ѣхал-поѣхал, до́ бору доѣхал.

Въ бору стоит семь берёс, восьмая со́сна ви́ловата. На той со́снѣ ви́ловатой коку́шечё-горю́шечё гнѣздо свила и дѣтей свела́.

Негдѣ взелась скоробога́тая [1]) пти́чя, погумённая сова—сѣры бока, голубы́ё глаза, портено́ё подопле́чьё, суко́нной за́воротник, нос крючьком, глаза по лошкѣ, как у сердитой кошки. Гнѣздо разори́ла и дѣтей спогубила и в землю схоронила.

Пошла коку́шечё, пошла горюшечё с про́зьбой к зу́ю пра́ведному. Зуй пра́ведной по песочку гуля́ёт, чюло́чьки обува́эт, сыромя́тные коты́. Нарежа́эт си́ночку-россы́лочьку, воро́бушка-деся́тника к царю-лебедю, к гусю-губернатору, пави́ну-архире́ю, ко́ршуну-исправнику, грачю́-становому, к е́стребу-уряднику, къ те́тереву польске́му—старостѣ мірьске́му.

Собрали́сь фсѣ чиновники и нача́льники: царь-лебедь, гусь-губернатор, пави́н-архирей, коршун-исправник, грачь-становой, е́стреп-урядник, те́терев польске́й—староста мірьскёй, си́ночька-россы́лочька, воробе́й-десятник, и из уѣздновова суда тайна поли́чія: сычь и сова, орёл и скопа́,—што́ есь на бѣлом свѣтѣ за скоробога́тая пти́чя, погумённая сова, бѣлы бока́, голубы́ё глаза, портено́ё подоплечье, суко́нной за́воротник?—И добрали́сь, што—ворона.

И присудили ворону наказать: стрехну́ли ко гря́ткѣ нога́ми и за́чяли сѣ́кчи по мя́ким мѣста́м, по ледвея́м. И ворона возмоли́лася: кар-карата́итё, мое тѣло тарата́итё, никаких вы свидѣтелей не спроша́итё!—Хто у тя есь свидѣтель?—У меня есь свидѣтель воробе́й.—Зна́ём мы твоёва воробья́, я́бедника и кля́ветника и потако́фшыка. Хресья́нин поставил но́ву и́збу,—воробей прилетит, дыр наверти́т; хресья́нин избу затопля́эт, тепло в избу пропушша́эт, а воробей на у́личю выпушша́ет. Непра́вильнова свидѣтеля сказала ворона! И ворону наказывают пу́шшэ и тово́. И ворона возмоли́лася.... (повторяется то же). — У меня есь свидѣтель—жолна́! — Зна́ём мы твою жолну́, я́бедничю, кля́встничю и потако́фшичю! Стоит в раменью́ липа, годи́цца на бо́жей лик и на коноста́с. Жолна́ прилетит, дыр наверти́т; дош пошо́л, липа изгнила́, не годи́цца на коноста́с; послѣ тово́ и лопаты изъ неё не здѣлати. Неправильнова свидѣтеля опе́ть сказала! И пу́шшэ тово ворону стега́ют по ледвея́м и по перетку́. Опе́ть ворона возмолилась.... (повторяется то же). — У меня есь свидѣтель послѣ́днёй,—де́тель. — Зна́ём мы твоево́ де́теля, я́бедника, кля́ветника и потако́фшика! Хресьянин загородил

[1]) Скоро разбогатѣвшая? Сравн. Кузьма Скоробогатой въ сказкахъ Афанасьева (Зеленинъ).

новой огоро́т; и де́тель прилетѣл, жерть передолби́л, и двѣ передолби́л, и три передолби́л: дош пошо́л, огоро́т россѣ́лса и розвали́лса: хресья́нин скота́ на у́личю выпушша́ет, детель ф по́лё пропушша́ет.

И ворону наказа́ли, от гря́тки отвеза́ли. Ворона кры́лышка разброса́ла, ла́почьки роскидала... Из-за коку́шечи, из-за горю́шечи, из-за я́бедничи я, вороно-праведничя... Нечѣм хресья́нина не обижда́ю: по́ утру рано па гумнёшкё вылета́ю, кры́лышкам розмета́ю, лапочкам розгреба́ю,—тѣмъ себѣ и пи́шшу добываю! Она коку́шечя, она горю́шечя, она я́бедничя, она кля́ветничя! Хресья́нин нажа́л один суслóн,—коку́шечя прилети́т, и тот одолби́т! бо́льшэ тово́ под ноги спу́стит!..

И выслушали воро́нины слова. И ворону потхвати́ли, в кра́сной стул посадили. Коку́шечю-горю́шечю, в наказаніе ей, ф те́мной лѣс отпра́вили на́ триччѣть лѣт,—погле́неччя, живи весь вѣк! И топе́ре коку́шка в лѣсу́ прожива́ет и гнѣзда́ не зна́ет.

Слободско́й у.

53. Загадки.

Календарь Вятской губ. на 1892 г., стр. 168—215. При каждой загадкѣ цифры въ скобкахъ указываютъ №, подъ которымъ она тамъ помѣщена.

1. Батюшко, батюшко! что у насъ за по́точка: станёт, да лягот, и голову протянёт?—Жаравец. (6)

2. Висится, болтается, всяк за его хватается.—Рукомойка, полотенчё, рукотёрток, укотерник, окутерник. (76)

3. Вьётся, плетётся, в лѣс волокотся.—Осѣк, огорода, перёгорода, огород. (143)

4. Есть семь братовей, годам однаки, именам не однаки.—Дни недѣли. (214)

5. Лѣзу лѣзу по залѣзу на месную гору, сяду на деревянную бесѣду.—На лошади сѣдло. (366)

6. Молчан собачка, а дом стерегот.—Замок. (381)

7. Мудрено име Екуня; узловат Кузьма, розвезать нельзя.—Замок. (409)

8. Поперечина въ избѣ, уперечча нельзе.—Сонцо. (561)

9. Серцо вынето, кверху сдынето.—Жолоб. (634)

10. Шито-било попермечки [1]) говорило.—Молотило. (862)
11. По сарайчу хожу, связальча ищу.—Вѣник. (565)

54. Пѣсни.

Повѣрья, обряды и обычаи.... крестьянъ Слоб. у. Вятск. г.—Календарь Вятск. губ. на 1893 г., стр. 241—245, №№ 1, 6, 12.

1. На дворѣ то стает не рано
Что не рано—вечераёт.
Не сокол с гнѣзда слетает,
Молодец с двора съѣзжает.
Никто словечка не скажет,
Не отец родной, не мати.
Провожали чужи люди,
Чужи люди, все сусиди,
Сусѣдушки—красны дѣвки.
Со всѣмя дѣвкам простился,
С едной Сашей не простился,
Со дорожки воротился,
Со дорожки со большія,
Со большія, трактовыя.

2. Уж вы пойдитё во зелен сад гулять,
Возьмитё меня!
Станетё вѣночки везать,
Свежитё менѣ!
Пойдитё на Дунай ричку,
Возьмитё меня!
Станетё вѣночки бросать,
Броситё мой!
Всѣ вѣночки по верху плывут,
Твой потонул, его черт утянул.

3. Вылетает сиз голубчик мой
Все из ясных соколов.
Зачѣм оставляешь меня дѣвицю,
Зачѣм покидаешь во деревнѣ
Жить едну, во деревнѣ, во селеньѣ,
С большим горюшком горевати,
Горючи слезы роняти.
Ой да немножко
Слез горьких роняла
О голубцикѣ дружечкѣ.
Нынце злы люди сусиди
Дозореют всё.
Люди гледят, дозореют, замѣцеют,
Не совѣтуют дружка любить,
Велят бросити, позабыть.
Я толды, дружок, тебя забуду,
Колды скроются глаза,
Закроются мои очи
Тонким бѣлым полотном,
Тонким бѣленьким полотенцом,
Гробовой сверху доской,
На гроб напишу писемцё.

[1]) Попермяцки.

Причётъ надъ умершей.

Тамъ же, стр. 253.

Матушка, ты, матушь, пощё ты нас спокинула, оставила? кто будет дома сидѣть с малыми ребятками? не оставишь зимой, не убѣжишь к сусидкѣ с пресенкой [1]). Кто кацнет зыбку, кто напрядет тонку нитоцку? Не приголубишь, не приласкаешь больше внуцятушок. Кто пройдет по сараю, яицки соберет; ќурицки севодниця не кормлены сидят.

Пермская г.

55. Шадринскiй у.

Пустынникъ.

Пермскiй сборникъ, кн. 2, 1860 г., стр. 177—178.

Один пустынник тридцеть лѣт молился в пустынѣ. Мимо ево стали ходить дьяволá большой артилью; вперед идут нерадостны, невеселы, а обратно—скачут и пляшут. «Куда так ходят дьявола? думат про себя пустынник, дай-ко, ужо я спрошу у их»... Видит одинова, идут онѣ, и позади их костылят и ташшится коё-как на хромой ногѣ Потанька-дьяволёнок. Пустынник остановил ево и спрашиват: «куды вы так ходите артилью?»—«Ходим к царю на обѣд; у ево всѣ стряпки, што ни дѣлают, не говорят николда: Господи благослови! Вот мы и ходим туда»... Пустыннику от этова царя каждой день носили кушанья, обѣдать. Вот, он одинова взял да и написал царю на блюдьях, што стряпки ево пекут и стряпают не благословесь, и оттово ходят к ему обѣдать дьяволá цѣлой артелью. На другой день пустынник видит дьяволов нерадостных, невесёлых—идут от царя. «Молчи! говорят онѣ ему, каковы мы тибѣ не будём, да будём!» Царь по его письму перемѣнил всѣх стряпок, и стали онѣ всё варить и стряпать благословесь. Прошло сколько-то время, пустынник живёт спокойно. Вот, однажды пришли к ему гости и с имя женьшина. Стали с им разговаривать и соблазнять ево жениться; он соблазнился жениться и пошол с имя вѣнчаться. Пришли куда-то онѣ, и пустынник с имя: к вѣнчанью все тут было налажено. Вот, стали ево вѣнчать с женшиной; вот, подошла пора

---

[1]) См. прясенка.

ужь и винцы надѣвать. «Не крестись!» говорят онѣ ему. Он взял да и перекрестился, и как только перекрестился, увидѣл перед собой петлю, направлену на ево голову. То были дьяволá. Онѣ всѣ отскочили от ево, заржали, захохотали и убѣжали. Вот, до чего обморочили онѣ пустынника, што чуть и не задавили. Таковы дьяволá-те! Послѣ пустынник ешшо молился 30 лѣт.

Разсказъ шадринца.

Тамъ же, стр. 180—182.

Кыргыская степь—это большушшая степь, и как зайдеш в іё, дак ни конця ни краю не видать: все степь да трава!... А трава там ростёт чудóвая, и привольё-то, какое привольё для скотинушки.... Скота там всякова много, и сы́тной такой да большой.... А людей там мало: все собаки кыргызы. Хлѣба у их нѣт; пашенки онѣ не пашут; а вот, собаки, любят жо хлѣб-от ись!. Наши мужички туды издят и берут у их, припас ли какой,—больше для лошадушок сѣнкó, ну и для себя, быват, берут баранá или овцу́, а денег не платят. Деньги кыргыз не берёт; но, а на хлѣб, собака, падок. Дас ему мужичок колачь, дак кыргыз все для ево доспіёт: и рыбу в озерах пособлят ловить, и караулит, чево заставят.... А вот, вѣдь не воруют—так штобы чево украли—развѣ чево хлѣбное сожрёт, а то так, знаш, большой пакости от их нѣт. Ну, и начельсва своево—какó у их там есь—у́жто боятца тожо.... По запрошлому году, да и лони́сь издили у меня сусиди в степь: и рыбу ловить, да и по сóль....

Озер-то вѣдь в степѣ множе́ство; а вот от нас-ту больше издят па Копчи. Копчи—это озеро большоё да рыбноё, от Шадрина это будёт верст семьсот. Есь озёра и ближе, верс за дваста и триста в степь. Рыбу ловят наши мужички о всяку пору, окромя́ страды.... Снасти возят с собой: неводá у их, знаш, там, да мерёжи, да уды́, всяка всечина. Есь и большіе неводá, таки, што зимой из-подо льду достают зáраз возов петьдесят рыбы.... Ину морозят, и́ну сушáт, больше—солят.... Соль с собой привозят, с границы, а то и тут жо в степѐ берут. Только степной соли засол быват крѣпкой, и рыба не портитца и не пахнёт, как сиги чердынски... Да и кака ваша соль?—Нѣт, ваша соль не то, што наша, ургачска или коряковска. А ургачска ешшо, пожалуй, бассия́ [1]) коряковской...

[1]) Сравн. степень отъ баскóй.

Вот она как родитца. Озеро, знаш, как есь, сыздале́, озеро... а к ему подъидеш ближе—и вода: будто как есь вода в озёрах; а заѣзжай в воду-ту, іё только на четверть, а там, под водой-ту, ро́вно лед: и телѣгу и лошадь подымат. Вот это соль-та и есь. Она такая чистая да тверда́я, а вода-та на ей горькая... И ужь как она родитца, и киселем доспіётца, и отвирдіёт, как лед, Господь іё знат. А вот, вѣдь собаки-те кыргызы іё мало достают, и буди достают чево, дак все везут на границу, в Звѣриноголовен [1]. Тут іё продают больно дёшово. С наших-ту пошлину берут, и свидѣтельсва дают.

(А много крестьян ѣздят на рыболовство?) Но, а ка́к, ди́вно [2]. Тожно многи стали издить.... Рыба-та в степѐ-то больно хороша: карась, окунь, шшука, ези.... А вот, сырок, моксун, нельма, осетрина, стерледь—это рыба рѣшная. Іё ловят по Тоболу, Иртышу, а больше по Обѣ, да и издят-то туды водой, по рѣкѣ по Ницѣ, ирбецкой округи мужички. Там есь в Бобровской волостѣ деревня Комлёва: в ей все живут рыболовы, и мужики—богатѣи.

Казанская г.

Чебоксарскій у.

56. Д. Ельниково, Алымкасинской в.

Образецъ связной рѣчи [3]).

Е. Ѳ. Будде. Діалектологическія замѣтки. Р. Ф. В., т. 48, 1902 г., № 3—4, стр. 174.

Го́ро̆т хо́тят з^жъдѐлать Марі́инскъй Поса́т, а душь-то ма́ло̆: ду́ш́еф мно́го̆ на́до̆. Чыбокса́ры уш спо́лне̇ный го́ро̆т, а Марі́инскъй

---

1) Звѣриноголовская крѣпость.

2) Много.

3) Къ №№ 56, 58—65. а) *ч* обозначаетъ звукъ тверже литературнаго (ею мы замѣнили различныя написанія автора для этого звука). б) *и* и *ы* послѣ *ч* передаютъ, повидимому, одинъ и тотъ же звукъ (мы удержали колебаніе автора въ употребленіи *и* въ однихъ текстахъ и *ы* — въ другихъ). в) Мягкость согласнаго не передъ гласнымъ авторъ изображаетъ то буквою *ь*, то значкомъ надъ согласной (*есть* —№ 56, но: *го́стей*—№ 59); въ цѣляхъ единообразія мы во всѣхъ такихъ случаяхъ провели первый способъ. Такимъ образомъ, значокъ остался у насъ лишь надъ *ш* и *ж* для обозначенія ихъ мягкости передъ гласной. г) *ъ̥* обозначаетъ слоговый гласный, отличающійся отъ того, который обозначается *й*, повидимому, еще большею редукціею (у автора въ этихъ случаяхъ просто *ъ*; мы ввели особый знакъ во избѣжаніе

Поса́д—нѣ́гу: Сундырё́м поса́цке [1]) ни виля́т пазыва́тˢь; неᵃбо́сь штраф запла́тишь.—Топе́рьᵉ на́шя конто́ра и ду́ма мѣшьша́нска: то купцы́, то ᵉоспода́, а то го́роднóй мѣшьшани́н; онѣ́ мо́гут в го́ръдп жи́тˢь, а крисья́неᵃ поду́шьно пла́тят. Хлѣ́п сі́ᵉют, рошь посі́ют, на росхо́д jим хвата́т. Бывáт и ты́шьшю пудо́ф в го́т прóдаду́т. Крисья́ны бо́льши пла́тят: и штрахо́фка и фсё, за чо́ты́ри души́ э́да́к-ту со́ро́к рубле́й. На ло́ши́тˢь, на коро́ву даю́т купцы́, на но́во́й зеᵃмлѣ́: хоро́шеⁱй хриᵉсья́нин ни pojíᵉдит.—Го́ро́т Често́х [2]) е́сьть, там сын и слу́жит, ут нёво́ жьдём писˢˢьмо́, ничёво́ хъроше́ слу́жит; пока́лѣᵃ два го́да слу́жит, слу́жба-та на грани́цы пятˢь лѣт. У нёво́ дѣ́въчˢˢка ф тѣ́м ф пріюти: вы́ше, вы́ше учы́тˢь её бу́дут, пока́лѣ жива́ Лиза-ве́та Пётро́вна, купчи́ха Коро́ткъва.

Цивильскій у.

57. С. Богородское-Гришино, Старо-Тябердинской в. (на границѣ Свіяжскаго у., въ 90 в. отъ Казани).

Пѣсни.

Записано въ 1897 г. Мат. великор., № 143. Съ рукописи.

1. Господа́ на́ши бая́ри
Ни рассу́дливы:
Ны рабо́ту го́нят ра́на,
Даю́т хлѣ́ба о́чинь ма́ла.
Пыутру́жа пыпрёка́ют,
Шты лѣни́ва работа́ют.
Ни успѣ́л я рѣ́чи сба́ать,
Как нача́ли плётью жа́рить.

2. Не с ки́м мнѣ́ но́чку,
Не с ким тёмну нычова́ть.
Тава́рища со мной нѣ́т.
Нѣ́ту ми́лыва дружка́,
Ива́нушки-сокыла́.
Ива́нушка, со́кыл я́сный,
Идёт но́вый слыбодо́й,
И машит пра́вой рукой
Перчаты́чкый гылубо́й.
Подай ручку чирпз рѣ́чку!
Мая́ ру́чка кыротка́,
Дуна́й рѣ́чка широка́.
Переходыф на ней нѣт,
Нѣт ни ло́док ни плото́ф,
Нѣт намо́щных мосто́ф.
Кали́н мо́стик намощу́,
Суда́рышку пирьвёзу́
Ны свою́ сторо́нышку.
Ны моей сторо́нушки
Жи́ть приво́льна хырошо́:
Мно́га пи́ва и вина́.
Стака́н во́тки нылила́
И мило́му пыднёсла!

недоразумѣній, могущихъ произойти отъ употребленія одного и того же знака въ различныхъ значеніяхъ).

[1]) Жители посада.

[2]) Ченстоховъ.

Разсказъ.

Тамъ же.

У N пала лошить, а безъ неё што будишь дѣлыть. N и пошол к барину и стал просить помыщи. «Ах ты, такой-сякой!» закричал барин, «ды у тебя нѣт лошиди! ды ты, болван, не можишь купить! Дать ему 25 розык!» Посли бани (т.-е. сѣченія), барин дал мужику рупь и сказал: «штыбы завтри жа была лошить!» Мужик бѣжит домой и ругает себя, шты зачѣм ево нелёхкы-та пынёсла к барину, ды и ни итти-то тожа нельзя, нужно жа сказать, шты лышади нѣт. Вот, N вспомнил, шты в деревни N есть один кынократ, который за четвирьть вотки обдѣлыт дѣло. Мужик отправилса в ефту деревню к кынокраду, пытпоил е́во и вмѣсти пошли в N-скіе луга и пытхватили там шты ни есь лучшива мерина. «Ну вот, и купили, сказал кынократ, теперь пожжай скорѣй домой». N благыполушно пріѣхыл. Ны другой день был нарят на барщину ны лышедях,—кажитца, прудить мельницу. Мужик с новый покупкый тожа явилса. Барин, увидаф ево, пыхвалил: «вот молодец! какова он коня-то пытхватил! ну, теперь ни гывори, шты не ны чим работать». В этот же день N лошить убмѣнил в другой диревни, и дѣла с концом. Если жа пріѣзжали с обыскым, то бис позволенія барина не смѣли въѣхыть в село и прежди докладывали барину и с пызволенія ево ныchанали обыскивать, а в ето время вырофская лошить уводилысь на барскый двор, а у бар дѣлыть обыск была нельзя—сам барин учил и сам жа ныкрывал... Ды и дом-та у нево ф Казани строили пы вырофски. Ворупм, бывала, и кирпичами и брёвными, што подѣлышь—велит, а ни послушитца и не думый. Вот едыким манерым мы и ныбылова́лис. И, конешна, воровали ни лышедей только, а што пыдвернётца под руки: и овец и свиней, и хлѣбым и лѣ́сым. Перва наша село называлысь «Быгороцко-Гришина тош». Дамоф товда было мала: за рѣчкый дома три-чотыри..... Кругом были лѣса.... Ягыт-то разных—ни пиреѣшь, а типерь рёбятым и пылакомитца нечим.

Казанскій у.

58. С. Чигурчи (близъ г. Арска).

Отрывокъ разговора и пѣсня [1]).

Е. Ѳ. Будде. Діалектологическія замѣтки. Р. Ф. В., т. 48, 1902 г., № 3—4, стр. 169—170.

Сича́с о́т я поста́влю сӯму͡а́р: фсѣ́ на робо́те^{а}, жнут найма́ми у на́с, хъть и з^{ж}е́лӣи, а жну́т ове̋с; кънопле̋́ сі^{е}ют: по́скънь—она́ о^{у}знача́тцă вӣть: у кънопля́ голо́фкă са́мъя зе^{і}лё́нā, у по́скъ^{о}ни засо́хнит о́къл Каза́нско^{а}й, тада́ бра́т^{с}ь на́да; мо́жӹм брат^{с}ь фсіе̋́ в два́ дьнӣ. Льву́ но́ньчи нѣ́ту: симя́ ильянӹ́ пропа́ли, ф чэ́тьвирьть, бо́льшы нѣ́т јих, и симе̋ф нѣ́т: фся хлѣ́бнā поро́да пропа́ла, и з^{ж}ёрно́ пло́хŏ.—По́што жа́т^{с}ь зилё́нŏй, мы с^{ш}ьпѣ́лŏй ва^{ы}бира̋м, вы́ вӣгь ч^{ш}ать ра́нŏ с^{ш}і́^{е}јели, а мы ў ма́и уш числа́ дьвёна́тцътŏво с^{ш}і^{е}јели. Я найма́ю робо́чих, я ўдова́. Жну́т се^{і}рьпа́ми. Бŏрона́ залѣ́знā: у фсѣ́х в зе^{і}мьлѣ́ ко́ринь, бо́льнŏ прорестā́т (?) она́, прŏсора́пăт [2]), а по́ве^{і}рьху зна́мŏ дӣривя́ннā пойде̋́т: он доржа́т^{с}ь бу́дит зу́бŏм-ти, и до́ржыт залѣ́зным, спа́иш јіе̋́, пото́м зуб наскро́сь прохо́дит: спа́ям до́ржыт и зуб до́ржыт.—Је^{і}сь таке́ји мъжыкӣ: мётлы́ ни умѣ́т з^{ж}ьдѣ́ла́т^{с}ь.—Не ф тѣ́м я гъворю́: онӣ́ сило́м с миня́ не^{а} мо́гут.—У на́с хра́мскэй пра́з^{ж}ьник Мико́ла, вот и пою́т:

Виногра́дна сла́тка я́гътка,
Не сто́й-ка нăд быстро́й нăд рѣко́й,
Не рони́-ка свое̋́ ли́сьица:
Твое̋ ли́сьица бума́жнŏё.
У миня́ жă мъладё́шыньки
Ма̊ть та ма́чӣха была́:
Поу́тру-ту она́ бу́дит ранё́шынько,
А ввичё́ру́-ту спа́ть кладё́т позьдё́шынько.
Во по́люшки пасту́х ни кричи́т,
Во саду́-ту сŏлове́й-т ни сьвисьти́т.

(Два ра́с поют про ма́ть-ту!
Вдруго́ре^{і}т^{с}ь с конца́ зăпою́т.
Је́та пё́вăт она́ на ма́чӣху.)
Виногра́дна сла́тка я́гътка,
Не сто́й-ка нăд быстро́й нăд рѣ^{а}ко́й.
У миня́ жă мълодё́шыньки,
З̊иле^{і}нё́шыньки
Роди́ма ма́тушка
Спа́ть-то кла́ла миня́ ранё́хŏнько,
А буди́ла-то поздё́хŏнько.

---

1) См. сноску 3-ю на стр. 94.

2) Процарапаетъ.

59. Д. Бимéри.

Пѣсни [1]).

Тамъ же, стр. 170—172.

1. «Ко̆рово́дна» (вёсно́й).

Го̆лова́ боли́т, маломо́жы̆тца,
Маломо́жы̆тца, низ^{ж}доро́витца,
Низ^{ж}доро́витца, гуля́т^{с}ь хо̆чйтца.
Я пойду́ млада́ ръзгуля́юс
Со подру́шкими со голу́пкими.
Вы, подру́жыньки, вы, голу́бушки,
Научы́ти, ка́к домо́й притьти́?
Je^{а}шшо́ у́льцэй с^{ш}ӗро̆й у́тьцэй,
Пе^{і}ре^{а}у́лъчкъм пе^{і}ре^{і}пӗлъчко̆й
К ш̆ироку́ двору́ чо́рным со́бо̆ле^{а}м,
На ш̆иро́ко̆й двор я́сным со́кълом,
На крас^{ш}ӗн крыле́ц кра́сно̆й дѣ́ўшко̆й,
Во новы́ с^{ш}і^{е}ни мълодо́й жоно́й:

Je^{а}шо́ но́ф терём ръстворӗн стои́т,
Мой посты́ло̆й муш за столо́м с^{ш}иди́т,
За столо́м сиди́т ўбжы^{и}ра́йтца,
Мо̆лода́ жона́ ўлыба́йтца,
Je^{а}шо́ хлѣ́б да соль, мой посты́ло̆й муш,
Хлѣ́ба ку́шъти, мо̆лода́ жона́!
Сам по ла́очьки по̆дьвига́йтца,
За шолко́ву плі^{е}т^{с}ь хвата́йтца,
Он бе^{і}рёт жону́ за прау́ руку
Он бъёт [2]) жону́ по бѣ́лу тѣ́лу:
Възмоли́с, жона́, своёму му́жу!

2. «Вилича́льна» (как нивѣсту за сто́л сажа́т^{с}ь).

Што во те́рьми сьвѣ́чы горя́т
Во высо́ким но́вым тё^{і}плютца.
Во ту по́ру, во то́ вре́мичько
Сьвѣ́т Ма́рья дары́ ш̆и́ла,
Сьвѣ́т душа она́ Его́рьјивна,
Шш̆и́ла она́ дары́, поло́жы̆ла,
Пъложа́ дары́ за сто́л сѣ́ла,
За сто́л сѣ́ла, го́рько̆ спла́къла,
На ба́тьшку ро̆спрогнѣ̆вълас:
Уш ты, су́дӑрь мой, ба́тюшка,
Суда́ръня, моя́ ма́тушка,
Вы ни чӑели миня́ ижжы́т^{с}ь-избы́т^{с}ь,

Ижжывѣ́ти миня́ го́рькаю,
Миня́ го́рьку го̆рёмы̆шную.
А мы т^{с}е^{і}бя́ ни одну́ пошлём,
Мы пошлёмы̆ть с тобо́й сва́хы̆ньку,
А сва́хӑньку с про̆вожа́тъми.
Фсѣ сва́хы̆ньки розъѣ́дутцӑ, [2])
Про̆вожа́ты фсѣ розо́йдутцӑ,
Я оста́нуса одна́ го́рька,
А я го́рька го̆рёмы̆шнӑя
Со уда́лым з до́брым мо́лътцӑм.

---

[1]) См. сноску 3-ю на стр. 94.

[2]) Здѣсь ъ обозначаетъ твердость *б*, *з*; надъ *т* въ словѣ *бъёт* въ оригиналѣ стоитъ точка.

3. Кода́ на дво́р «поѣздъ» взъёжжа́т, тады́ дѣфьки поют:

Не́ было вѣтру, вдру́к надунуло̆,
Не́ было госьте́й, вдру́к наѣхало,
По́лно̆й двор коне́й да корет,
По́ло̆н крылёц княз^жье́ф да бояр,
По́лны сі^ени княз^жье́фских жон,
По́ло̆н те^ре́м добры́х людей,
По́ло̆н чулан красных дѣвушкъф.
Но́вы сі^ени пъдломи́ли́са,
Дубовы́ столы́ ро̆склейли́са,
Зо̆лота́ ча́ра ро̆спайласа,
Росплакӑлас Марьюшка,
Ро̆зрыда́лӑс Его́рьјі^евна;
Ты ни плач-ка ся, душа́ Марьюшка,
Но́вы сі^ени мы по̆друби́т^сь ўддади́м,
Дубовы́ столы́ скле и́т^сь ўддади́м,
Зо̆лоту́ чару пире ли́т^сь ўддади́м.

---

60. Д. Тура́ (близъ Раиѳской Пустыни).

Образецъ связной рѣчи [1]).

Тамъ же, стр. 172—173.

Поку́чъ̆лас я пӑсалӧмшику сы́на мово́ учы́ть; ста́рьшъй с ро-бятъми во́дитца: года́-те сыну пришьли́, ёво́ приде^ілит^сь на́до к мѣсту—во́т чово́! Хут^сь и помру́, он оста́ньтца. Мы Тури́нски, прихо́дъм в Оси́нъфку, вёрст с^ше́мь от Кра́сно̆й Го́рки-те, пре́ж бы́ли ф Кра́сну Го́рку, а топе́рь—в Оси́нъфку. Вёрсты́ чотыри ли пя́т^сь ли д Оси́нъфки. У на́с, слыха́ли, мънасты́рь-ти Раи́ха—Грузи́нска Бо́жая Ма́терь, как и Сӑмале́нска; ее́, ма́тушку, носи́ли фторо́й де́нь пос^шли́ Тро́йцы, што наро́ду-ту было̆ но́ньшне́й го́т. Топе́рь она́ уш на Пъро̆ховы́м [2]), ли́бо̆ ф сло̆бодѣ^а. Ў миня́ ро-бя́ты-те: о̆дному́ шошто́й го́т, а друго́й с ма́лыми во́дитца; како́й чъловѣк бу́де, ишшо́ не зна́м; учы́тца охо́та ёму́, да фсё на́до̆ хло̆-пота́т^сь. Хут^сь бы́ в бизде́ньжно̆е учы́льшшӑ одда́т^сь ёво́!—Сва́риш карто́ви—во́т как пита́юс, а ковда́ ро̆зговѣмса—мълочка́.—Мо́шка-те скоро̆ про̆пада́, а вот кома́р фсё лѣто̆ жывёт.

---

[1]) См. сноску 3-ю на стр. 94.

[2]) На пороховомъ заводѣ.

61. С. Пестрецы.

Образецъ связной рѣчи [1]).

Тамъ же, стр. 173.

Приве̇зьли́ сёво́дьни во́лка-то, ба́бу-ту ничово́, то́лько она́ ки́нулӑс, па́лиц ёму́ уткусшил. Робя́ты-те шли́ и ба́ба шла взаём хлѣ́ба у сусѣ́де̇в д утра́: с робёнкъм идёт с кърова́им, во́лк за е́й, она́ ки́нулӑс в воро́тӑ, во́лк за му́жыко́м-ти, шу́бу, боры́-те изорва́л, хвата́т, ёму́ в ро́т ви́лы су́нули. У на́с на ба́рским дворѣ́ стал ки́дӑтца чшъловѣ́к уку́шънно̆й,—нуш [2]) ма́еалса. Спаси́ Бо́х!—Годо́фшэсь наза́т испо́льзъвали о̆дноо в Москвѣ́; дӑк то́т с јим ско́лькŏ возилсӑ.—Топерь весь по́л протёрьли.

62. Г. Арскъ, Казанскаго у.

Образецъ связной рѣчи мѣщанина [1]).

Тамъ же, стр. 173—174.

Кода́ ври́мя е́сть, а то в дiень ни прiји́ди́ш.—Кода́ робо́та, ни појидут с мя́сŏм-ти суды́.—Насъпроти́в пе́чы стои́т ко́дьник [3]) (въ с. Александровкѣ, Казан. у., въ 16 верст. отъ Арска: ко́йник). На ни́м одёжу кладу́т и спя́т кода́.—Чохлы́ но́сют пот платко́м ба́бы. Ежли до́лгŏй вышэ груде́й—запо́н, а коро́ткŏй—фа́ртук. Холсты́ точо́м [4]).

63. С. Новые Чепчуги́, Апайкина Гарь—тожъ.

Образецъ связной рѣчи [1]).

Тамъ же, стр. 174—175.

Биме́рскiји [5]) то́льки богаче, а тут вода́ удо́бнā: ключы́, тут врак поло́гŏй и вода́ не ме́орьзьнит; доро́га прŏѣ́знā, фся́кой установитца, а хрешшэ́нья у воды́ мно́го удо́бнѣа и сьвяшшэ́нникъм. У Биме́рских та́к—прудо́к: одна́ гря́сь: то́лькŏ сьвинья́м; и нŏвины́ [6]) суда́ ѣ́дут мытсь, то́лькŏ оди́н форс у јих, ничово́ нѣт.—Сёмна́тцытсь дворо́в мы суда́ пришли́ уш сшемьдися́т три го́да.—Биме́рскiји сьвяшшэ́нника прогна́ли, он ни пимши, ни ѣтши убёк к на́м.—Ви́ш, каки́ моро́зы у на́с зимой-ту живу́т; зждись вода́ удо́бнā живёт.—Изломам до́ску-ти. Вода́-ти у на́с хоро́шā.—Жи́сь была́ ишчо́ приво́льнā.

---

[1]) См. сноску 3-ю на стр. 94.
[2]) Ну ужъ.
[3]) Конникъ.
[4]) Ткёмъ.
[5]) Крестьяне д. Бимери.
[6]) Холстъ.

64. Д. Царёво, Коща́ковской в.

Образецъ связной рѣчи [1].

Тамъ же, стр. 175.

Рахча́ [2]—дьвѣ́ вёрсты́ от ȷе́й, блис Чы́стао По́ля [3], суды́ к Чы́стъму По́лю. Суды́ нам далёко́ мо̆локо́-то воз^{ж}и́т^{с}ь.—Робя́ты вызьбѣ́ ф пе́чку залі^{е}зьли, а то хо́ло̆дно.—Хозя́^{е}ип-о̆т мой у Цыгано́ва робо́тӑт: парьке́т дѣ́лӑт, ра́мы-ти сосно́вы, таке́ȷи хре^{а}сты́, а на ȷих уш парьке́т.—Доржи́ ло́шеть-ту!—Миня́ Кули́на зва́т^{с}ь; мы о^{у}после́ во́ли вышли на свою́ ро́дину, а то нас про́дӑли из Рахчы пот Симби́рским. Урё́ва ско́лько̆ бы́ло̆; нас сьвя́зӑнных ве^{і}ли́ к Симби́рскъму-ту.

---

65. Ягодная Слобода (подъ г. Казанью).

Отрывки разговоровъ и пѣсня [1].

Тамъ же, стр. 176—177.

И́грышнѣȷи пі^{е}сьни на вечо̆ркӑх, мно́го̆ таке́х пі^{е}син въ Яго̆дной Сло̆бодѣ́.

Не^{і} спаси́бо̆ игу́мну тому́,
Не^{і} спаси́бо̆ бессо́вѣ^{а}сно̆му:
Мъладе́шы̆ньку ф че^{і}рьничьки пострйк,
Зе^{і}ле^{і}нёшы̆ньку по̆стри́гъваит:
Не моё́ дѣ́ло̆ ф коб$^{і е}$дьни ходи́т^{с}ь,
Не моё́ дѣ́ло̆ моле́бны служы́т^{с}ь.
То́лько̆ моё́ дѣ́ло̆ скака́т^{с}ь да пляса́т^{с}ь,
То́лько̆ моё́ дѣ́ло̆ в ыгри́шьши игра́т^{с}ь.
Уш я по́со̆х-от под ла́фку брошу́,
Кӑмилавъчку на сто́л пълажу́,
Пъдарю́ ли я се^{і}сьтри́цу свою́,
Пъдарю́ ли я возлю́блёную.

Лопа́ты пот хлѣ́бы по̆тса́въвают.—Ло̆шаде́й потка́въвают, кода́ ме́рьзьнит вода́.—Фа́ртуки свои́ ді^{е}т^{с}и зӑфсегда́ опля́въвают.—Он взя́л муто́ве^{а}зо̆к и потпа́сӑлся [4].—У на́с на клоко́льнѣ звоня́ют, зво́н тако́й гу́лко̆й.—Jі^{е}сьли робе́нък го̆вори́т нё́мо̆ [5], ȷиво́ тру́дно̆ поня́т^{с}ь.—Он (батюшка) робе́нка ни ма́чыт [6] з го̆лово́й в во́ду, кода́ кре́сьтит.—Вы слы́шэ^{ы}ли, какой пӑсало́мши́к сипа́вый?—Я то́лько̆

---

[1] См. сноску 3-ю на стр. 94.
[2] Названіе деревни.
[3] Г. Чистополя.
[4] Подпоясался.
[5] Нѣмо, нечисто.
[6] Макаетъ.

вы́мы́рнула, а она́ за мно́й!—Фсю Во́лгу ма́слŏм поде́рьнит, кода́ моро́зы-те пойду́т: «са́лŏм подёрнулŏ» нăзыва́тца.—Ф таке́м пальтѣ́ ф просты́м он приходи́л.—Для како́й цы́ᵊли, ф цы́ᵊль стреᶦля́тˢь?—'Iᵉтих людéй визьдѣ́ мно́гŏ.

66. Чистопольскій у.

Правда и кривда.

А. Н. Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки, № 66, а.

Вот было какое дѣло, скажу тваему здаровью! Вот, знаш, не ва гнѣв тваѣй милости к рѣчи сказать, как мы таперича с табой, раскалякались прамеж себя двоя нашей братьи мужичков, бяднѣющіе, пребяднѣющіе. Адин-ат жил каё-как, калатился всѣми неправдами; гаразд был на абманы, и приворнуть ево было дѣло, а другой-ят шол по правдѣ, кабы, знаш, трудами вѣк пражить. Вот эвтим дѣлам-та ани и заспорили. Адин-ат гаварит: лутча жить кривдай, а другой-ят гаварит: кривдай вѣк пражить не сможиш; лутча жить как на-есть, ды правдай. Вот спорили ани, спорили, нихто, слыш, не переспорил. Вот и пашли они, братец мой, на дарогу и рѣшили спрасить да трёх раз, хто им на встрѣчу пападет и што на эвто скажит. Вот ани шли-шли, братец мой, и увидали: барскай мужичок пашит. Вот, знаш, и подашли к няму́; падашли и гаварят: «Бог на́ помочь тебѣ, знакомай! Разрѣши ты наш спор: как лутча жить на бѣлам свѣти: правдай али кривдай?»—«Нѣт, братцы! правдай вѣк пражить не сможиш; кривдай жить вальготняй».—«Ну, слыш, мая правда!» гаварит кривадушнай-ят правдиваму-та. (Вторая встрѣча, съ купцомъ, и тотъ же отвѣтъ). Вот пашли ани апять па дороги, што скажит третяй. Шли-шли, вот и видют: ѣдит прикащик на встрѣчу (слѣдуетъ тотъ же вопросъ).—«Вот, слыш, нашли, а чом спрашивать! знама дѣла, што кривдай. Какая ноньча правда? За правду в Сибирь угадиш, скажут—кляузник»....—«Ну, слыш! гаварит кривадушнай-ят правдиваму-та, вот всѣ гаварят, што кривдай лутча жить».—«Нѣт, слыш! нада жить па Божью, как, знаш, Бог велит: што будит, то и будит, а кривдай жить не хачу!» гаварит правдивай-ят кривадушному-та.

Вот пашли апять дарогай вмѣсти. Шли-шли; кривадушнай-ят всяка, знаш, сумѣит ка всѣм прилаживаться; вездѣ ево кормют, и калачи у нево есть; а правдивай-ят гдѣ вадицы изапьет, гдѣ парабата́ит, ево за эвто накормют. (Далѣе криводушный за два куска хлѣба выкололъ правдивому глаза). Слѣпой съѣл кусочик хлѣпца и пашол патихоньку ощупью с палачкай. Шол-шол каё-как и сбился с дароги и не знат, куды ему итти. Вот и начал он прасить Бога: «Госпади! не аставь меня

грѣшнава раба Тваево!» Малился-малился, вот, и услыхал он голас, хто-та, слыш, ему гаварит: «Иди ты направо! Как пайдеш направо, придеш к лѣсу; придеш к лѣсу, найди ты ощупью трапинку; найдеш трапинку, пади ты па той трапинки; пайдеш па трапинки, придеш на гремячай ключ; как придеш ты к гремячаму ключу, умойся, слыш, из нево вадою, испей той воды и намочи ею глаза: ты, слыш, празрѣиш! Как празрѣиш, пади ты вверх па ключу таму и увидиш бальшой дуп; увидиш дуп, падайди к няму и залѣсь на нево; как залѣзиш на нево, даждись ночи, даждешся ты ночи, слушай, што будут гаварить пат эвтим дубом нечистые духи: ани, слыш, тут слятаются на таковище». Вот он каё-как дабрёл до лѣса; дабрёл да лѣса, палозил-палозил па нем, напал каё-как на трапинку... (далѣе онъ поступаетъ, какъ велѣно). Вот, как празрѣл, и пашол вверх па таму ключу; шол-шол па нем, вот и видит бальшой дуп; пад ним все утоптана. Вот он влѣс на тот дуп, влѣс и дождался ночи. Начали пат тот дуп слятаться са всѣх старон бѣсы. Вот адин бѣс и гаварит: «Я был у такой-та царевны; десять гадо́в ее мучаю. Всяка меня выганяют из неё: нихто, слыш, меня не сможет выгнать, а выганит тот, хто вот у такова-та багатава купца достанит образ Смаленскай Божей Матери, што у нево на воротах въ куотѣ [1]) удѣлан». Вот на утро, как всѣ бѣсы разлятѣлись, правдивай ят слѣс с дуба; слѣс с дуба и пашол искать таво купца. Искал, искал каё-как нашол ево; нашол и просится работа́ть на нево: «Хать го праработаю, ништо мнѣ не нада, только дай мнѣ образ Божей Матери с варот». Купец согласился, принял ево к себѣ в работники. (За три года работы онъ получилъ образъ). Вот эвтим дѣлам-та взял он образ Смаленскай Божей Матери, взял ево и павѣсил на себя; павѣсил на себя и пашол, слыш, к таму царю царевну лѣчить, у каторай бѣс-ат мучитель сидит. Шол-шол и пришол к таму царю. Пришол к царю и гаварит: «Я де вашу царевну излѣчить смагу». Вот, знаш, эвтим дѣлам-та впустили ево в харомы царскіе, впустили и паказали ему ту скарбящую царевну. Паказали царевну; вот он спрасил вады. Падали вады. Вот он перекрестился и три земныхъ паклона палажил, знаш, памалился Богу и снял с себя образ Божей Матери; снял ево и с малитвою три раза в воду апустил; апустил, знаш, и надѣл на царевну; надѣл на царевну и велѣл ей тою вадою умываться. Вот, как ана матушка надѣла на себя тот образ и умылась тою вадою,

[1]) Кіотѣ.

вдруг из-за неё недуг-ат, знаш, вражья-та нечистая сила, клубом вылятѣл вон; вылятѣл вон, и ана стала здарова папрежнему. Вот эвтим дѣлам-то не вѣсть как всѣ абрадывались; абрадывались и не знали, чѣм наградить эвтова мужичка: и землю давали и вотчину сулили, и жалованье бальшое клали. Нѣт, слыш, ничаво не нада! Вот царевна-та и гаварит царю: ‹Я замуш за нево иду›.—‹Ладна!› царь-ат сказал. Вот эвтим дѣлам-та и павѣнчались; павѣнчались, и стал наш мужичок хадить, знаш, в адёжѣ царскай, жить в царских харомах, пить-ѣсть все на́ все за одно с ними. Жил-жил и принатарѣл к ним.

Вот, как принатарѣл он к ним, и гаварит: ‹Пустите меня на родину; у меня есть мать—старушка бѣдная›.—‹Ладна! царевна, знаш, жена-та ево, сказала: паѣдим вмѣсти›. Вот и паѣхали ани вмѣсти, вдваём с царевной. Лошади-та, адёжа, каляска, збруя—все царская. Ѣхали-ѣхали и падъѣзжают ани к ево роднпѣ; пападается на встрѣчу им тот кривадушнай. Царскай сын и гаварит: ‹Здравствуй, братец мой!› называет ево па имяни. Тому, знаш, в диковинку, што в каляски такой знатнай барин ево знат, и не узнал ево. ‹Помниш, ты спорил са мною, что лутча жить кривдай, чѣм правдай, и выкалал мнѣ глаза? Эвто я самый!› Вот, знаш, он арабѣл и не знал, што дѣлать. ‹Нѣт, не бойся! я на тебя не сержусь, а жилаю и тебѣ такова ж счастья. Вот, пади ты в такой-та лѣс—знаш, научя́т ево, как ево Бог научил. Вот, знаш, кривадушнай-ят па ево слову, как па писаннаму, все эвто здѣлал: залѣс на дуп и даждался ночи; даждался ночи и слышит, знаш, как са всѣх старон слятались на таковище нечистые духи. Вот, как слятѣлись, и услыхали па духу ево на дубу; услыхали па духу и растерзали его на мелкія части.

Тетюшскій у.

67. С. Семь Ключей.

Игровыя пѣсни.

Е. Ѳ. Будде. Діалектологическія замѣтки. Р. Ф. В., т. 48, 1902 г., № 3—4, ср. 175—176.

1. Алекса́ндръска бе́рёза
Серидú кре́млю стоя́ла,
Она́ лúсьими шумѣ́ла,
Зо̆лоты́м вѣнко́м сія́ла,
Гу́лю, гу́лю, го̆лубо́к,
Гу́лю сизи́нькій,

Сизакрылйнькій.
Ты куды, голу́пь, пошо́л,
Куды́, сизы́й, пълетѣл?
Я ко дѣвйцы ко краса́вицы,
Ко́я лу́ччи фсѣх,
Ко́я кра́шы фсѣх,
Биз белил то бѣла́,
Биз румя́н хо̆роша́.
Ты, невѣста моя,
Пъцалу́й, радо̆сь миня,
Пъцалу́й въ уста́,
Пъцалу́й пожа́лыста.

2. Сиди́, сиди́, Яша,
В орѣхъвой ча́шэ,
Грызи́, грызи́, Яша,
Кедро́вы орѣшки.
Яшынька, Яша,
Ду́мӑш-ли жэни́тцӑ?
Вӑбира́й невѣсту
Из любы́х любу́ю,
Ду́шычьку милу́ю,
Се́мь рӑс пъцалу́ю.
Пъцалу́й миня в уста́,
Пъцалу́й пожа́лыста!

Костромская г.

Ветлужскій у.

68. Хмѣлевицкій приходъ.

Свадебные причеты.

Я. Кузнецовъ. Свадьба въ Хм. приходѣ. Ж. Ст., г. 9-й, 1899, в. IV, стр. 531—533.

На сговорѣ сговорёнка начинаетъ выть: «Благослови, кормилец батюшко, мнѣ вытти из пецьки за навѣстоцьку, за тесовунову переборoцьку, на дубову нову лавицю прити косясцятова окошецька, прити немѣцькаго стеколышка пред иконой кипарис-древа́, прити мисеця-то свѣтлова, прити звѣздоцек-то цястых».

Отецъ беретъ рюмку водки, поднесенную сватомъ и начинаетъ пить. Невѣста причитаетъ: «Уж ты не пей, кормилець батюшко, уж ты да зелена вина, не бери-ко, родной батюшко, уж ты да золоту цяру. Золота цяра омманьцива, зелено вино подпойциво».

Сватъ подаетъ отцу выговоренныя деньги. Невѣста причитаетъ: «Ты не бейся, родной батюшко, ишшо ты да по бѣлым рукам церес столики дубовыя, церес скатерки да браныя, церез ножики булатныя, церес ѣсьвиця сахарныя, церес лошецьки кленовыя, церес вилоцьки полуженыя. Я об цем да буду битися, по ниску да буду кланяцця, по рѣзву да буду говорить, своему да я родителю. Приступай-ко, родной батюшко, шьтё ко мнѣ да за навѣ-

стоцьку, въ горемышное-то мистецько. Ты послушай, родной батюшко, шьте тибѣ да буду го́ворить: худобу разѣ увидѣли, худу славушку услышали? я жила, да родной батюшко, я потише клюцевой воды, я пониже шелковой травы, я жила да унижалася перед всѣми люди добрыми!»

Отецъ говоритъ: «Ну, шьте, дура, вѣдь же надо-ко колды-нибуть и отдавать, не на смерть вѣдь отдаем».

Послѣ бани заплетаютъ косу, и невѣста причитаетъ: «Шьте спасибо, матка подруженька, заплели мнѣ русу косоньку, шьте в завтрешней злосужной день розобьют да русу косоньку на двѣ плетки, на двѣ женьскія. Я положу дивью кра́соту, я на Софью на Ивановну, шьте тут ей не лежаньицё; я возму да дивью кра́соту во свои да руки бѣлыя, я прижму да дивью кра́соту к своему да ретиву серьцю».

Подъѣзжаетъ свадебный поѣздъ; невѣста причитаетъ: «Не валы ли загоралися, не искры ли высыпалися, ишшо ѣдет матка-сваребка, шьте полям идет винтуецця, деревням идет красуецця, подъѣзжает матка-сваребка ко двору да родна батюшка».

Дружка вылѣзаетъ изъ саней и, стоя на дворѣ, говоритъ: «Господи, Исусе Христе, Боже наш, помилуй нас! ѣхал я, дружка, цистыми полями, зелеными лугами, под красным солнышком, под цястым звѣздоцькам, под черным оболокам, взъѣхал я, друженька, на красивую улицю, с красивой улици подъѣхал к широким воротам; сватушко, свахонька! берите нѣмечьки ключи, отпирайте туречьки замки, пушшайте друженьку на широкой двор; пошел я, друженька, по широкому двору, с широкова двора на цясту лисенку, с цястой лисенки на калинов мос, с калинова моста подходил ко дубовым ко дверям, брал дверь за булатну за скопу́, хватил двери на пяту, двери хватил, аминь говорил; вот тебѣ, друженька, скок через порок, насилу ноги переволок, во горничю входил, аминь говорил; в ефтой во горенкѣ, во свѣтлой свитлицѣ пол лошшон, потолок скоблен, оконници стекольцяты, печь середи одново серебра; в ефтой во горничѣ, во свѣтлой свитлицѣ гости званы сусиди приглашенныя; я Спасу помолюся, на всѣ стороны поклонюся, постарше дядюшки, помоложе братцы, а вы соберитесь, да мнѣ, друженькѣ, поклонитесь; я в эфтом домѣ не бывал и хлѣба-соли не ѣдал, не знаю, как хозяина назвать и по отчесву звеличать.

Костромской у.

69. Шунгенская в.

Отрывки разговоровъ, поговорки, пословицы и пр. [1]).

Н. Виноградовъ. О народномъ говорѣ Шунг. в., ч. 1, Фонетика. Сб. Ак. Н. т. 77, 1904 г. Стр. указаны ниже цифрами въ скобкахъ.

Да́-ко ріѣпки!—Зу́бы ріѣдки! Зцѣлай поча́шшэ, дам посла́шшэ (13). Бѣгѝ скоря̀й к попу̀, бо́лого он сам до́ма̀ (40).

Дуню бра́тья унима́ли,
Дунѣ вуо́ли не дава́ли:
«Полно, Ду́нюшка, уйми́са,
С гороцкѝм ты не води́са;
Гороцкѝ—воры такіё,
Надаю́т славы худы́ё!»
— Худой сла́ушки доста́ну,
Гороцко́ва любить ста́ну! (43).

Вчёра̀сь баржа̀ с я́блокам пришла̀. У ёвуо́ ба̀ржы двѣ лебо три кажной ми́сяц хо́дят. На баржу̀ весь день карто́шку грузи́ли. Бо́лѣсь кака́я-то: всёвуо̀ ко́рчы[і]т [2]) да лома́ёт. Как забѐрёт она, болѣ̀сь-то, так не до чово̀, всёму рад, то́лькё бы што помогло̀. Гля моёй бо́лѣсти ни от чёвуо̀ по́льзи нѣт (56). При́говор написа́ли, штобы́ зна́чит, в воскрёсной день отню̀дь некому̀ не робо́тать. Унас зе́мськёй ка́жной раз приговѐр велит писа̀ть (59). Верьхь с низо̀м неколи не сровне́ёцца (63). Всё е́то к за́ўтрешнёму у́гру и припасѝ. Сово́дни подождѐм, а вза́ўтре по у́тру гле́дя и россу́дим (64). Дѣ́-йто ты, сва́хонькя, была̀? В городу̀, серде́шная, в городу̀, с молоко̀м ходи́ла. Ничовуо̀, цѣ́ну поря́дошную заломѝл, без руба́шки што-ли хош пустѝть? Да за таку́ю цѣ́ну мо́жно не один, а пять возо̀ў купѝть, да и сѣ́но-то не э́коё бу́дёт. А ты бы на́ сковороду-ту сальца̀, ле́бо ма́слеца подлила̀ мале́нькё, вот бы и не подгоріѣ́ло, и ейсьница скуснѣ̀й-бы была̀. Мотрѝ, Ма́шка, сковроду́-то не забу̀дь взеть у Жука́нихи. Ошшо̀ поме́днись взяла̀, да до сэково̀й-то поры́ всё и дёржа̀ла (65). Зи́му-то зи́мськюю всю за́ станом просиди́ш, а ліѣ́том—то карто́фей, то синоко̀с, то жни́ва, так віѣ̀к жи́учи и не побыва́ёш не дѣ̀. И то сказа̀ть, в каку̀ семью́ попадёш. В другу́ю семью̀

---

[1]) Ударяемыя *о* (не въ односложныхъ словахъ) и *ѣ* (не перешедшее въ *и*) слышатся, какъ дифтонги ўо и i̯е, и обозначены черезъ уо, iѣ, если *у* и *і* слышны ясно, или же черезъ *о*, *ѣ*, если *у* и *і* въ нихъ чуть слышны; *і* въ дифтонгѣ особенно слышно и становится долгимъ при пѣніи; *ж*, *ч*, *ш*, *щ* (*шч*) и *ц* тверды.

[2]) Въ оригиналѣ напечатано *ы* надъ *и* въ видѣ дроби.

попадёт дѣўка-то, потрафлеёт, потрафлеёт, а всё не так, да не эрак (66). В городў, чу, въ звиринцѣ ольня показывают. У ольня и рогà-то с отроскам. Некакая лошэдь сольнём не збѣжыт. В ольнѣ жыру нѣт не крошки, он сухой, оттовуò пó верьхю и бѣгаёт. На плошшэди погой малѐнькё, я до Хорёва добѣгў, мѣшышко взеть, а ты погледи човуò небудь хорошынькёва. Он-те спину-то взъерепенит так, што недилю не лёжош (68). Смотрѐй у мея в церькёви-то не балуй жо (69). Не ходи, милиньке́й, по грези-то, всiѣ башмачки измараёш. Да уж он даўнò из етех башмачкòў вырос. Ето всё внучата, Ванюхины робетишки. Толькё обо внучатах все и зоботицца, а до нас некакова дѣла нѣт. (70). Вѣтрàм Бог устàв-от уставлеёт. Домы своѣ всѣ роспродал, деньги роздилил. Што и баять, домà хорошыё. Да у насъ соломы-то и нiѣт, всiѣ домà тюбсом крыты. Не домà, а полаты! (71). Дѣўчонк! в камешки-то игрàть будитё, али нѣт?—Ворон, ворон, што ты дѣлаёшь?—Ямку рою.—Нá што ямка?—Камешки класъ.—Нá што камешки?—В твоѐх дiѣток буркàть. Кузнецў нужны двѣ вешшы: молоток да клешшы (72). В лiѣсў сучки, в судѣ крючки, куды подёш? На всякую вешш своѣ наговоры знать нáдо. Внуого разных наговороў-то[1]) есь, да всё болѣ пустяковинныё. Ето прежде вирили, а мы некаким наговорам топѐрь не вирим, вранина однà (74). Зимой дубки в казённом лiѣсў ворўём, да обручья гнём. Дѣ жо тут, наберѐсса ли обручѐй, у нас и прутьёў-ту скоро не будёт. Толькё и порубить обручьёў-то, докà лисник в городў (74—75). Ошшò не пропàл, ковдà головà на плечах (75). По травàм гледя должны и сѣнà хорошыё быть, а там што Бог дас. Даўно эраких траў не бывывало (77). С деньгям-то всякой почтеньё оддàс, а ты вот без деньгòв заслужы Видно, што парень не мот, колин деньгям вод. Не в деньгях шшасьё (78). Нонче водà долго не розливаёцца, пожалуй на Паску без еиц останёсса (79). Поди, чай, гдѣ небудь в синях ужышшо-то завалилос. Влизь на подволоку, да над синям-ту хорошэнькё пошàрь (80). Лебо дожжык, лебо снiѣг, лебо будёт, лебо нiѣт (83). Вихорь-то, значыт, бываёт, ковдà лiѣшыё сварьбу справлеют (91).

---

[1]) Наговоръ—заговоръ, наговоръ—свадебный причетъ (Виноградовъ).

Ярославская г.

Пошехонскій у.

70. Дмитревскій приходъ (преимущественно с. Дмитревское и д. Грива; по р. Телушкѣ, 10 в. отъ г. Пошехонья, по почтовому тракту изъ этого г. въ Романово-Борисоглѣбскъ).

Пѣсни.

Запис. А. Архангельскій. Ярославскія губ. вѣдомости, 1890 г., № 69, 1891 г., №№ 2, 6, 28.

1.

О чем, милая, тоскуешь,
А што сдѣлалось над вам,
А што сдѣлалось, случилось,
Не промолвишь ты со мной?
Ваши глазки розвеселыё
На меня уж не гледят,
Уста милова сахарныё
Об любви не говорят.
Близко к бережку крутому
Слѣду милова ишшу,
Не нашла тово слѣдочкю,
Знать на вѣки не судьба.

2.

Ты, любовь моя, любовь,
Ты, любовь драгая!
Почему же ты, любовь,
Прочь не отбѣгала,
Иногда миня порой
Плакать заставляла?
Говорила я ему—
Милому—не часто:
«Не влюбляйсь в веселой глаз,
Он гля вас опастен!»

Над серебряной рѣкой,
На златых песочкях
Ждал я дѣвы молодой,
Я стерег слѣдочкю.
Мнѣ слѣдов знакомых нѣт,
Нѣт уж не бывало,
Как сердечушкё во мнѣ,—
Сердце занывало!
Я услышал вдалекѣ—
Звон большой раздался,
Я увидѣл с высоты—
Рѣчкя зволновалась:
Не моя-та ли милая
С иным обвинчалась?
Сѣл я, словом, на коня,
Конь литѣл стрѣлою;
Прямо папертей святых
Конь остановился;
Я на паперти вошел,
Богу помолился,
В церковь двирь я отворял—
Там народ толпою,
А изминшицу мою
Водят круг налою!
«Ты, измѣншица моя,

Зачѣм изминила?
Потиряла свой ты нрав,
Не такая стала!»

3.

Уж ты, сад, ты, мой сад,
Сад—зеленый виноград!
Ты, роздушенькя-молодчик,
Роскрасавец дорогой,
Роскрасавец Ярославец,
Мил повысушил миня!
Лѣтъ 17-ти дѣвочка
Полюбила молодца;
Полюбивши росхорошова,
Начала в гости ходить.
Всѣ сусѣди увидали,
И подружки говорят,
Задушевная подружка
Во глаза стала стыдить:
«Как не стыдно тибѣ, дѣвочкя,
К молодцу в гости ходить!»
А дѣвочкѣ стыдно стало—
Стала плакать, горёвать,
А милóму жалко стало—
Стал дѣвочкю унимать:
«Ты не плачь, не плачь, милая,
Не плачь, душенькя моя!
Приведет судьба жениться,
Буду свататься к тибѣ:
Зашлю свата—родна брата,
Возму замуж за себя».
«—Дѣ же, дѣ же тому статься—
Тибѣ замуж миня взять!
Ты, вѣдь, бидён—я богата,
Миня тятенькя не отдаст!»
«Ты богата, да не годна—
Никто замуж не возмет!
А я биден, да красавец—
Любая дѣвушка пойдет.»

4.

Не пой, не пой соловьюшко,
Не пой, вольной, молодой!
Ты не дай тоски-досадушки,
Мил, сердечкю моему!
Как моё-то ли сердечкё
Два раз ныло по милом.
Сердце ныло, грудь болѣла
По тибѣ, хорошой мой!
Шла я лѣсом, шла я тёмным,
Не боялась ничего;
Шла лужками, шла зеленым,
Мнѣ казался алой свѣт,
Свѣтик алой, лист лавровой,
Листья без вёдру шумят.
Не шуми-ко-те, листочки,
В моём зёленом саду,
Вы не дай-ко-те тоски-кручинушки
Все сердечкю моему!
Шла я полем, шла я чистым,
Синёй камешек лёжит;
Из-под евта синя камешка
Быстра рѣченька бѣжит;
Поперек-ту быстрой рѣченьки
Тонка жердочкя лёжит.
Как по евтой тонкёй жердочкѣ,
Вон, мой миленькёй идет,
Несет въ ручкях по ведеречкю
Ключевой воды на чай.

Моложскій у.

71. **С. Захарьино.**

Свадебныя пѣсни.

М. А. Колосовъ. Архивные матеріалы по народн. языку и словесности. Р. Ф. В., т. 1, 1879 г. № 2, стр. 150—152.

1. Вы бисѣдуйте, гости прихожетыё,
Ты бисѣдуй, мой родимой сударь батюшко,
Со ивтим гостям прихожетыим.
Вы скажитесь-ко пожалуйста,
Што за гости прихожетыё,
Из которово гости городу,
С какіем товаром наихали?
Не с дúвицьим ли красотам?
Я купила бы себѣ дивицьи крáсоты.
Мошнó мнѣ знати,
Да лестнó и вúдати,
Мошнó в горѣ догадатися:
Ивти гости прихожетыё
С цужіё дальни стóроны.
2. Свит корминеч сударь-батюшко!
Вы послушайте души красной дивици,
Вы в останнее во послѣнніе!
Што исть ли у вас у ворот приворотницки,
У двирій то исть ли придвирьницьки?
Уж я на цюжей то дальней стóронѣ:
Цюжіё люди сподоблеются,
Своей бодростью поносятся:
Как съидем мы на цюжую сторону,
Ивтот дом на роззор возмем,
Ивту красну дѣвицю
Во полон возмем!
Гди у мене сокол—милой брат?
Ты послушай души красны дивици!
Возми ружья-то военныё,
Што поди, мой сокол—милой брат,
Во цистó полё,

Из циста́ поля во темны́ лиса́!
Ты сядись, мой сокол—милой брат,
Не под билую бирёзыньку,
Не под горькую осинушку,
Не под иль суковатую,
Не под ивину свилеватую;
А сядися, мой милой брат,
Под святое дириво, под верез! [1])
Ты гледи, сокол—милой брат,
Как пойдут цюжи люди незнамыё,—.
Которой конь подобряе всѣф,
Молодечь на конѣ поснареннѣе?
У которова коня доброва
Из оцей [2]) поломё пышет,
Из ноздёр ево искры сыплются,
Из ушій ево дым столбом валит?
Первова́ коня про́пусти,
Другова́ коня про́пусти,
А во третьева коня доброва выпали,
Што ивтому добру коню во би́лу грудь,
А баському молодцю в ретиво сердцё,—
Назад бы цюжи люди воротилися,
Штобы прошла про ивту путь-дороженькю
Славушка недобрая:
Нельзя не пройти, ни проихати...
Не шумите вы, люди добрыё,
Дайте поразслушать красной дивицѣ:
Как на нашей на широкой улицѣ
Не волна взволновалася,
Не сине́ морё всколышалося,
Наихали злодійски цюжи́ люди́,
Што с цюжіе-то дальней стороны.
Уж свит ты мой, родной батюшко,
Исть ли у ворот приворотницьки,
У двирій то исть ли придвирьницьки?

---

[1]) Ве́рес(к)ъ (особое растеніе или иногда можжевельникъ)? бе́рестъ (вязъ)?
[2]) Въ подлинникѣ: изъ оц(ь)ей.

Хоцю-то я—стану, хоцю—не́ стану,
Хоцю—по́клонюсь, хоцю—не по́клонюсь.
Хоця стану, душа красна дивиця,
Не ради дружка с подружьем,
Ради молитвы Іисюсёвой,
Креста животворещова.

---

72. Веретея („ситкари") [1]).

Надгробная пѣсня.

Запис. П. Цѣвницкій. Пам. и обр., VIII, стр. 111—112.

Осударь ты нашь сердзешной [2]) друг!
С кѣм ты евту думушку одумал!
Одумал ты с маць-сырой землей.
Сорядзилса ты на жицьё виковѣшноё,
И покинул нас сирот горькіев.
Уж на ково ты нас покинул горькіев,
И на ково ты крѣпко спонадзѣялса?
Обудзи-ко-са ты, мил сердзешной друг,
От жицья-то виковѣшново.
Уж воскинь-ко, восплесни рукам бѣлыем,
Возгляни-ко оцам-цѣ ясныем,
Роспецатай-ко свое уста сладкіи,
Взмолви-ко с нам слово доброё.
Вспросили б мы цея, сироты горькіи,
Вспросили б цея про твоё жицьё,
Про твоё-то жицьё виковѣшноё.
Расказали б и мы про своё жицьё,
Про своё жицьё про сиротскоё.
Што встаем мы сироты-цѣ горькіи
Без цея, надзёжинька крѣпкая,

---

[1]) Ситкари—жители Ситчины, обширной мѣстности по всему теченію р. Сити въ предѣлахъ Моложскаго у. Ярославской г., заключающей въ себѣ села: Покровское, Семеновское, Байловское, Красное, Станилово (см. № 73), Правдино, Колегаево и Новое съ принадлежащими къ ихъ приходамъ деревнями. Жители этой мѣстности всѣ вообще называются ситкарями или сицкарями (См. Этн. Сб., в. 1, стр. 123).

[2]) Собиратель вмѣсто *е* пишетъ **ѥ**; въ словахъ „сердечный" и „сердце" онъ послѣ *с* одинъ разъ написалъ **ѥ**, а два раза *е*.

Ужь по утру-то мы раны́м—рано́;
Умываемса не свѣжой водой,
Умываемса горюцыем слезам,
Уцѣраемса не тонкіем полотнам,
А своем горем великіем,
Без цея ли, нашь ты надзёжинька.
Ужь куды мы ни пойдзём, ни поѣдзём,
Ужь нам-то вездѣ горе кидаетса
На наши-цѣ ли бѣлы грудзиньки,
Къ нашим ли серцам прикидаетса
Со всѣв-то ли цотырев сторонушок.

---

73. Станиловскій приходъ.

Разговоръ свата съ отцомъ невѣсты.

А. Преображенскій. Станиловскій приходъ. Этн. Сб., в. 1, 1853, стр. 143.

Сватъ. Здоро́во-цё, мои ронны́jо! Здоро́во-цё, золотыjо мои Здоро́во, задушевный мой пріяцелишшо!

Отецъ. А зацѣм ваше прихожество к нашему убожеству? Зацѣм к нам пожаловала твоя милосць?

Св. Ишшу́, нѣт ли гдзѣ полу́цце любо яроцки, любо целу́шецки на свой двор. Нѣт ли у ця́, браця́ша, е́втакой для племени?—Я слышал онодысь, што́ у цея́ е́сци евтакая приго́жая, расхоро́шая, [1]) да и продажная ешшо́—дак я к це́ѣ по слухам-цё-и забрёл. Слухом земля полницца, братеч!.... Ну што́, голубцык мой, е́сци штоли у цея́?

От. Есць, дружоцык, есць. Да самому нужна мнѣ: кацца,[2]) не лишняя jона.

Св. О родзи́моjо[1]) моjо! Ништо, вишь, цеѣ нехо́цца с ней раступицца. Померекай-кё хорошенькё, да и по рукам скорѣjо: дзенжо́ноцки сейцас же на ру́цку! Нецово мѣшкаць, покудя не ушли годоцки у неjо; толда и рад бы продаць, да уж поздо будзёт. Спу́сця лѣто по малину в лѣс не ходят николда: слыхал ли ты, моjо родзи́моjо[2]), евту пословицу рассейскую? Мере́кай-кё!...

---

[1]) Въ подлинникѣ: приго-жая, расхоро-шая, родзи-моjо.

[2]) Кажется.

Свадебные причеты.

Тамъ же, стр. 145 и 147.

1. Голубушки милыјо, подруженьки мои!
Уж любезныјо мои, совѣтныјо!
Не повѣшшуй-ко-цё на мнѣ горюшѣ горькею,
Што я вас не повѣсцила и не встрѣцила.
Не по старому я живу, не по прежнему:
Подогнулиса у миня скоры́ ноги́,
Опусцилиса бѣлы́ руки́,
Свалиласа с плѣц головушкя,
Подорвало мое рециво́ сердцо́.
Уж голубушки, милыјо подружиньки!
Отгуляла я с вам, отпрохла́дзила,
По полями-це по цыстыем,
По лугами-це зеленыем,
По травами-це по шелко́выем;
Отпѣла я с вам пѣсни веселыјо.
Што возми́-тко-цё с миня дзѣвью красоту,
Што возми́-тко-цё ее на бѣлы руки,
Уж возми́-тко-цё ее бережнешенькё, да цеснехонькё,
Уж подзицё вы гуляць во зелены-це луга́!
Ста́ницё завиваць золоты́ вѣнки—
Вы завей-ко-цё за миня вѣнок,
Принеси́т-ко-цё к моему-то ба́цюшкю,
И к моей-то родзимой матушкѣ:
Уж не завянет ли мой зеле́ной вѣнок,
Уж не погибнет ли моя-та повинна го́лова,
Во цужіеф-це людзяф живуцы?

2. Осударь ты, мой милой брат!
Послушай ты моево глупово разуму,
Глупово моево, неразумново,
Што я цеѣ скажу сирота горькяя:
Выйдзи-ко ты во цысто́ поле́,
Оглядзи-тко ты всю сторонушку от востоку до запада,
Поглядзи-тко ты в востошную сторонушкю:
Не краси́т ли красноjо солнышкё,

Уж не йдзет[1]) ли наша родзима матушка?
Уж скажи-тко ты сироцѣ горькею!
И вышли бы мы во цысто́ поле́,
Стали бы мы при пуци при дороживькѣ,
Увидзѣли бы мы свою родзиму матушку,
Взяли бы мы ее под бѣлы́ руки,
Ввели бы мы ее в дом родзицельскёй,
Посадзили бы за столы-це за дубовыјо, за скацерци-це за браныјо,
Становили бы мы явству сахарную, пицья-то бы медзяново, пива-то бы пьяново,
Спросили бы мы сироты горькіјо
Про евто жицьјо про вѣшнојо, безконешнојо;
Росказали бы мы про свое жицьјо, про сироцкојо,
Про својо жицьјо сироцкојо, горемышнёјо:
Встаем мы с утра-то раны́м-рано́,
Не умываемса мы свѣжо́й водой,
Не уцираемса мы тонкіем полотном;
Умываемса мы горюцьми́ слезам,
Уцираемса мы горем великіем.
Вы́церць ли, матушка, твоему рециву сердцу́?
Не стоят у цея скоры́ ноги́,
Не дзержицца твоя буйная головушка!

---

74. Угличскій у.

Отрывки разговоровъ.

Н. Шляковъ. Статьи по славянск. нарѣчіямъ и русск. языку. Р. Ф. В., т. 40, 1898 г., № 3—4, стр. указаны ниже въ скобкахъ.

У нево на рукѣ фскочила такая,—в ево мѣру,[2])—болона.— Ты́ бы полѣчи́лса, а ну́ как,—оборони́ Бох,—от сло́ва не придёт,—што́ ху́же будёт. Тепе́рь поле́хче,—да́й Бох ф ча́с сказать,—

---

[1]) Йидзет?

[2]) Т. е. это я къ нему примѣряю, не о себѣ говорю (говорящій, показывая на своей рукѣ величину болоны, боится, чтобъ у него самого отъ этого слова не случилось болѣзни).

ста́ло. То́жо,—ф ча́с сказа́ть, ф худо́й помолча́ть,—фсёво́ натерпѣ́лас (132).—Нѣ́т, ду́маю, су́дарь мой, шали́шь, я э́това не позво́лю.—Я было и на́чал ёво́ угова́ривать: та́к-дѣ и так, а он: што́ ты мнѣ́-ста пѣсни-тѣ поёш: што́ он говори́т, я́-ста и ду́мать-то забы́л! Я-ста ево́ ф Сиби́рь упеку́!—Како́ва боɣача́ розыгра́л: я́-ста везь го́рот вы́куплю! Како́й боɣа́ч прояви́лса: я́-ста всѣ́х вас куплю́ и продам! (138).—Эко-ста́ дѣ́ло какоё! Эка-ста бѣда́ кака́: онна̀ с ма́лым-тѣ ро́бятами оста́лас, а фсё ма́л-мала ме́ньше.—Ишь, брат, како́й ма́стёр (ловкой). Двугри́вённой! Изво́ль-ка-ста пройти́сь за таки́-тѣ де́ньги!—Читвёрта́к! ма́стёр! Изво́ль-ста гля нёво́ да́ром робо́тать!—Здѣ́лай-се, бра́тец, спаси́бо скажу́.—Ишь ты, робо́тай-ста за нёво́, а о́н бу́дёт вве́рьхь брю́хом лёжа́ть (150).— Положи́ на ша́йку-ту па́лочки кресь на́ кресь, а пото́м и покро́й хо́лстиком-тъ[1]), во́т у тебя́ и хоро́шо бу́дёт: хо́лст-от и не оммо́чица (153—154).

Ярославскій у.

75. С. Иваньково (въ 8 верст. отъ Ярославля вверхъ по Волгѣ, на правомъ берегу).

Пѣсни[2]).

А. Тихвинскій. Особенности говора Яросл. у. Р. Ф. В., т. 24, 1890 г., № 3—4, стр. 66—69 (№№ 8 и 10).

1. Кругóм я так осиротѣ́ла,
Тебя́, мой ми́лой, зьди́ся нѣ́т,
С тобо́й всё щa̋сьё улетѣ́ло
И не воро́титса наза́ть.
Приди́, мой ми́лой, поскоря́е
Ко бѣ́дной дѣ́вицѣ ко мнѣ́;
Нейдёт, нейдёт он ненагля́дной
Нейдёт, не лю́бит он меня́.
Во сьнѣ́, как а́ньдел, он я(е)ви́лса
И в се́рцо и́скру зарони́л,
Блесну́л, как мо́лнія и скры́лса,—
Навѣ́к споко́йствія лиши́л.
Сказа́л: гуля́й, моя́ мила́я,
И не влюбля́йса не в ково́;
В твои́ года́ люби́ть опа́сно,
И ты завянеш, как трава́.
Как во по́лѣ тра́вонька, завя́неш,
Росцвѣ́сь не мо́жэш[2]) никовда́.

---

[1]) *тъ* въ оригиналѣ.
[2]) Буква *е* обозн. э послѣ мягк. согл. (въ оргиналѣ ё̆) или jэ не послѣ согл.

А вы, подружки, не сердитес
Што с вам не весело сижу
Нейдёт, нейдёт на ум весельё,
С любезным навѣк ростаюс.
И туча с громом прошумѣла,
И милой с вихрём улетѣл.
И я сидѣла под оконцом,
Сказала: милинькой, прошшай.
2. На чужой, дальной сторонкѣ
Ретивоё будёт ныть
По тебѣ, моя красотка,
Вѣчно слезы буду лить.
Пушшай ноёт и томитса,—
Не жалѣю я ёво.
Не с кѣм будёт розгуляпца,
Нѣту друга моёво.
Как ударил час розлуки,
И коляска у крыльца,
Колясочка голубая
Дожидаётца дружка.
Милой сядёт и поѣдёт,
Ямшшик[1]) письни запоёт,
А моё-то ретивоё
Сердцо кровью обольёт.
Ты не јизьди, мой любезной,
Нимо дому моёво,
Не заглядовай в окошко,
Не маши бѣлым платком.
3. Чернобровая красотка,
Што ты лакомсво не вьёш[2]),
Часто в зерькало гледисса,
Занапрасно слёзы льёш
И украткой вытираёш
Подарёныем платком?
Приходи ко мнѣ от скуки
В рощу милую гулять
Блис бульвару ручиёчку,
Гдѣ я зрѣл красу твою.

Тверская г.

Кашинскій у.

76. Д. Тарбаево[3]), Ванчуговской в.

Образцы связной рѣчи пожилыхъ крестьянъ.

П. Т. Смирновъ. Кашинскій говоръ. Сб. Ак. Н., т. 77, 1904 г., стр. 177—180.

1. Бывало, всповниш, братец ты мой, какъ прёже-то мы жыли. Избы по чёрному были. Ф которой избѣ и полу не было. В ызбѣ-то чорно, окошъки[4])—маненькіе, слоўно у мельницы. Печьку-тў баба

---

[1]) Вѣроятно=ямшшык.

[2]) ?

[3]) На картѣ ж. д. ст. Ванчуговская.

[4]) Буквою ъ въ подобныхъ случаяхъ въ этомъ № обозначается твердость согласнаго (предшествующаго) передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ.

по-у́тру зато́пит — дьверь отво́рит, сама́ шу́бу надѣ́неʹт, потому́ хо̄лонно бу́дет в ызбѣ́-то, значи́тельно. Пе́чьки не как тепе́рь были, бес труп,—дым пот потоло́ком гуля́ет. Быва́ло, ба́ба то́пит, а ты забере́сса на́ печь пот шу́бу и лёжы̄ш себѣ́, хо́ть бы што̄, глаза́-то од ды́му ѣст—ничёво́: не такіе нѣ́жные, как тепе́ричя, бы́ли. Вот как она́ вы́топит да закро́ёт печ-ёт, да две́р-ёт затво́рит—и ста́нет как в ба́нѣ. И и́збы-то бы́ли прочьнѣ́е. Она́ стои́т сто лѣт—ничёво́ ей не здѣ́лāтца. Дым вреды́ не здѣ́лāт, бы́ло бы тёпло́; а ны́ниче, как ни топи́—фъсё[1]) хо́лонно. Изба́-то пъръ́ет, потому́ сы́ро; два́тцать годо́ф,—а она уш в дрова́ годи́тца.

Фъсѣ́ носи́ли, бра́тец ты мой, пони́тъки да пестряди́нные руба́хи и поръки́, а шу́бы бы́ли бѣ́лые, некрашо̄ные. Руба́ху-тоʸ вѣ́к не изно́сиш. А тепе́ричя руба́ху-тоʸ купи́л или сщил—и гъляди́ на нее́: ить в ней то́лько в пра́зъник вы́тьти, а робо́тать нельзя́: на́ три ньни не хва́тит! Сопоги́ надѣва́ли то́лько по пра́зъникам, а по буньня́м носи́ли лапотъки́. Надѣ́л лапотъки́ и пошо́л себѣ́—лёхко̄, бра́тец ты мой! Я и тепе́ричя ла́пъти-то умѣ́ю плесьти́,—от пре́жъних време́н научи́лса. Пре́же наро́т де́ньги копи́л да в зе́мълю зака́пывал. Да товда́ и де́ньги-то не ну́жны бы́ли, потому́ фъсё своё́ бы́ло. А тепе́ричя на чаю́ да на винѣ́ ско́лько де́нек пропива́ем—и не сочьтё́ш. Пре́же ба́рски бы́ли, вина́ не́гдѣ бы́ло възять, да и пить нельзя́ бы́ло—вы́порют. Как царь объяви́л во́лю, наро́т перепилса́ и передралса́, софъсѣ́м от рук одъби́лса. Вот, бра́тец ты мой, под Дьяковым, гдѣ́ теперь Дамажы́риха,—недалёко от нее́,—была сѣку́чяя. (Что это такое? слушатели спросили разсказчика). А то̄—тако́е, што положы́ли здѣ́сь фъсѣ́х ф пова́лку и поро́ли чють не до полусме́рьти. Да спаси́бо, дьякофской свяще́ньник, оте́ц Ива́н,—товда́ ёщо́ молодо́й бы́ў,—и заступи́лса, а то незна́мо, што бы и вы́шло. Это мѣ́сто и посёйчя́с зове́тца сѣку́чей, потому́ кро́ви вы́пусьтили—мо̄оре! Во̄-как пре́же поро́ли, бра́тец ты мой! Но́нѣ бра́тец ты мой, наро́ду пу́тнова нѣ́ту.

2. Но́нѣ не тѣ́ въремена́ пошъли́—ддэ[a]! Кэпэ́йку—во̄о̄—как тру́нно ста́ло доста́ть! Пре́же и жы́ть-то вольго́тьнѣ бы́ўо, называ́тца[2]), а но́нѣ поди́-ка, брат, называ́тца,—но̄о́нѣ, брат, нашо́ў—моў-

---

[1]) Надъ ё въ оригиналѣ знакъ облеченнаго ударенія, при чемъ значеніе этого написанія не объяснено.

[2]) Въ рѣчи этого крестьянина, по словамъ собирателя, постоянно встрѣчаются „вводныя слова": называ́тца, примѣ́рно сказать и др.

чи́, потеря́ў—моўчи́ и укра́ў—моўчи́: пре́же-то́ бы́ли про́сьтси, а но́нѣ наро́д-от хитъре́ дурно́ва[1]) стал!

3. Был молодо́-ёт я, снача́ла х Катю́хѣ ходи́ў, пото́м Өеню́ху полюби́ў. По́вънищ, Өеню́ха! как по́д мостом-то[2]) сиде́ў: от Епима́хи-то миеня́ убрала́? — Жуёш-жуёш хлѣ́б-от, захо́ш и пирошка́. Фъсѣ мо́лоди бы́ли, дѣ́ло было́е!

Владимирская г.

Александровскій у.

77. С. Іудино (на большой углицкой дорогѣ, въ 15 в. отъ Троице-Сергіевой лавры, въ 10 верст. отъ р. Дубны).

Разсказъ старика.

Запис. А. П. Смирновъ. Р. Ф. В., т. 1, 1879 г., № 2, стр. 189—190. Онъ указываетъ (стр. 188) нѣкоторыя измѣненія въ іудинскомъ говорѣ съ 1860-хъ годовъ, происшедшія подъ вліяніемъ Москвы и хороводныхъ запѣвалъ, которые всегда бывали и церковными пѣвцами; напр., цоканье замѣнилось чоканьемъ, а послѣднее уступило мѣсто литературному употребленію *ц* и *ч* и др.

«Още до панщи́ны[3]) жили на Мо́лоховѣ розбойники; туды был подземной ход, там рыли клады и не нашли ничово. Пришли один раз утром, а в ямѣ-та лягушки, змѣи, мыши и всякіе гады. Придут другой раз, сам выдет и всѣ розбѣ́гутца; а то вышел бык бѣ́лой, рожишшы по саженѣ; перекрестились—бык россыпалса. Клад тут положо́н с проклятьем. Рыл и мой отец, рыл весь причт, и из монастыря с молебнами приходили: узнали о кладѣ по книгам. Один раз в ямѣ было явленье Божіей Матери с лампадой. Яма была большая, сажен 15. Мужиков оттуда судом выгоняли. Около этова мѣ́ста рыл Мамай ис Шубина. Мамай-ат говорил, ёво Пётром звали, открыл плиту со стол; стукнули—как зазвенят!... Послѣ он в Григоровѣ нашол под камнем серебро; нашемши, умер, потому—на смерть кладетца. Когда строили колокольну, привезли камень из Вокси, а на нём подпись: под камнем денег на весь Переславской

---

[1]) Чорта.
[2]) См. въ словарѣ.
[3]) Война 1612 г.

уѣзд; но не нашли, како мѣсто. На Кузнецах (пустышь) нашли погреб с рожью,—это от панщи́ны. У Ёгора Иваныча Протихина была книга, по книгам и отгадывали клады....

Один раз шли в Мишутино—на дорогѣ заец бѣлай; сказали: Господи, благослови! он и пропал; взяли сучек, ткнули на том мѣстѣ, ан котелок с крышкой, а в нем золото и серебро... Эти клады все от Литвы. Семь годиков она у нас стояла. Населеніе было густое: што вёрста, то жи́ло.... Топерича на мѣстѣ жил кули́ги. Одни осе́лочки остались послѣ Литвы, все погубила: лѣс жгла, народ в нем губила, што бѣжал от неё. Паны́ выстроили и церкву Деулинскую (въ 10 верстахъ), но Бог все их наказал, что погубили всю Росею: онѣ ослѣпли. Француз тоже был у нас, но жи́л не жог и народа не губил, народ не боялса бѣжать в лѣс; при Литвѣ жа—уйдет туды, а она и лѣс зажжот.

Пѣсня.

Тамъ же, стр. 181—182.

Рѣка ли моя, рѣченька,
Рѣка ли моя быстрая!
Что ты течешь—не колыхнешся,
Со желтым песком не взмутишся?
С чего же мнѣ взмутитца:
Нѣт ни вѣтру, нѣт ни вихерю,
Ни часта дожжа осеннява.
Ты, голубушка-подруженька,
Степанидушка Яфимовна,
Что ты сидишь, не улыбнешься?
На что же мнѣ смѣятиса,
На что глядя радоватиса:
У мово-то ли у батюшка
Полон двор вороных коней,
У моей-то ли у матушки
Полна горница чужих людей,
Уж и все люди незнакомые,
Не неданные (?) и незванные;
Дорогой-то гостьи нѣтутка,
Что моей-то хрестной матушки.

Муромскій у.

78. Сказка о злущей волшебницѣ.

Колосовъ. Замѣтки... 4, стр. 311—314.—Колосовъ замѣчаетъ (стр. 311), что лицо, записавшее для него эту сказку, въ окончаніяхъ прилагательныхъ писало *аго, ого*, а онъ, „согласно муромскому говору“, исправилъ на *аво, ово*.

Жил был барен; служил в полку, и ѣхал домой к матерѣ в побывку. Ѣхал-ѣхал, и пристигла ево тёмна ноць. Доѣхал до села

и просится к кому не то ноцовать. Выходит поп и говорит: барен, ноцуй у меня. Барен согласился. Лакей взвёл ево в горницу. И пробаял барен лакею: поставь сумоварцик. Лакей поставел. И говорит барен: пошлю за попом.

Ну, свѣты вы мои, пришел поп. Сѣли за кампанью цай пить. Говорит ему барен: цай, дѣти есть?—Есть три доцки,—хушь сейцас за стол сажай.—Не можно ли, говорит барен, мнѣ на них поглядѣть?—По́звал поп доцерей. Пришли, сѣли,—одна другой краше. Барен на них таково умильно поглядыват. Ну, розошлись это они, приконцилась канпанья; стали ложиться спать; лакей и говорит барену: барен! ´сем-ка я послушаю, не бают ли что про тея доцеритѣ?—Подь, послушай.

Пошол лакей; не будь дурак, стал у двери и ну слушать. Больша́ сестра и говорит: ох, какой барен-от! Кабы он меня взял за сея, я бы ему изъ одново зерна испекла 33 пирога. И говорит друга́ сестра: ах, сестрица! цому вы выхвалятитись, я бы ему из одной руценецки соткала 33 холста. И говорит мала: ах, сестрицы! цому вы выхвалятитись: я бы ему родила сына, шта бѣлово сыра, во лбу—мѣсяц, по тыла́—звѣзды, по колѣна ноги в золотѣ, по запястьи руки в серебрѣ. Выслушал слуга, сказал барену. Барен встает на утро, посылает за попом и сватат малу доц.

Пошло дѣло. Долго ль, коротко ль, сыграли свадьбу, и поѣхал он с ней к матерѣ. И настояло ему время опять ѣхать в полк... Уѣхал барен, а безъ нево жона и родила сына, как сказывала. Съѣхались всѣ князья и бояре; дивуются; и послали барину письмо с лакеем. Лакей шол-шол и дошел до села, гдѣ были ея сестры. А больша сестра была волшевница. Лакей лег на лавку, письмо положел[1]) к образу и уснул. А сестра проглядѣла письмо, видит—написано: родила я теѣ, милый друг, сына, что бѣлово сыра (и т. д.)... Она взяла изорвала письмо и написала: родила я теѣ, милый друг, кутю́ да щеню́. Понес лакей барену письмо. Барен приглядѣл и написал: «не замать бы до меня». Лакей опять пошол тѣм селом. Опять сестра проглядѣла, изорвала письмо и написала: «извести бы до меня». А сама взяла эта волшевница одѣлась в сестрины платья, сдѣлалась под ея волос, под ея голос и пэхала к барену. А

---

[1]) Колосовъ указываетъ (стр. 302) для Муромскаго у. ударенія: по́ложил и предполо́жил.

жона полуцила письмо и стала во́пить: батюшки свѣты! куды дѣтца? Взяли и засмолили ее с сыном в боцку, глаза ей залили оловомъ и пустили на по́лу воду. Поплыли они. Вот сын растет не по дням, а по цасам, и говорит он ей: мамынька, я потянусь: мнѣ тѣсно.— И говорит ему мать: дитятко! ты потянешся,—обруцики лопнут, боцецка розсыпется, мы потонем.—Он ей опять. Она и говорит: ну, потянись! Он потянулся: боцка розсыпалась, и оцутились они на бережку.

Вот он посадил мать тут, а сам пошел в тальни́к. Наломал тальнику́ и сдѣлал салажень; кругом поставил 12 тыцинок, на каждой по колокольцику, и всѣ они звонят.—И и́дут нищи, глядят и дивуются: гли-ка ты, што это за чудо? И говорит сын матерѣ: матушка! я оборолусь мушкой, и сяду к нищим: послушаю, куда они пойдут, што баять будут.—Оборотись, дитятко!

Сѣл мушкой к нищим на сумки. И приходют они в горот, к этому барену. Он высунулся в окно и говорит: гдѣ вы, нищи, бывали? што вы, нищи, слыхали? И говорят ему: видѣли мы доброво молодца в золотѣ да с ним мать в салажикѣ слѣпая. И говорит им барен: вот што, нищи: скажите вы доброму молодцу, чтоб он вышел в чисто́ поле и сказал бы: гуси-лебеди! уроните из под права крылышка по камушку. Они и уронют. Этим бы камушком он тер бы глаза матерѣ 3 дни по трожды. Выслушал у нищих это все сын, полетѣл к матерѣ, сдѣлал все, как велѣл барен, и стал камышком матерѣ глаза пользовать.... Она и открыла глаза-тѣ. А барен взял ружье и пэхал быдто за охотой, а сам взял да и пэхал к этому салажики. Увидѣл их,—обрадовался; взял жону и сына к сеѣ домой, а злую волшевницу вывел в цисто поле и рострѣлял из ружья на воротах.

Б.

Московская г.

Дмитровскій у.

79. Д. Бабкина, Ильинской в.

Пѣсни [1]).

Запис. И. В. Орловъ въ 1900-хъ гг. Мат. великор., № 265, пѣсни №№ VI и XIII. Съ рукописи.

1. Выйду ль я на ре́чьньку,
Пъсматрю на бы́стръю,
Не увижу ль я сваво ми-
ло́ва,
Серьде́шнъвъ прежньва,
Друже́чка любе́знъва.
Ты скажы́, скажы́, мая ми-
ла́я,
Ты са ко́их пор любить
ста́ла.
Я са той пары те́бя́ люблю́,
Где гуля́ли мы с табо́ю.
Мы гуля́ли с табо́й вьсилили́сь
В розумо́фскьим саду́,
Мя́ли шо́лкъву траву́.
Под я́блъньккъй сиде́ли,
На я́блъчки гляде́ли.
Два я́блъчка сървала́,
Тибя́, друк мой, спъзнала́;
Два саха́рничка ръскуси́ла,
Тибя, друк мой, пълюби́ла,
Пълюблёмшы спъзнала́,
Дрошко́м ми́лым нъзвала́.
Как сказа́ли пръ маво́ ми-
ло́ва,
Бу́ттъ не́ жыф, нъ здаро́ф,
Са фсе́м, во́фси зънемо́к.
Как вечо́ръсь мой мило́й
Вдоль по у́лицы прашо́л,
Шыпкъ, гро́мка пръсви-
ста́л,
Сам нъ ако́шъчкаъ взира́л.
Нъ маём ако́шъчки
Лежа́ла приме́тъчка—
Виногра́ду ве́тъчка.
Виногра́т мой спе́лъй, зре́-
лъй,
Бъз ума́ ты де́фку зде́лъл.

2. Вечо́р по́здна из лесо́чку

---

[1]) Отъ обозначеній автора сдѣланы отступленія: *тш*, *тс* съ различными значками замѣнены буквами *ч*, *ц*; введены буквы *я*, *ю*, *ё* для обозначенія мягкости предшеств. согласнаго, а также въ значеніи ja, jy, jo; введена буква ъ въ качествѣ „мягкаго знака“ и ъ, вмѣсто ъ, въ значеніи слогового звука (См. Объясненіе, стр. 5); опущено обозначеніе мягкости согласныхъ передъ *е*, *и*, *ѣ*.

Я каро́ф да̊мо́й г(γ)нала́ [1])
И спусти́лась млада́ к(х) [1]) ручеёчку
Близь зелёнъва лушка́;
Слышу, вижу: едь̊т барь̊н с по́ля,
Дьве саба́чки фпе'реди́,
Два лаке́я пъзади́.
Лиш са мно́й ба́рин пъра-внялсь̊
Бро́сил взор свой нъ ме'ня́ *(дважды)*,
Стал выспра́шъвъть меня́:
Ты скажы, мая красо́тка,
Ис като́ръва села́.
—Вашъй ми́лъсти крестья́нка,
Утвеча́ла ему́ я,—
Утвеча́ла я ему́,
γъспади́ну свъему́.
Нп тебя́ ль, мая красо́ткъ,
Е^а^го́р за́ сына прася́л?
Сын Егоръф тебя́ не сто́ит,
Не к яму́ ты ръждена́;
Ты ради́лъся крестья́нкъй,
За́фтра бу́дь̊ш γа̊спажа́;
Ны́ньчи хо́диш ты в лапти́шкъх,
А зафтри бу́дь̊ш в бъшмачка́х.
γъспажо́й мне быть уш о́чь̊нь ле́стна,
Но Ваню́шу толька^ъ^ жаль.

Московскій у.

80. Д. Ра́домля (Подду́бная), Дуры́кинской в.

Разсказъ старухи.

В. И. Чернышевъ. Свѣдѣнія о говорахъ нѣкотор. селеній Московск. у. Сб. Ак. Н., т. 68, 1900 г., стр. 100—101.

Пад Новай гот так анѣ (дѣвушки) чудили-чудили, гаварят: «Дѣфъти [2]), падёмти, гаварит, на авец хресты надѣвать в авша́ник» [3]). Ну там пашли, надѣли на овец хре'сты. Надѣмши пришли в избу, ну заве'ли разгавор, на какую хто надѣл. Та гаварит: «я, гаварит, на камо́лаю надѣла». Там, можит, дѣфъти три, че'тыри всё гаварят: «на камо́лаю я надѣла». Ну а дѣфка адна.... и гаварит: «а ты што жа малчишь? на какую ты надѣла?»— «А я, гат, на таку́ на рага́стую». А хазяйка гаварит: «да што ты,

---

[1]) Въ скобки поставлены нами маленькія буквы, помѣщенныя въ оригиналѣ надъ г и к обозначающія, повидимому, варьянты произношеній, при чемъ буквою γ мы замѣнили *h* оригинала.

[2]) ъ означаетъ твердость *ф*.

[3]) См. въ словарѣ омшаникъ.

гат, глупая, у меня и авец-та рагастых нѣту». Ну дѣла прадалжали да у́трива,—хресты сымать. Ну стали па утру́, пашли сымать хреⁱсты, а эта дѣфка нийде́т, баитца. Ну всѣ сняли хреⁱсты, а рага́стая авца стаит, гаварит: «што ш, гаварит, нейдѐт с миня-та сымать?» Да, мо́жить, и дня два ни хадила она сымать. Стала хазя́йти спакою эта афца ни давать. *С*биралса (*с* или *з*, неясно) нарот, хатѣли о́фцу эту убить. Ана народу гаварит: «ни бе́йти вы миня; вы миня ничѣм ни убьёти: ни ножиком ни зарѣжити, ни тапаром ни зарубити, ни ружьем ни убье́ти, а веⁱлити дѣфъти с миня хрест (*т* неясно).... я и сама уйду́». Два дня малѣ́тствали (такъ!), и се афца ни прападаит и се сваё гаварит: «атда́йти мнѣ дѣфку». Духо́мнай атец разрѣⁱшил, дѣфку эту испавѣдывал, причяⁱстил, дѣфку эту баславил. Афца и гаварит: «Народ вы правасламнай, я и биз битья уйду таперя». Дѣвка пашла—той жа минутай ни афцы ни дѣфъки нѣт.

Ну вот, я гаварю: и с чиво ради анѣ пашли христы-та надивать? Грѣⁱхи их самусти́ли! [1])

Бронницкій у.

81. **Д. Ванилово.**

Разговоры.

Н. М. Карипскій. О говорахъ восточной половины Бронницк. у. Изв. 2 отд., 1903, кн. 1, стр. 379—380.

1. Ка̄пка́н как ставил на лиси́цᶣю! Утръм па̄ѣ́хал глидѣ́ть, щчо́ тут за лиси́ᶣя ф ка̄пка́н па̄па́ла. Гляжу—барсук толыстъй. В но́ру-тъ влѣ́с, уцыпилсы. Щчо дѣлать? Кнут у меⁱня до́лга̄й, сви́та̄й. Найдѣну на нагу́ барсуку кну́г-а̄т. Палѣ́с. Слиска нага, каротинька; запрѣл, магуты́ нѣт. Влѣс ищѐ. Прасунул руку. Как он йие́ хватит! Ани куса́цьки.

2. Мы гуля́ле с рабя́тами ф сарафана́х си́них. Ба́ушки Ма́ври кума́шницю паддѣва́ли, ка́к бы пушнѣ́й была, ка́к бы рабя́та люби́ли. Спра́шывут: Атцяво́ вы, дѣ́фки, гла́тки?—А мы аттаво́ гла́тки—но́сим юпки на ва́тки. Ишо́ раскажу́. У свишшэ́нника жа́ла я рош. Прі(й)ижжа́ит к нам бари́н адин, а мы в лисо́цьки сиди́м. Мая дѣ(в)ушка па̄шла́ ф кане́ць на ни́вѣ. К ней барин патходит, спра-

---

[1]) Смутили.

шыват ей: Ты цью рош жнёш? Ана йиму́ атвиця́ит. А он, как лъшäде́й браня́т, (й)ие изруга́л. Я пъдбига́ю в адно́й руба́шки: Щчо ты ругаисся?—Как я ругаюсь?—На ті(й)э, баю, крест висит. А он на миня кну́тъм замахну́лсы. Ну, я иму с^шьпину па̄тста́вила: На́ вот, бе́й сицяс! Не убѣгла́ я, сё буду стая́ть—больно ѣ̄ценай во́лк-ат, неаброблю. Дай Бох тіэ̄ многа лѣт жыть.

82. Д. Знаменка.

Разговоръ.

Тамъ же, стр. 380.

У ба́рина была рыжа ка̄ро́ва. Ве́церъм-ти па̄ѣла, а пау́тру акалѣ́ла. Барин за дьверью стаи́т, а я над ней ваплю́, плацю. Барин вашол.—Што ты, Матре́на, во́пиш, барин-ат бат: може^іт, мы с табо́й до́ ве^іцера не дъжывём—умрём?—Во́сим каро́ф даила, как за̄мужем была́. Жыла там пять га̄доф. Халера пришла—у́мер муж-ат. Ат дитей миня наси́лкуй замуш оддали, ат дитей; к цюжым дѣтям; цюжа́я-та дитя́, ана́ гримуця́ (?). Таперь у миня нѣт дите́йти: йие мать-та мнѣ внука, да̄церня доць. Маим-ти горюшка̄м сё по́ле па̄сѣянъ, гарюцьми слезми́ пали́ванъ. Па било́му с^швѣту па̄ха̄ди́ла да̄лико́, каса́тка, да̄лико́. Ф Кеиви-те мы восим дней жы́ли. Туды́ пиддися́т-шы́з^ждися́т в день шли. В Усьпленьським саборѣ была, у Варва́ри Христовай муциницы-те была.—А ты пишы ды питухов.

83. Д. Цибина.

Сказки.

Тамъ же, стр. 381—382.

1. Систри́цюшка, Алёнушка, напить мнѣ хоцци.—Ни пей, Ва́нюшка, а то барашык будиш.—Бѣгёт, бѣгёт.. Он по́пил в лу́жыци, он бара́шык зьдѣлалсы. Йѣд^зит барин: Пра́дай бара́шка. — Нѣт, ни прадам: он брат^сиць [1]) мой. Йѣд^зит ба́рин: Выд^зи за миня замуш. Вышла̄ на за нево́ за̄муш.... Куха́рка оцень зла̄до́бна на йе^іе̄ нинавист(в)ова̄ла̄.... Алёнушкӯ зарѣзали, пустили в рѣкӯ. На это кухарка гъворит: Давайти, зарѣжым иво, барашка. А он

[1]) Въ оригиналѣ вмѣсто маленькаго *с* маленькое *ц*.

дагадалсы, пашол к рикѣ и стал крицять: Алёнушка систрицюшка хатят миня, барашка, рѣзать! Ана (й)иму атвиц^ч^яе^і^т: ц^ч^ижол камин на дно тянит. Ну, патом барашык пайдёт этă ăт рикѣ, уны́вно заплаці́т; апять атайдёт ат рики, там апять к ней этак жă: Хатят миня, барашка, рѣзать! Патом нанял барин рыбаловаф. Йие паймали (А)лёнушку. Какой-та жывой вадой йие нăпаили и ăна ăтжывѣла. Стал выспрашывать йие, эту сваю барыню-ту. Ана йиму атвѣтила: Хатѣлăсь этъй кухарки-тā за йиво замуш вытить. Нă тут барин распрагнѣвалсы на кухарку: йие саслал. Стал с этой Алёнушкуй жыть.

2. Пашли ди^е^фцёнац^ч^ки в лѣс за я́гадăми. А тут паймала (й)их Буерыга, взила (й)их, ф сваю избушку приве^і^ла. (Ма́хōньки расказывут). Наварила (й)им кашы́. Адна сё кидала пат сто́л кашу. Енти убѣ́гли, адну (й)ие аста́вили. Зăставилъ Буёрыга кац^ч^ять (й)эту дѣвоц^ч^ку-ту. Ана сё плакала: Баю, баю, Буерыга! Выйдит пад уголыше^і^к и плаці́т. Идёт иш питушок: Што ты, дѣвōцька, плаці́ш?—Миня аставила Буерыга кацять.—А тут прасьнё́тць Буерыга, апять йие завёт кацять: Куды ты убѣ́гла?....

---

84. Д. Григорово.

Пѣсни.

Тамъ же, стр. 377.

1. Прощай, жысть-радость моя:
Слышу, ѣдиш ут ми^е^ня!
Намъ должно съ тобой ро́стац^ч^ъ (очень краткій звукъ),
Тія (j—слабое) боле не ви́дать,
Тёмну ноценька не спитци́,
Сама знаю почему.
Сама дѣ^і^вич^ч^я сказала:
За мной, мальц^ч^ик, ни^е^гонись,
Зъ мной ни гонись, мальц^ч^ишка,
За моё^і^ю красото́й.
— Ты давно бы мнѣ сказала,
Нē стал гнаці́ за тōбой...
Буду помни́ть твои зоры,
Твой висёлой разговор.

2. Брала Маша грыбы, ягды.
Набрамшы ягъд, заблудилась.
Заблужомшы, Маша пріяукнула (j слабое):
Ты, ау, ау, душа мил сердецьный друк!
— Тут рат бы, Маше'нька, тіе аукнутце,
За мной ходют трóе сторожоф:
Первый сторош—родный батюшка,
А другой сторош—родна матушка,
А третейі сторош—молода жона.

Верейскій у.

85. С. Устье («У́сья»; на р. Исьмѣ), Вышегородской в.

Пѣсни.

В. П. Чернышевъ. Нѣсколько словъ о бытѣ и говорѣ „шувалиповъ" Верейск. у Изв. 2 отд., 1905, кн. 2, стр. 374—377.

1. Ва лушка́х бы́ла,
Ва зелёнаих лушка́х.
Разлива́лася вада́
На са́мы па круты́е (*е* неясно)
[-ыи] [1]) биряга́.
Тут шли два уда́лых малатца́;
Зва́ли дѣушку с сабо́й,
Ва зелёнай сат гулять.
Ва зелёнаим садо́цки [-ч[ч]ки]
Расцвяли́ а́лаи цвято́цки.
Кабы э́ти цвѣтики сарва́ть
И друшку́ их атасла́ть,
Написа́ть яму́ письмицо́[-ч[ч]о]
И уѣхать в Ни́жняй гарадо́к.

2. Сѣю-вѣю бѣл ляно́к.
Уради́ся, мой ляно́ч[ч]ик,
То́нак, до́лак, валакни́стай,
Лён пре'ди́стай.
Стал мой ляно́к паспе[я]ва́ть,
А я млада́ ста́ла гарева́ть:
С кѣм мнѣ бу́дя
Этат ляно́к брать.
Свёкар ба́я: я с табо́ю,
Я с табо́ю, са снахо́ю.
А све[я]кры́ ба́я: шут с табо́ю.
— «Байтца пацалу́я!» (пояснила пѣвица).

3. Я уѣду ва Китай-го́рат гуля́ти,
Я кита́йскава тава́ру закупа́ти.
Привязу́ я маладо́й жэнѣ́ паку́пку,

1 Въ [ ] указано произношеніе словъ при повтореніи пѣсенъ.

Са́му-са́му придико́винную шу́пку.
Я пріѣ́ду к жэ^ы^нѣ́[жэ-], пакарюся,
Свое́й я́гатки харо́шай пакланюся:
Ни здаро́ва, жана́ малада́я?
Принима́йтеся пада́рак, ни лама́йся,
Душа́-се́рдца маё, ни списи́фся[-фься].
Паглиди́тикася, до́браи[-ыи] люди,
Как жана́-та мине́ мо́латца не[і] любя,
Душа́-се́рца маё ниважи́дя.
Я уѣ́ду ва Ки́тай-го́рат гуля́ти,
Я дарагіи тава́ры закупа́ти.
Я пріѣ́ду, привязу́ свое́й жэнѣ́ пада́рак,
Ша́левай плато́ч^ч^ик.
Я пріѣ́ду к жынѣ́, пакарюся,
Сва́ей ба́рыни харо́шай пакланюся:
Ты здаро́ва ли, жана́ малада́я?
Принима́й пада́рак, ни лама́йси[-са],
Душа́ се́рца маё, ни списи́фься[-фся].
Пагляди́ти-ка [1]), до́браи[-ыи] люди,
Как жана́-та миня́ мо́лотца любя [2]),
Душа́-се́рца маё нинави́дя.
«Апя́ть ѣ́дя ва Кита́й-го́рат гуля́ти» (сказала пѣвица прозой)
Я кита́йскава тава́ру закупа́ти.
Я куплю́ ли маладо́й жэнѣ́ паку́пку,
Са́му-са́му придико́винную плётку.
Я пріѣ́ду к сва́ей жэ^ы^нѣ́ и ни карюся,
Сва́ей ба́рыни харо́шай ни кланюся.
Ни здаро́ва ли ты, жэ^ы^на́ малада́я?
Принима́йкась ты пада́рак, палама́йси.

---

[1]) Чернышевъ замѣчаетъ: *я* здѣсь, вѣроятно, по ошибкѣ.
[2]) Слѣдовало бы: не любя.

Рузскій у.

86. Д. Парфёнки, Васильевской в.

Сказка.

Запис. Н. Н. Дурново въ 1901 г. Съ рукописи.

Бы́ли-жы́ли два бра́тъ радны́и, у днаwó дитѐй мно́га, а у другóу никаво нéт. У какóуъ дитéй былъ мнóгъ, тод был нимѝлъсьливъй брат, а у ȷéтуwă óчин мѝлъсьливъ жана́ была́; wóчин он ъбидня́л, э́тът брат, като́ръй зь дитьми́, а өтът хърашó жыл; очинн сужале́лъ жана́ яwо дите́й этиγ бра́тнинъх. Как уйдёт куды муш у не́й, ана нъпичёт, нъвари́т, фсё туды дитя́м сьнисёт. Wот пришо́л пра́зьник, ана пашла́ к абе́дни, этъ у като́ръй баγа́тъй бра́т. Прихо́дит ăт абе́дни, хоцьц ȷей сьнезь дитя́м чяwо-нибуть пръпита́нья бра́тнинъм. Wот ана̀ то́лькъ ду́мълъ, куды́ итъ пънужда́лъс яму́ птить этъму—иё мужу. От ана нисёт, фстре́чю идуд два стъричька́; wóт ана сьнясла́ им и хле́бъ и гавя́диньǐ и фсяwó там для пра́зьника. Ети стъричькѝ, wот эти стъричьки и гъwаря́т: мѝлъсьливъиᵉ же́ньшынъ, нисёш ты, гwăря́т, пъдая́нијь. Муш и услыха́л жану́, штъ ана ръзгава́ривъит сь ке́м, сетими стъричька́ми. Он гъwарит: сь ке́м итъ ты ръзгава́риулъ ишла́? Ана и гъвари́т—гъвари́т: два стъричька́, гъwари́тъ, гъwаря́т са мно́й.—Wот, што жъ ты сь ни́ми гу́ари́ла съ стричьками се́тими?—Я, гу́wари́т, сь ними гъвари́лъ, гу́wари́т,—я жыу́, сла́у Боγу, мой бра́тьдз, гwăрьт, жывёт очьн бе́дна; я́, гwăрьт, наси́лъ дитя́м (бе́днум wот дитя́м пајесь не́чьу). Муш услыха́л, иё сильнъ паби́л. Паби́л иё, ȷей γаспоть ни да́л жытья́, пъумярла́. Ну и ко́ньчилъс. Када ȷей навна́чили эти стъркѝ, што жытья́ тъ тибе́ нимно́гъ, ни да́ли ане́ ма́їцъ ȷей.

---

87. Д. Ивакино, Мамошинской в.

Сказка.

Запис. Н. Н. Дурново въ 1902 г. Съ рукописи.

Папа́л адин салда́тик ф пле́н к нивéрным и служы́л он яму, хади́л пó въду, во́ду таска́л нивéрнъму. Три го́дъ жы́л у нивернѝва. Пашóл пó въду, се́л нъ кало́диц и зду́ма́л: Ф сьве́тлъ Христо́въ

въскрисéнијё, γоспъди, сяóдни в нáшъй в Расéи Христóсваскрéсь! Принёс нивéрнъму вады́ пъчирьпнýл: Дé ты такýю вóду брáл?—Сё надни́м калóцы. — Ни мóжъ бы́ть, штóбъ ты на э̆тим калóцы чéрьпъл.—Пъказáлъсь э̆тъму нивéрнъму вадá и Бóγ знънд за штó; чи́стъ сь нибéс мáннъчти.—Пъучямý ш тáк эдъкъјь вадá, слáдинькъ?—Нюштá поэ̆тъму? сяóдни w нáшъй Раси́и Христóс васкрéс, бýдит пъ зимлé хади́ть, Христóс. Ти́нул нéхрись сваю́ Раси́ю и дóм и жанý и детéй: Падём Христá глидéть! Набрáл дéник и зъдéлăл с салдáтикъм зъвящя́нијё, штъбъ друг дрýшку ни кидáть: јéжъль я памрý, ты мяня́ пъхърани́, јéжъль ты памрёш, я тябя́ пъхъраню́. Пиришóл нéхрись въ нáшу Раси́ю. Дé ш он Христóс?—Щи ни дашли́ да э̆тъwъ мéстъ. А салдáтикў хóчицъ на сваю́ стóрьну пирибрáцъ. Нéхрись шóл, шóл, нъ лясý и пóмиер. (Солдатикъ) пáлъчькъй капáл, рукáм выки́дъвъл. Вы́ръл маги́лку, ли́сьтикъф паслáл и ли́сьтикъм [1]) закры́л, зимéлькъй засы́пăл. Патхóдит в аднý мéснась—ихимáндритă харóнют. Салдáтик стаи́т и плáчит. Братии спрáшвъит: Што ты, салдáтик, плáчиш?—Кáг жъ мнé ни плáкăть? Кáк яwó сабрáли ихимáндритъ, жалáл нéхрись глидéть Христá, wот нă лясý пóмир. Я пальчькъй ры́л дъ рукáм выки́дъwъл, дъ маги́лку ры́л. Вы́ръл маги́лку, паслáл ли́сьтикăм и ли́сьтикъм пакры́л, зимéлькъй засы́пъл. Брáтијь, нялзя́ ли кáк падня́ть яwо мънъстырю́ пъхърани́ть? я вам зъплачю́. Пашли́, съгласи́лись яwо пиринéзь был мънъстырю́. Разры́ли яwó, пъглидéли, а он, ф чём ихимáндрит палóжы̆н, сóбрън, и он лижы́т в э̆фтъм. Ну, явáнгиль и при нём и хрéст. Братий ятьвячя́ит ямý: Нам ни дастóйна яwо пъдымать, яwó γаспóть сабрáл. Съгласи́лись тóлькъ па нём пъстънави́ть чясóвню. Ну wот и фся.

Волоколамскій у.

88. **Д. Кузяево, Ошейкинской в.**

Отрывокъ разговора.

Запис. Н. Н. Дурново въ 1904 г. Съ рукописи.

Ни знáю, што тапéрь дéлъуть-та! Ну штó у мя там? глиди́тя̆. Нялзя́ шывильнýца. — Дóмъ-тъ никаó нéт; дóмъ-тъ таперь-тъ

---

[1]) Множ. число.

адна́ дяво́чка аста́ньцъ—ухо́дьт. Wот с рябёнкъм и сижу́.—Мне апя́дь зьде́лълъсь ка́к ху́да, ступи́л тума́н; wот сё и пирьмяня́итца; так кати́-та, хо́дют, хо́дют ми́линькин.—Изьде́лълъсь паху́жъ.—Вы wот прия́жьжя́ли туг, гърацкой до́хтър... тябя́ за́ вьрсту б увида́ла сё дък... Дъ пщь каг зъбале́л-т у мьня́ ка́к! у мяня и сляза́ ни шла́... уо́спъди знаит! Мне́ и яда́ ни шла́, мне́ и сну́ не́ бъла.—Три́цъть шасто́й гот, пятна́цътъй год за́мужъм. Ба́тюшти! Хво́рь-тъ не́штъ кра́сит чилаве́къ-тъ? су́шыт! личи́ть-тъ ить тру́днъ... куды́ тут! Та́к уш тапе́рь абни́зилъсь.—Пърашечкъф што́ ли хате́ла?—Пятна́цъть рас фтира́ла. Я' бъ съгласи́лъзь бы́ нъ пяра́цыю,—не взя́лись.—Дъ на́ [1]) типерь-тъ го́т уш в бальни́цы.

---

89. Д. Максимково, Ошейкинской в.

Запис. Н. Н. Дурново въ 1904 г. Съ рукописи.

Пѣсня.

Я срисую цябя́ на патре́ти [2])
И паставлю златую крава́ть,
На крава́ци пири́на пухо́ва
И кавёр са душы́стым цьвято́м.
Я любила цьвяты палявы́ји
И любила па са́ду гуляць,
Я любила глаза галубы́је
И любила рябя́т призирать.
Вы яткро́йти фсе окна и д³ьвери
И пусьци́ци на час пагуляць.
Я сижу и любуюсь табо́ю,
Я табой, дарага́я мая́!
Чуднай ме́сец плывёт над рякою
И в абъятье начной тишыне́.
Ничаwо мне на сьве́цп ня нада!
Пагляд³е́л ба цябя, милай мо́й!
Только вид³иць цябя бисканечна,
Любавац̑а тваей красато́й.
Я любуюсь тваей красато́й.
Но, увы! каратки нашы фстре́чи:
Ты сьпишыш паскаре́я г друго́й.
Ну, иди, пусь напрасна страда́ю,
Пусь напра́сна балит мая груть.
Как цьвяток араматнай вясно́ю,
Для цибя́ яднаго расцьвяла.
Ты паклялся любить миня вечна
И ласка́л каг галу́пку фсягда́,
А типеря, ласкае другую,
Стал сьмияца, тирань, нада мно́й.
Насьмия́сь нада мной бисканечна,
Насмия́сь, маю жызь пагу́бил.

---

[1]) Она.

[2]) Дзеканіе слабо и потому не вездѣ было подмѣчено наблюдателемъ.

Нижегородская г.

Ардатовскій у.

90. Изъ трехъ различныхъ мѣстностей.

Отрывки разговоровъ [1]).

М. А. Колосовъ. Архивные матеріалы по народн. языку и словесности. Р. Ф. В., т. 1-й, 1879 г., № 2, стр. 161—162.

1. Шабёр Дьемка бакулял с Ярмаком, Ёгорій, бат, на дварѣ, пара приниматча за́ саху. А Ёгорій, старики бают, лѣнива саха. Нѣт, парь, и ранней пашни не обрадуешься: вишь, как падыливат па дварѣ-та. Сматри—завернет, что и зги Божьей не взвидишь.

2. Ну, парнюга, бида. Вусетта [2]) дядуха Калина баил с зарѣшным Першай [3]), что таво и гляди пажар: сабаки война воют ноцью, инда страшна слышаць. И впрямь, братисца, и у нас сабацонка завувоит, да и ну пад передним углам рытча. Матка Аксёныха баит, што эта к пакойнику. Ну, да рази ты не знашь, у Фомки засыпка на мельничѣ?

3. Ну, нешто: не даром сват Афоня бал, што добру, слышь, не быць. Вишь, вецо́р не даровым матом крыцал лѣшій по́ лѣсу— ау да ау, и го-го-го. Пріѣзжам, знаш, мы в дзеревню, ан староста Панфил и бат: бѣгице, бат, робята, скорѣ на плоцину,—её, бат, прорвало. А народ-то на ней кишит, ну, словно муравы, друг дружку так и давют. А знаш, Мишутка, с цово всё это дзѣлатча? Гдзѣ цеѣ знаць! Вишь набольш-от наш, ну, управитель, при ком строилась плоцина, был из бусурман—вѣдашь, Нѣмчов? Перед началом плоцины и молебна, бают, как водитча, не отслужил. Вот, Воспоть спорыньи́ и не даст. Провали́тча! И старики так бают.

---

[1]) Въ подлинникѣ звукъ, являющійся вмѣсто *т* мягкаго, изображается черезъ *тс*; мы изображаемъ его черезъ *ц*.

[2]) Вотъ.

[3]) Перша—отъ Перфилій вмѣсто Порфирій.

91. ## С. Кужендѣево.

Федоръ Ивановичъ Пожарскій [1]).

Этн. Сб., в. 5, 1862. Смѣсь, стр. 28—30.

Грозен был воин чарь наш батюшка,
Первый чарь Иван Васильевиц.
Сквозь дремуцій лѣс с войском силою
Он прошел в страну Татарскую,
Себѣ чарство взял Казаньское,
Государьство Астраханьское;
Вывел Перфила из Новагорода,
Не вывел измѣну в каменной Москвѣ,
То чарьское серьче разгоралося
Пусче огня, пусче полымя.
Вот сказал он рѣцью громкою:
У меня есть дзе всяки мастеры,
Есть такіе розны дохтуры,
Но всѣ прячютчя—старый за малаго,
И хоронятча малый за стараго;
А один из них лиш не пряцчетчя [2]),
То малютка-палач, то Гурбатов сын.
Ну, пойдзи-ка сюда, гой, Гурбатов сын!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную, не ижьменную:
Во полаты ступай, в чарьски каменны,
Взяв чаревича там за цёрны кудри,
Распоясни с него шелковой пояс,
Золотой перстень сними с правой руки,
Отведзи самаго на Москву на рёку
Впрямь на мѣсто, на то мѣсто лобное,
И на плаху на ту, что на липову;
И сними там с него буйну голову,
А мнѣ к явкѣ подай саблю вострую,
Саблю вострую в горюцей его рудзе.
И увидзел то Федор Иванович,

1) См. сноску 1-ую на стр. 134.
2) Въ подлинникѣ *прятсчетчя*.

Федор Ивановиц Пожарской сын,
Из косясчита из окошечька;
Пропустивши чаря вдоль по уличе,
Вдоль по уличе, вдаль от церема,
Как воскликнет он ко Гурбатову:
Ох ты гой еси, Гурбатов палач,
Не за свой ты кус принимаешся,
Сам куском таким подавишся.
И Пожарской позвал слугу вѣрнаго,
Слугу вѣрнаго, свово стряпцаго;
Свово стряпцаго, что не лудцава,
Что не лудцава, свово клюшницка:
На, сьними, он пробал, с него голову,
Снеси саблю к чарю, в горюцей рудзе,
А к чаревицю не прицавствуйся [1]).
Вот на утро чарь Иван Васильевиц,
На поминки собрал поголовно народ,
Он бояр повелѣл в медьвежны вшиваць,
В медьвежны вшиваць, по Москвѣ рѣкѣ пусцаць,
А попов приказал во кули зашиваць,
Во кули зашиваць, по Москвѣ ж рѣкѣ пусцаць,
Что чаревица не засцюняли [2]).
Вот съезжаютчя всѣ в платьѣ цёрныим,
В плацьѣ церныим, во пецальныим,
А ѣдзет лиш Федор Ивановиц,
Федор Ивановиц Пожарской сын,
Пожарскій сын во нарядзѣ чвѣтном,
Во нарядзе чветном, в ярком золоце,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены, что не лудція,
А веселье в самом так и свѣтитча.
Вот увидзѣл то чарь Иван Васильевич,
Как воскликнет он громким голосом:
Ой ты гой еси, Федор Ивановиц,
Федор Ивановиц Пожарскій сын!

---

[1]) См. въ словарѣ причаствовать.
[2]) См. въ словарѣ щунять.

Аль об горѣ моем ты не свѣдался,
Что срядитча посмѣл, словно в радостный пир?
А Пожарскай сын отвѣчает чарю:
Я, батюшка чарь, все в отлуцкѣ гулял,
Все в отлуцкѣ гулял за охотою,
И поймал сокола, что не лудчава,
Цто не лудчава—цеэ ближнява:
То сына цеэ роднаго.
И возрадовался чарь, и отвѣцил ему:
Уж ты гой еси, Федор Ивановиц,
Федор Ивановиц Пожарскай сын!
Вѣдь не мнѣ бы чарем, а цеэ должно быць,
Ты умѣл соблюсци чарьски сѣмены.

---

92. Арзамасскій у.

Разговоръ двухъ крестьянъ.

М. А. Колосовъ. Архивные матеріалы по народному языку и словесности. Р. Ф. В. т. 1-й, 1879 г., № 2, стр. 162—163.

— Здорово, Василій Иваныць! «Здорово, куманек, Павелій Петровиць!»—Куды тея Бог носил?—«Да на базар: пуда два муцки оржаной огорил».[1])—По цом ныне была мука па базарѣ?—«Да по рублю с алтыном».—А гожа́ мука-та?—«Кесь, гожа́: така бѣла да мелка. Да цово, куманёк, со мной повстрѣцалось безвременье—цолковой денег обронил».—Да не мимо ль зепи ты ево положил?—«Што ты баш, мимо! Вѣдь я, цай, не пьяной был. Уж такой знать грѣх помянулся!»—Хоша и не пьяной, а не руцайся за себя: цасто слуцается, что и церёзыве в обмѣшулках кладут мимо зепи.—«Нешто: грѣх да бѣда на ково не живет!»

---

93. Лукояновскій у.

Воспоминаніе о Пугачевщинѣ.

М. А. Колосовъ. Архивные матеріалы по народн. языку и словесности Р. Ф. В., т. 1-й, 1879 г., № 2, стр. 163—164.

Калды был здись Пугачев,—тому де, чай, будет годов с восимдисят,—в ту пору я был ни болѣ, как лѣт восми. Уж памить-та

---

1) Можетъ быть, вмѣсто „огорилъ купить“? см. въ словарѣ огорить.

у миня состарилась, многава и пиризабыл. Как таперь глижу: в поли, за нашим силом стаяли рели. Народ коннай и пѣшай так и снавали друк за дружкай взат и вперёт. Серганске, черновске и ищё кдѣ откудова мужики пиридались к Пугачеву. А катца, в нашим силѣ самаму яму быть не случилось. Помню толька и то—на здѣшних релях ни повѣсили ни аднаво чалэка. Во всѣх сёлах стричали Пугачева са звонам, а папы с цырковниками выхадили встричь к няму в ризах с христами и харувовями. Па дарогѣ с низу Пугачев все спрашивал народа, какавы васпада и папы. А если на каво пажалутца, тѣх он вѣшал и рѣзал. Была ва всѣх мистах така тривога, што ни привиди и Восподи. Гдѣ толька Пугачева ждали, там не аставалась ни аднаво васпадина, ни аднаво бурмиста: всѣ выищали в дальни стороны и увазили все свое добро.

Симбирская г.

Карсунскій у.

94. С. Аргашъ.

Пѣсня.

Мат. великор., № 67. Вып. VIII, 1903, стр. 526—527. Записана школьниками-подростками. Пунктуація подлинника.

Чéрнай вóран удалóй ли́ удалóй
Штó ты́ вьёсти нáда мнóй,
А́ль ты́ пи́щи ни́ дабьéсти...
Бѣ́ла грýдь мáя тами́лась,
Из источных бальных рáн.
Пирвижý я бальны́ рáны
Падарёнаим платкóм.
Аташлю я в тý старóнку
К атцу к мáтери раднóй.
Взя́л жанý я умнý скрóмну
В чи́стым пóли пáд кустом.
Сáбля была свáхай
Угащáла слáвна нáс.
Чёрнай вóран удалóй
Залатыя крылашки.

«Обратни» (разсказъ).

Тамъ же, стр. 531—532. Повидимому, замѣчаніе относительно записи предшествующей пѣсни слѣдуетъ отнести и къ этому разсказу. Пунктуація подлинника.

Ани пирикидываются чриз двянадцать нажей в пирдавини, хрёст с сибя скидают. Был спор об четьверти вина с одной ста-

рухой; ана бальши дяла знат. Ни пущай на яровыя лошать! они бают старухи: пымам лошать и ни выпустим. Ну падити пымайти и ни выпустити, ани пашли и вядут иё и давили́ да старых кладьбищ чилэчьих атколь ни взялась абодрана лошать и ани устрашились и бросили пойманну лошадь. Пришли к етой бабѣ, ана над ними разсмѣяхнулась и бат: пымали мою лошать они бают: ладна обдрана кабыла! эта ана стара обратилась—вить выдумала во што обратитца та. Эта жа старуха малако у коров отымат. Пайдет па радникам набирет разнай вады и етай вадой и спрыскават и карова апять будит даить, ана атхаживат па зарям. Ище скажу шли троя рабят а ана на гумнѣ лен брала, он ей и бат: ты, тетка, ленок-та ни свой бирешь! ана яму и пирѣчит: што ты ни рак ни рыба, чаво ты пусты рѣчи башъ; пабижала за ним и он с прясла упал и сдѣлалси биз памити приходит дамой; дома жил сутки, патом всѣ уходят в поля, а он остаетца дома ни знать ни рыла ни носу все распухла, яво наридили с пакетам в сяло Касаур, на няво ни гожа глидѣть, шел сялом, яму встрѣтилась старушка с пириньком[1]) и ричит яму: пиринек что эта у тія? И обвела яму лицо безъименным пальцым и бат: Господь тія панес, а то-бы в третій день помир и он пришол в третій день в школу здаровый виселый, а выздравил ща в Касаури, как абвяла пальцым. Я не узнала брательника сваво фтупарчи.

Саратовская г.

Петровскій у.

95. Д. Сосновка.

Сказка объ Ильѣ Муромцѣ.

Запис. М. Е. Соколовъ. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи, 1908 г., в. XXIV, отд. 1, стр. 124, 127.

1. Ва го́ради жа Му́рави, ва силѣ Карачарави жыл-был правасла́внай кристія́нин Ива́н Тимафе́ивич; и был у нявó сын Илья́ Му́равиц; и сидѣ́л он три́тцать лѣ́т сидне́й, и стал на нагах крѣ́пка, и пачю́ил ф сибѣ́ си́лы мнóга; и стал прасúть у атцá с мáтирью

---

[1]) Паренькомъ.

блаславле́нья: Гасуда́рь мой ба́тюшка, гасуда́рыня ма́тушка! Бласлави́ти миня́ ва сла́внай го́рат Ке̂иф Бо́γу памали́тца, ке̂ифскаму кня́зю паклани́тца.—Ате́ц с ма́тирью блаславля́ют и яму́ прика́завают: Пайижьжя́й, сын наш ми́лай, но ни де̂лай на сваи́м путе̂ аби́ды, ни праливá́й кристія́нскай кро́ви напра́сна.—Илья́ жа Му́равиц Бо́γу мо́литца, с атцо́м, с ма́тирью пра́щаитца; ну, и пайе̂хал он ф путь свой и уйе̂хал дале́ка.

2. Пат Чирне̂гавам жа го́радам стая́ла си́ла во́йская биссурма́нская, шта и сме̂ты не̂т. Илья́ жа Му́равиц вы́дирнул ис карню́ де́сить дубо́ф и связа́л сибе̂ ме́тлу. Те̂ жа тата́ры над нем сміютца: Йе̂дит к нам како́й-та разме́сть чи́стая по́ля, шта́ба нам ле́кшы ваява́ть. Илья́ жа Му́равиц за́чил бить тата́р и паби́л фсю си́лу. Гражда́нцы жа яво́ фстрича́ли с абраза́ми, с мале́бнами с блаγдарнами, угаща́ли в бисе̂ди и сули́ли яму кане́й, цве̂тная пла́тья, казны́-зла́та: Гасуда́рь наш, ба́тюшка! Чаво́ жа тибе̂ ну́жна: кане́й-ли тибе̂ на́да, цве̂тна ли пла́тья, а́ли зла́та? Мы фсё тибе̂ дади́м!—Илья́ Му́равиц атказа́лси: Если мне̂ кане́й брать, за мной табуны́ пайду́т,—если жа мне̂ цве̂тная пла́тья брать, за мной або́зы пайду́т; казны́ жа зла́та мне̂ ни на́да!—Папи́л, пагуля́л в бисе̂ди и спраси́л: Де̂ прайе̂хать на Ке̂иф?—Те̂ жа гражда́нцы: На Ке̂иф даро́к пе̂ту, залажы́л Салаве́й-разбойник на́ тритцать вёрст: никако́й баγаты́рь ни прайе̂жьживал, никако́й зве̂рь ни прары́скавал, никака́я пти́ца ни пралётавала,—убива́л Салаве́й-разбо́йник сви́стам баγаты́рскіим!

3. Добры́ня Ива́нач и Аликсе̂й Папо́вич пирмини́лись крястá́ми с Илье́й Му́равицам и назвали́сь бра́тьйими; папи́ли, пагуля́ли, пабисе̂давали и пайе̂хали ф чи́стая по́ля: Ни найдём ли сибе̂ какова супративника?—Йе̂зьдили, йе̂здили ани́ до́лга; не̂т никаво супрати́вника,—и то́лька идёт кали́ща прахо́жая, и хо́чут ани́ яво́ на капія́х падня́ть. Кали́ща жа прахо́жая кричи́т Илье̂ Му́равицу: как мы с тобо́й вме̂сти гра́мати учи́лись, а на-ка мою́ адёжу: шляпу́ васьмна́тцать пудо́ф, касты́ль двяна́тцать пудо́ф, пайижьжя́й-ка ва сла́внай го́рат Ке̂иф; ке̂ифскай жа кня́сь-ваяво́да ап тибе̂ висьма́ таску́ит; у няво́ сиди́т Идо́лища-абжо́рища: съяда́т це̂лава быка́ в рас с но́шками и с ро́шками и выпива́т пи́ва, коль магу́т дане́сть во́симь чилаве̂к, пивно́й катёл!—И о́ддал жа Илья́ Му́равиц каня́ кали́щу прахо́жаму, и взял с няво́ шля́пу васьмна́тцать пудо́ф, из рук касты́ль двяна́тцать пудо́ф, и пашо́л ва сла́внай го́рат Ке̂иф; и

и пришо́л ф Ке̂иф, и вашо́л в дом к ке̂ифскаму кня́зю и стал у две́рки. У ке̂ифскава жа кня́зя-ваяво́ди сиде̂л Идо́лища-абжо́рища; и запроси́л он ф то вре́мя йе̂сть; и пясу́т яму́ быка́ абжа́ринава сафсе̂м с но́шками и с ро́шками; Идо́лища-абжо́рища съйе̂л и запраси́л пить; тащя́т во́симь чилаве̂к пивно́й катё́л пи́ва; он взял за́ ушы и вы́пил. Илья́ жа Му́равиц над нём усмяхну́лси и сказал: У на́шава ба́тюшки была́ така́я кабы́ла, аба́жрала́сь и акале̂ла! Идо́лища жа в няво́ ко́сткаю уда́рил: Ох, ты, кали́ща прахо́жая! Ты ща на́да мно́ю смійо́сьси?—Илья́ жа Му́равиц уда́рил яво́ шля́паю, и уби́л да сме́рти, и ка́миннаю сте̂ну праши́п, вы́швырнул, и прико́ньчилась яво́ пахажде́нья.

В.

Псковская г.

Великолуцкій у.

96. **Погостъ Мари́пчелки** (30 в. отъ Великихъ Лукъ).

Свадебные приговоры.

М. Успенскій. Марипчельская крестьянская свадьба. Жив. Ст., г. 8-й, 1898, в. 1, стр. 84—85.

Отецъ. Ну што, свато́к, хо́дишь?

Сватъ. Да за ма́линьким де̂льцым. Вишь ты, яно де̂ло-то какое выхо́дить. У тибе́, свато́к, приме̂рно, есть бярё́за, а у нас дуб; не ста́ ли, свато́к, их уме̂ста случа́ть? Небо́сь ве̂даешь, пра што талку́ю?

Отецъ. Как же, свато́к, как же!.. Де̂ло бывалое, стре̂ляная варона! Чяво ж, яно мо́жна. Де̂вка, пожалуй-што, на той ста́ти. А кулы́ ж е́та бу́дить, свато́к, да за каво́? Сам зна́ишь, па ме̂сту да па чилаве̂ку гля́дя; нихто сваёму де̂тищу не враг.

Отецъ (если де̂ло не подходящее). Не̂, свато́к, но́ничи не думаю аддава́ть дачке̂ за́муж. Пажжю [1]) ящо́ гадо́к; не малина, не апа́нить [2]); да ящё́ и рябё́нык яна́ савси́м, малаcи́льна. А в чужих

---

[1]) Пожду.

[2]) Опадетъ.

людёх не дома, вся́ка бываи́ть: часом с квасом, паро́й с вадой. Призна́ца табѣ, и самаму́-та мнѣ дѣвка паку́дыва што гара́зд на́дыби по хозя́йству. Меньшу́ха паку́ль—плахая работница: не подтяну́лась щи, не пораспра́вилась, то́льки што тольки ста́ла с сярьпо́м на ниву валачи́ца; вся тут и помо́га, а рабо́ти хышь па́рься. Што ж, свато́к, не прагнѣвайся, не абессу́дь нас, пажа́лыста! Жаниха́ и мѣсто мы не гре́былм, а адда́ть пикак нельзя. Пайщи́ сабѣ в други́м мѣсти; в міри, свато́чик, што в мо́ри, всяво́ найде́шь, а е́тыва дабра́ ра́ком до Масквы́ не пирястá́вишь.

Свадебныя пѣсни.

Тамъ же. Стр. 81 и 89.

1. Не па мо́рюшку ль сѣра у́тица плыве́ть?
Не па бе́рижку ль мать ради́мая иде́ть?
Ты пади́, пади́, мать ради́мая мая́,
И расправѣдай-ка разнащá́сную мяня:
Как я, го́рькая, у чужи́х людёх живу́;
Не па плису, не па ба́рхату хажу́,
Че́рез зо́лата гарячи́м слязàм илью.

2. Ма́рья в ма́тушки
Дарага́я го́стійка,
Залата́я мятёлычка!
Тро́я сяне́й вы́мела,
То́лька анно́й не вы́мела
Станово́й но́вуй го́ринки,
Гдѣ сиди́ть люта́ свякров
Са сваи́м с трём до́чирям,
Са маи́м зало́вушкам;
Суди́ли, ряди́ли
Пра чужу́ю ди́титку,
Пра сваю́ нявѣстушку:
То ль яна́ санли́вая,
То ль яна́ дрямли́вая?
Неда́вна к нам пришла́,
Мно́га бѣд надѣлала,
Мнок пасу́ди паразьби́ла:
Все пивны́и ко́вшички
И винны́и ча́рычки;
Па навы́м сянём хо́дила,
Залаты́ ключи́ уте́ряла.
Ох ты, лютая свякро́в!
Ты ня со́хни, не бали́
Па маи́м златы́м ключа́м:
Мнѣ ня твой сын ключи́ купи́л,
Мнѣ ня твой муж залати́л!
Мнѣ купи́л ключи́ ба́тюшка,
Залати́ла ма́тушка,
Полужа́ли[1]) сестри́цы,
Выкупа́ли бра́тицы,
Абнавля́ли нявѣстушки
Зли сваёй че́сьти, хвалы,
Зли маёй красаты́.

---

[1]) Лудили.

Святочная пѣсня.

М. Успенскій. Говоръ крестьянъ Марипчельскаго прихода. Жив. Ст., г. 1-й, в. III, 1891, стр. 210.

Се́ю, ве́ю бе́лый лён.
Уради́ся, бе́лый лён!
Бѣл, вылакни́сти,
Сабо́й гылави́сти!
Стал мой ляно́чик
Зрѣ́ти, пыспыва́ти[1]),
А я млада́ гыря́ва́ти:
С ки́м жа мнѣ бу́дить
Ляно́чик тяга́ти?
Све́кырь гаво́рить:
Я са табою
Снахо́й маладою!
Е́та мнѣ не ра́дысть,
Е́та не вясе́лье—
Брань да хлапо́ты,
Бальшіи суе́ты.

Смоленская г.

Бѣльскій у.

97. **С. Дунаево.**

Пѣсня.

В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнографич. Сборникъ, ч. II, стр. 243—244, № 551.

Блаγаслави нас, Божинька,
Свадьбу иγрать, заиγрывать.
Чію свадьбу иγрать?—Невѣстину.
Вино-пива пить?—Тимохина.
Ку́рники ѣсть?—Ивпраксины.
Как за лѣсу темныва,
Из-за γор за высоках
Во́сходил псьмен[2]) мѣсиц
И за им красно́ сонца:
Исьмен мѣсиц—Ихи́мушка,
Красныя сонца—γрахвенушка.
Ты, святэй Ку́зьма-Ди́мьян,
Прихади на свадьбу к нам
Са сваей са кузинкай[3]),
Ты и скуй нам свадибку,
Штоба была крѣпка-на́крѣпка,
Штоба вѣшна-на́вѣшна.
Люди ху́лють, Божинька,
И ни расху́лють, Божинька;
До́ждим мо́чить, Божинька,
Ни размочить, Божинька;
Сонцым сушить, Божинька,
Ни разсушить, Божинька;
Вѣтрым дуить, Божинька,
И ни раздуить, Божинька.
У саду, у зеленыи
Там стыял висок тирём,
Как у том жа терими

---

[1]) Пыспява́ти?
[2]) Ясмёный—ясный; читать, вѣроятно, слѣдуетъ jисьмён.
[3]) Кузницей.

Там γуляли дѣвушки,
Там γуляли красныи.
Прихадил к им Ихимушка князь
Приходил атецкій сын.
Ён[1]) хадил кала дѣвушик,
Ён хадил кала красны́х,
Больши таво кала γрушиньки(?),
Ён іе браў за правую руку,
Ён павёў са терима вон,
Ён стал яе распрашивать:
Атецкая доч,
Ты скажи мнѣ, γарахвенушка,
Ти любила преч каво?
— Я скажу, атецкей сын,
Ни любила никаво,
Тольки тибе вазлюбила.
У саду у хмелиным
Віўся хмель кали ты́чинипки,
Кала самый макушички,
Кала залатэй вирьхушички;
Там стыяла лазинка,
Разγарѣлась каминка,—
Расплакалась атецкая доч
Пиряд родным батюшкай,
Пирид радимый матушкай.

Сычевскій у.

98. С. Хотьково.

Пѣсни.

В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнографическій Сборникъ, т. II, стр. 263 и 272, №№ 576 и 600; т. IV, стр. 459, №№ 42 и 43.

1. На γóрыцки д на крутенькай
Растеть пашаница,
Пад γорыцкой пад крутинькай
Клюцава вадица.
Сястрица мая па вадицу ха-
дила,
С залатым каромыслым.
Каромысел γнетца, γнетца,
С ведер вада льетца.
Што ш ты, мой карамысил,
Дасюль ни зламился?
Дружочик мой, да Федурушка,
Дасюль ни жанился?
Душа мая Вѣрушка,
Нихто ни ўлюбился;
Душа мая Вѣрушка,
Я тибе дажидался,
Я и ростам-приγожствам,
Тваей красатою,
Русыю касою.

2. У нас ў поли
У широким раздольи,
Там стыяла древа,
Древа ни прастоя,
Листом ширакоя.
Салитались пташки,
Дробныи касатки,
Семенывы братьтя,
Палаγеины сестры.
Брат брату γаворить:

---

[1]) Въ оригиналѣ *іон.*

Паѣдим, мой братиц,
Заўтри ка тстю ў ɣости!
Не пей, не пей, братиц,
Не пей, мой радимый,
Да первую чару.
Вылій, вылій, братец,
Вылій, мой радимый,
Дабру каню ў ɣриву,
Штоб ета ɣрива
Шатром ни стыяла,
К каню прилиɣала,
К каню вараному,
К сядлу залатому:
На етым сидѣльцы
Семену жанитча,
Палаɣеи бадритча.

3. Варобьюшка-варабей,
Атлётная пташичка,
ɣарамышна кукушичка!
Варобушка-варабей,
Куда лётал-атлитал,
Куда ѣздил-атъизжал?
— А я с сила да сила,
Да стёва[1]) да двара,
Да Палаɣеинныва терима.
Палаɣеюшка душа,
Аткрый, радысь, акошка,
Середнива немножка.
— Я бы рада аткрыла—
Буён вѣтир косы дмёть,
Красна сонца лицо жɣёть;
Буён вѣтир—батюшка,
Красна сонца—матушка.

4. Мине маминька ласкала,
На вулицу ни пускала:
— Дититка, збалуисьтя,
С парним пацалуисьтя.

Дорогобужскій у.

99. С. Егорье.

Пѣсни.

В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнографическій Сборникъ, т. IV, стр. 45, № 71, стр. 163, № 4.

1. С-пад лѣсику,
С-пад темнаɣа,
Трава либида,
На травушки-муравушки
Зямчужна раса.
Хадиў-ɣуляў Данской казак,
У скрипычку иɣраў,
Дѣўку вызываў:
— Харошая, приɣожая,
Пойдеш за мяне?
— «Пайду спрашу к сасѣду-
шки,
Какой челавѣк!»
— Сасѣдушка, ɣалубушка,
Скажитя вы мнѣ,
Скажитя вы мнѣ, пажаласта,

---

[1]) Тестева.

Какой челавѣк?
Ён вор, ён плут,
Ён пьяница,
Ён прапьётъ тибе...
— «Спасиба вам, сасѣдушки!
Сказали вы мнѣ,
Сказали, пажаласта,
Какой челавѣк».
2. Мима лѣса, мима темныва,
Захадила туча γрозная,
А друγая нипаγодливая;
У тую пару, тоя ўремичка,
Дочки к матки ў γости ѣхала,
На худэй тиляжонычки,
На старый кабылёнычки.
Тиляжонка развалилась,
Кабылёнка атстанавилась,
Каточки раскатились,
К дубьюшку присланились.
На том на дубечку сядить салоўюшка.
— Ты ляти, ляти, салоўюшка,
На радимую старонушку,
Ты неси, неси, салоўюшка,
Майму батюшки низкой паклон,
А матушки челавѣческій.
Разскажи майму батюшки и маей матушки
Про мае житьё замужнія:
На приγон идем ранешенька,
С приγона идем позднешенька;
γонють мала, γонють стара,
И разутыγа, и раздѣтыγа.

Ельнинскій у.

100 Д. Проверженка.

Сказка.

В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнограф. сборникъ, т. I, стр. 655—657.

Захатѣў сабака ѣсть и кот тожа, третьтій воўк. Сабака вышіў на дароγу, на поля; даγаняить яγо кот:—«Здароў, сабака!»—Здрастый, кот. Дыγаняить их воўк:—«Здароўтя, сабака и кот».—Пытаить у их:—«Куды ты, сабака, бяγиш?»—Ѣсть хачу, воўчинька.— «А ты ж, кот, куды бяγиш?»—А што, воўчинька, и я ѣсть хачу.— Воўк и γаворить:—«И я ѣсть хачу».—Ну, сабака с котым, кали будитя мяне слухать, дак я вас накармлю.—Прабѣγли яны па лясу, вышли. Ходить табун коній. Воўк на сабаку γаворить:—«Гляди ж: я пупаўзу каня рѣзать,—як падымитца мыя шерсть дыбырём, тады мнѣ скажи!»—Воўк к каню падкрадаитца, паўзеть и спрашіить:— «Ти падымаитца мая шерсть?»—А, а, воўчинька, паднилась твая шерсть уся дыбырём.—«А што, сабака, ти красны мае вочи?»—

А, а, воўчинька, так красны—кроўю накипѣли!—Ухватіўся воўк на чатыри наγи, цап каня за γлотку и заѣў; γукапть: «Хади, сыбака, ѣсть и зави ката».—Воўк стаў ѣсть, и сыбака, и кот. Кот лизнуў, зьѣў пячонычки троху,—сыт, надуўся и сядить. Сабака с γоладу нализаўся крыви́—ѣсть некуды. Атстаетца пашти ни пачинатый конь аднаму ваўку. Ён γаворить:—«Ну, што жа вы прикинули аднаму лошадь убирать?»—Воўчинька, мы так наѣлись, што у нашим раду нихто так ня ѣў!..—Воўк γаворить:—«γлядитя ж: я вас и кармлю, и частую, а вы мяне тольки слухайтя». Наѣўся дужа воўк и ня злѣзить з етыγа каня—абъѣўся—и γаворить: «Сабака, бярись зубами за ко́тыў хвост, а я вазьмусь за твой: ти ни стяγнитя вы мяне з етыγа каня?»—Котик етый прыγ, а сабака як тасклнуу воўка, с каня яγо скора звалок, ажнуть у сабаки хвост атарваўся. Як воўк быў хазяиным над сыбакый и катом, ён и приказыпть:—«Сыбака, вы, и кот! Пауважьтя вы мяне: бяγитя патиши,—я вас за то карьміў,—а то мяне раздуша́ить».—Прайшли яны ти многа, ти мала, ледва у кусты увыйшли, γаворить воўк:—«Лажитись вы спать и ни ўстывайтя, пакуль я прашнусь,—тады мы и ни так пайдем».—Яны γаворють:—Будим спать, воўчинька, пакуль ты устанишь!»—Кот паспаў з рання да вечира и выспаўся, сабака ища спить и воўк тожа. Будить котик сабаку:—«Уставай, а то будить нам плоха!—Прашнуўся сабака и стали зюкыть с котым:—«Да, кот, харашо, што ты мяне разбудіў: а то як прашнетца воўк, ён захочить ѣсть,—перва мяне зьѣсть!»—γаворить кот:—«Утякем, сабака, ат ваўка у дяреўню, на двор: я чериз забор, а ты пад забор!—Яны так и здѣлали: кот узлѣз на γанки у чулани, а сабака урыўся у сувалку и ляжить. Прашнуўся воўк и γукаить: —«Сабака!»—Ня чуть. Устаў ён и дужа долγа γлядѣў и патяγываўся, пакамисть разыйшоўся. Узыйшоў на их слѣд и γаворить:—«Трудна було мнѣ на слѣд напасть, а таперь я их даγаню! Даγнаўши их, раздяру!»—Бѣγ, бѣγ, да самый да дяреўни; збунтували друγея сыбаки слѣд: ѣхаў па дяреўни праизжающій, и за им бѣγли сыбаки брихать—забунтували сляды. Ни знашоў их слѣду и γаворить:—«Скольки мы, ваўки, с сыбаками на выγынки γуляли, дак усё ваўки сыбак дыγаняли».—Пачуў воўк, што на краи дяреўни брешить сыбака: «Пайду, у яγо распытаю пра тоγа сыбаку!»—Падходить и γаворить:—«Ты, крайній сыбака, ти ня быў идѣ на сабаччій свадьби, ти ни хвалиўся сыбака, як их воўк карміў?»—А, а, воўчинька, хваліўся адин сы-

бака, як их воўк карміў; тольки ён γаваріў, што и с котым быў. Воўк даγадаўся:—«Ета иминна мае ускормники!.. Што, сабака, раскажи, идѣ мнѣ яγо найдить?»—Скажу, воўчинька, и пакажу, када ня будиш мяне ѣсть.—Воўк сыбаки за ета бокым кланіўся.—«Будить з дяреўни», γаворить сыбака, «пастух скот выγанять,—будить сабака тот ли пастуха[1]) свинней заγанять».—Паγода стыяла нинасная, и лѣзуть уси свинни дамой урозсып. Сыбаку пастух зацкуваў. Як бѣγ сыбака—так за свинку, а сзаду бѣγ воўк, ды хвать сыбаку за спинку, γаворить:—«Што, сыбака-абманщик, абманіў мяне? Таперь я тябе зьѣм!» А сыбака хатѣў ваўка абманить:—«Ах, воўчинька, ты нас карміў, дак я увидіў, што ты идеш, дак я табѣ свинку паймаў»...—Не, сабака! Брасай-ка ты свинку, а падавай-ка мнѣ сваю спинку!.. И зьѣў воўк сабаку.

---

101. **С. Крутиловка.**

П ѣ с н я.

В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнографич. сборникъ, т. II, стр. 197, № 472.

Ты ня туж, ни плачь, Праскута,
Што рана зима напала,
Сняжком ротынька завяла,
Да с нечиγа маладѣ винка звить.
Да зачуў-пачуў Михалка.
— Ты ня туж, ни плач, Праскута!
Я ўчора ў таргу пабуваў,
Ды я табѣ вяночик старγуваў:
Из роты-мяты лялѣить,
Сы бѣлинькій паперы,
Сы тонинькій трубачки—
На тваю γалоўку, любачка.
γалоўку склониш, ня зрониш;
Дождечик пайдеть, ня змочиш;
Вѣтрик павѣить, ня звѣить,
Сонца выблиснить, ни звянить,
Падружки придуть, ня сымуть;
Да вечира вяночик панаси,
А ў вечири падружкам атдаси.

Юхновскій у.

102. **С. Побитое.**

П ѣ с н я.

В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнографич. сборникъ, т. II, стр. 256, № 569.

Ель мая, ёлачка,
Зиляная сасонушка,
Ти ўси ль сучья повисли?
Ну, у мине уси сучья повисли,

---

[1]) Подлѣ, возлѣ пастуха.

Тольки нѣту аднаво суччика,
Залатэй самый вярьхушички.
Настасья Радивонавна,
У тибе ль вси γости собраны?
У мине вси γости собраны,
Всѣ в бесѣдушки пасожины,
Тольки нѣту аднаво γостика,
Усё радимыва майво батюшки.
Ты схади у Божій храм,
Ты ударь-ка у бальшой колыкыл,
Разбуди-ка майво батюшку.
Ты раздайся, мать сыра зимля,
Ты раскройся, γрабава даска,
Скалыхнитись, платки-саваны,
Ты устань-ка, родный батюшка,
Блаγаслави сваё дѣтичка!
Правадить есть каму,
Блаγаславить некаму.

Калужская г.

Медынскій уѣздъ.

103. С. Товарково, Полотняно-Заводской в.

Разсказъ.

Запис. Н. Н. Дурново въ 1901 г. Съ рукописи.

Бы́ттъ бъ каγда́ итъ жы́л Кудия́р разбо́йник, акура́т при рике́ Ша́ни, бы́ттъ бъ там што jесь. Курγа́н нано́шънъй ве́сь, ни то́ штъ приро́днъй, а ве́сь нънашо́нъй; бы́гтъ бъ казны́ мно́γъ. Курγа́н этът принъдлижы́т само́й γънчь̥ри́хи[1]). Бы́ттъ бъ зьде́сь ф Тава́ркъви, бы́ттъ бъ зьде́сь причишша́лись, а γде́ і̯тъ там испаве́дъwълись—ва времь̥ наше́сьтьвиjь̥ Литвы́, каγда́ францу́с шо́л... Ф Тульскъй γубе́рьни при рике́ Упе́... Када́ э̆тъ было́ штъ бы́гтъ бъ дака́пъвълизь дъ дьвипре́й в э́тъм самъм курγа́ни... Бы́л, признаю́ть, разбо́й зьде́сь, пры̄звади́лси э́тим Кудия́ръм... А ф Ту́льскъй и дире́вню пръзыва́ють Кудия́р... Тут ищо^{у}, как раска́зывъють, сьве́рху ищ и паро́jи бы́лъ вида́ть, зимлины́и паро́шки... На Упскъй то́жъ приjижжа́ли узнава́ть. Там па бли́зъсьти ево́ Къзако́ф кало́дись,—ту́г каза́ки стая́ли вакура́т о́кък э́тъвъ кало́дизя... Там тот как-тъ и ни пахо́ш на е́тът, там ушше́льjь̥ вили́ки: авра́jи между е́тъвъ курγа́нъ, къг бъ тре́шшынъ какаjь̥... двади́лъсь мне́ вот ту́т вот. Я ста́л ка́к-тъ капа́ть о́къ^{у}л сьвище́никъвъ двара́, пи́ку нашо́л старъю каза́цкъю, дре́фкъ кане́шнъ не́ту; де́них каки́х-тъ γадо́ф нъхади́ли, што́-тъ па дьве́сьти [2]) ле́т таму́ наза́т... От Литва́: ӑтайди́гй вярсты́ три́—плимьё аста́мшы и́хниjь̥.

[1]) Гончаровой (фамилія владѣлицы).

[2]) Подъ двѣсти.

104. С. Карамышево (волость; на большой дорогѣ изъ Мещовска въ Малоярославецъ, на зап. отъ ст. Суходревъ М.-Кіево-Ворон. ж. д.).

Отрывки разговоровъ.

Н. Дурново. Діалектологическая карта Калужск. г., стр. 31—33. Сб. Ак. Н., т. 76. 1903 г.

Туды́ пайдѣ́ти: учи́тѣль-тъ ту́г, и ж жано́й, и с ма́тирью. Как и́деⁱш, и́деⁱш (почти: и́иеⁱш)—суды́ во́лась, а на̊ [1]) пра́вый бо́к учи́лишша. Падо́м! во́т ын ча́й, во́т ын. Пъзвыля́иць сё-тыки: таку́ть, такём, тольки лён ни пряду́ть, пъчита́ють Пя́тницу, а Бо́х их зна́ить. Это̊ са́мъй ма́льчик на́ш и́ть ма́хъʸнькяй. — Пѣ́сьни ка́жуть у на́с, ни паю́ть этъ, ниγра́ють, а ка́жуть. Дъ шо́ ш? мы бу́деⁱм нямно́шкă.—Хто́ итă и́дя с Про́нькёй ф кра́снъй руба́хи?

Приста́ньтя х каприи́знъм дѣ́фкăм, д аны́ зъ цалко́вый табѣ́ ро́т ни рази́ня.—На́ш мужы́к ис хахло́ф привълакѣ́ть (т.-е. пѣсни). Ну ка̊ка́я нам была̊ ниво́ля? Хъра̊ша̊ ли на [2]) бу́дить, ли́ пла́ха?

Запγра́й, γармо́ничкя,
Вре́мичкя нимно́жичкя.

Хто́ тут у ва́с в γармо́нью-ть умѣ́я? γа́ничкя, пъфтари́тя яму́: о́н ни слы́ша. Он пришо́л толькё та́к ву̇т: γлиди́тя, будитя дѣ-нибу́ть нъ Сиби́ри.—У на́с ухва́там (горшки таскаютъ), блины́ пяку́ть скъварóдня̆м. Та́м мно́γа ить сьвяткóф, трыва́; вянки́ плятýть, чаво́ нъ γълава̊ ндива́ють.—Сърахва́н с ко́хтай, а ишо́ блюзы, ф съра̊хва́ни. Што́ ш вы,—ис Това́ркова, ро́дъм ис Това́ркова-та? Ниси́ лю́лькю: бу́дим прилю́лю́ къвъть рибя́т; он бу́ди сыписа̊ва́ть, пъ двацъти капѣ́к х пра́зьнику зърабо́тъјём. Иγра̊йтя пѣ́сьни.—У мѣне́ вон сво́й къча̊льшик, кък ръскá̊чă̊ё! Мы бу́дём спа́ть, а он бу́дё къча́ть; аль цъла̊ва́ть, ду́мъитя, ён ваз бу́ди? јеть твой крихти́ть-тъ, а̊ я́ сва̊я́во́ къча́ю; ва́м адни́м хоцъ па̊слу́хъть. Упадѣ́ш, Ва́нь! Ка́к я испужа̊ла̊сь! Каку̇ ю́лицу (т.-е. какую улицу) су̇бра́ли.—Ванюхи нъ бъра́нки да́л, тапе́рь Хвидю́хи.—Идѣ́ прэ пираγи́, дъ пра хме́ль фсё ръзγъва̊ривыють. Я ду́мъла̊, ишшо́ γута́рють... Ра́зи вы у пъпа̊ не́ были? Што̊ ты шьѣ́ш-тъ, Мархву́хъ?—Хвёдър, пъда́й де́шку̇-ту̇ [3]) ишь чула́нă.—Што эть бу́дить? Он на̊ ме́льницу паѣдя; па̊ᵒсо́дим;

---

[1]) а̊, о̊ обозначаютъ *а*, *о* неполнаго образованія и притомъ близкіе къ звукамъ средняго ряда.

[2]) Она, т.-е. пѣсня.

[3]) У̇—передній лабіализованный звукъ верхн. образованія (сравн. нѣмецк. ü).

ён вам е́та на̀ ча́й да́сьть. Вёдар да̀ Юхи́м и́дуть на три γо́ла̀са̀ или нъ чатыри.

Калужскій у.

105. Д. Караваи, Тихоно-Пустынской в. (около 8 в. отъ Тихоновой Пустыни).

Пѣсни.

Запис. Н. Н. Дурново въ 1901 г. Съ рукописи.

1. Ни будитя маладу
Рана, рана паутру.
Вы тада мине збудитя,
Када солнушка взайдёть (*дважды*),
Раса на́ зимлю падёть,
Пастух выйдя на лужёк,
Заиγра́я ва ражёк.
Харашё пастух иγра́я,
Выγава́ривая:
Выγаня́йтя вы скати́ну
На ши́ро́каю дали́ну (*дважды*),
На папову диситину.
γо́нюдь бабы, γо́нюдь де́фьки,
γо́нють ста́ры старики (*дважды*),
Мираје́ды мужики́.
Ни даγна́мши стада лух,
Станавилися вакрух.
Адна де́фка висила́
Плисать по́ круᵉγу пашла́,
Сама пляшя, рукой машя,
Пастушка́ к сабѣ́ мани́ть:
Па́стух, па́стух, пастушёк,
Пасту́х милинькай дружок.
Пастух стадичка спасил,
Начивать ка мне хадил.
Адну ночкю начива́л,
Каро́ẘушку патиря́л,
А друγγу́ю начива́л,
Сю палстада патиря́л,
А третію начивал,
Сё стадичка патиря́л,
А чятьвёрту начивал,
Фсю пасьте́лю разбрыка́л.

2. Кума печкю затапила,
Сама по ваду пашьла.
Как на Волги рике́
γуси лебиди сидять,
Воду све́тлаю мутя́ть.
А я шо́лкавай касыначкюй
Размахывала.
Размахну́ла ши́ракó,
Пачирпнула γлубакó,
Я на плечки паднила́,
Пъмале́нькю пабрила́.
Как на фстре́чю куме́
Идёть кум ды кума́,
Ищё кумава жына́.
Ушь ты, кумушька-кума,
Пратапилася изба́,
Праγаре́ли фсе драва́;
Как адин чюγγун ф пичи́
Абадрался кипучи,

Аднэй маленькяй махотычки
Паприччилася;
Как на конику куры
Раскудахталися:

От-куда́-куда́-куда́к,
Ни бывала у нас так:
Никада наша хазяюшка
Ни γуливала.

Мещовскій у.

106. Д. Калужкина, Го́стинской в.

(около 4 в. на сѣв. отъ ст. Шлипово Данково-Смоленск. ж. д.).

Разговоръ.

Запис. А. Косогоровъ.—В. Чернышевъ. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещевск. у., стр. 40—41. Сб. Ак. Н., т. 70. 1901 г.

«Во́т я ви́дяла стра́шнай со́н-та́, испужа́лась ажно́!»

— Како́й жа́, ну́кысь рыскажи?

«Ох, дѣвушка, ты́ и́ть зна́јишь на́шу сяду́я каро́ву-та?»— Зна́ю.—«Ну во́т, бу́тта я́ с му́жам ѣхыла у γо́рат и вяла́ я ету каро́ву прыдава́ть..... Удру́х! атькы́да (аткы́да) ни вазьми́сь γыратска́я каро́ва ды́ к на́м; мы јие́ атаγна́ли ды́ и́ть ту́т жа́ и хазя́йкя-та́ идёть; узяла́ ана́ јие́ ды́ и пыγна́ла дамо́й, а на́ [1]) кы́к патхва́тица ды́ на кры́шу, а на кры́ши-та́ трава́ расьтёть, а на́ и ста́ла та́м хади́ть. На́ша каро́ва ни бу́дь дурна́ сабѣ за е́й, атарва́лась а́гь тилѣγи, ить бу́тта е́та лѣтам, ды́ на кры́шу х тэ́й каро́вя и ну́ аны́ та́м кало́ца, та́-та здыраве́нныя каро́ва, а и́ть на́ша ты́ зна́ишь плаха́я; та́ на́шу и спихну́ла с кры́ши, на́ша шлёп ды́ и ляжи́ть, а и́ть дво́р та́ уве́сь ка́мням вы́слан, ана́ бу́тта разьби́лась и падняла́сь ды́ γ заку́тя и пыдашла́ и ста́ла тили́ца, я испужа́лась! а на́ атили́ла бальшо́ва тилёнка; кы́к ён зыриви́ть-та, зыриви́ть! Бу́тта я и атдала́ яво́ Луша́ки [2]) дамо́й све́сь, а каро́ву са́ми привизьли́».

— Ну, дѣвушка, е́та нихырашо́, чаво́ нибу́ть табѣ ды́ риве́ть каро́вай!

«Ды́ и́ть чаво́ ш! во́т ён Ва́нькя-та́ пашо́л ши́ть, ды́ и ни слу́ху ни ду́ху ни шлёть, а ту́т абро́к нипло́чян, пыдьзиме́льныи [3]) ниддали ишшу́, пажа́рныи [4]) стая́ть за́ два γо́да! Ды́ типе́рь во́т сижу́, сижу́ ды́ и хлю́пыю, γутки́ справля́ю [5]); ацу́ не́γдя зарабо́тать ни капе́й-

---

[1]) А она. [2]) Лукерьѣ. [3]) Поземельные платежи. [4]) Страховые взносы. [5]) Плачу въ причетъ.

ки, лѣтам-та́ ху́ч ка́минь вази́л ны маши́ну, а тапе́рь сиди́ до́ма, пыдажми́ ру́ки ды́ ѣ́шь да́рам хлѣ́п».

— Што́ ш дѣ́лать! ви́дна праɣне́вали ɣо́спыда Бо́га; так и бы́ть, и́ть по́мнишь ɣало́днай ɣо́т-та? бува́ла нышмуры́ɣыим либяды́ ды́ с кысьтирѐм пыпала́м и паме́лим да ишу́ быва́ла ка́к ȷидим хлѣ́п-та́.

«О́х, ɣо́спыди, ɣо́спыди! ху́ч ба́ на лѣ́та бы́л хлѣ́п харо́ш, а то́ на-ɣрѣ́х апя́ть тако́й-та́. О́х, ба́бы, ка́к я́ у ва́с засидѣ́лась-та́! пара́ дамо́й, а то́ нябо́сь рибяты ѣ́сь хо́чуть, кы́к приду́, зыкрича́ть: Ма́, а ма́! ѣ́сь хо́ца, дава́йтя ву́жинать! Прашша́йтя!»

— Счисли́ва.

Мосальскій у.

107. С. Жерелёво (на р. Снопоти; зап. часть уѣзда).

Пѣсни.

В. Н. Добровольскій. Свадебный обрядъ въ Калужской губ. Жив. Ст., г. 12-й, 1902, в. II, стр. 229 и 231.

1. Зеленая дубровушка,
Да некаму пашумѣти,
Зеленую звяселить.
Свѣт наша Мархвушка
За столикам сядѣла,
Ой на Йванушку ɣлядѣла.

2. Канапелька-былинка
Третія зелёныя
У ɣароди вырысла,
Сакланя ɣаловушку
На праву старонушку;
На правой старонушки
Каравать тисовая;
На тэй каравати
Каму спать-пачивати?
Мархвушки с Иванушкай.

3. Уставай, барыня,
Уставай, ɣосударыня:
У нас хата стоплина,
И каша ныва́рина,
ɣости назазованы.

4. Ах, ты, ябланка,
Ты, садовая,
Ты, мядовая,
Аткатилась—
Прочь ат ябланки;
Прикаталась—
К свякрѣ-матушки:
— Свикра-матушка,
Ты прими мине
Са всей ра́дустей,
Са весёлустей!
Чей пачей [1]) на пёнушки
У дудычку иɣраить?
Аринушка у матушки
Замуж апрашалась:

---

[1]) Т. е. по—чей=чей.

— Мамушка радимая,
Атдай мине замуж!
— Дѣтитка радимая,
Дерюжка ня шита.
— Матушка радимая,
Послѣ сшіишь—пришлишь.
Чей паче́й на пёнушки
У ду́дычку играить?
Аринушка у батюшки
Замуж апрашалась.
—Батюшка радименькій,
Атдай мине замуж!
—Дѣтитка радимая,
Шубушка ня сшита.
—Батюшка радименькій,
Послѣ сшіишь—пришлишь.

5. Ныпадала рыса, рыса,
На темны лиса,
На мой зилёнай сад;
На̇ вѣтьтя бумажныя,
На листья кумачныя;
Напала γрусть-тыска,
Пичаль ны майγа дружка,
Каторыγа я люблю,
С каторым γулять хажу,
Хажу калы рѣчушки,
γаварю да с милым рѣчушки,
Тайныя славечушка:
—Дружочик мой ме́леньэк (?),
Хочу нонча я так пажить,
Биз худэй биз славушки,
Биз бальшей дэсадушки.

Жиздринскій у.

108. С. Теребень (волость; юговосточн. часть уѣзда, на вост. отъ р. Рессеты).

Сказка.[1])

Записалъ А. А. Шахматовъ въ 1895 г. Съ рукописи.

Как ат γоспа̇да Боγа было на сіяюща̇м бѣла̇м свѣта̇ у началя̇ разная существо живо́тная, литѣл арел, и ён на висо́ка̇м дериви сидить. Смо́трить, идеть леў. Ён еγо челавѣческим γоласам поздравлял и возвищал: Здрастуй, γаспади́н звѣринай царь, старшый звѣрь! а ён ему азвался с земи́ толсто: Здарова, γть, арёл.—Ну, как ты полаγаиш, проти сибэ есь сильнѣя или нѣт, как по̇лаγаиш (из звирьёў)? А ён атказываить јему: Нѣт, сильнѣй мине нѣту, γть. Арёл γть: Эсть сильнѣе тибе. А ён пытаить: Хто кромѣ минэ эсь? А ён γть: Челавэк, γть, эсь сильнѣе тибе. А ён γть: О! я чилавэка аднэў̆ лапаў̆ вазму, а друγэў̆ разде^{i}ру, γть.—Ну, γть, не хвались, покуда на это время не хвались. Идеть чилавѣк ахотьник, и

---

[1]) Точка надъ гласной обозначаетъ редукцію гласнаго звука; объ ў см. сноску 3-ю на стр. 150; ў̆—тотъ же звукъ—неслоговой.

ён ему показал: Иди, дири јеγо. Увидѣл этаγа чилавэка леў и идеть и ревёть к нему. Ну ён ему раз дал, прицѣлился этот челавѣк, а он на адном мѣсти стал. Стал, стаить и арлу γаварить: леў какъ ни шырился, арлу покарился. Ну, ему некоγда стаять, давай назат бежать, а чилавэк хатѣл было у друγой зарежать, да ищо падбежать. И ён бѣжыть и арлу γаварить: Ах, γть, арёл, правду ты мнѣ сказал. Ну, γть, чим он мине издаля оγлушыл? γть.—А кабы блиска падышол, ён бы и савсѣм убил. Арёл ему атвѣчаить: А́жно ты видиш проти мине γаразда лучша. Ну, будь ты нада мной старшым братам, а я тибѣ младшым (это леў γть). Арёл ему атвѣчаить: Да я павиша тибе леⁱтаю, γть, и то на всѣ чатыри стараны паγлядаю, как бы с дерева не убицца и аб зéмь не разбицца, патаму, γть, чилавэк на свѣтя пражываить хитрастишками и навадными снастишками. Ну, ён не любить бальшэй шутки. А любить из нашых кожучек насить шупки. Ну, пращай леў, летающій с хадяўщим ни таварищ. Леў пашол, а арёл палитѣл сваим тилиγрáмом. На праходя кримѣсная [4]), халодная зима. Пришла матушка тёплая радосная весна и всим рабáм Божьим радости принесла. Литѣли Божьи небеⁱсныи птички из спасательнаγа сваγó мѣста. Аны литѣли туда, γдѣ жытели жывуть Харитоны, и всякая литѣла на свои притоны. А ихніи γрычуны [2]) никаγда не малчали. Аны падымалися, сваим γромкым γолосам закричали, с своеў с музыкай сустрѣчали, заморскых γастей выʸличали. Патом малѣющія птичка на свѣтя пражываить; называють је кýлик. Ана не пашить, ни сѣить, шатаить-летаить и то сыта бываить. Ну, кýлик не балото стереγеть, а сваю γалаву бириγеть. Ана сваю строγа γалаву бириγеть. Ана бириγетца шыбальнаγа [3]), шáльнаγа побидитяля. Эта малѣющія птичка висакó вазлетаить, длинны пѣсни васпиваить, сваё время праваждаить, даже и друγых прочих бальшых сукрашаить. Ну, хатя и вилика варона Хвилипьевна талстанóсая, ат неи толку малó зависаить. А у нас так попадауца такы́и удалы́и мастеᵃрки, попадауца им маладыи пирьпеᵃлки. Аны их ловють, сажауть у сѣтку, приносють на бисѣтку. Аны нашли апридѣленье мѣста пирьпеᵃлáм па γлавным пáдамам, па именитым γаспадáм. Ну, ихній учитѣль никаγда ни бывал γарни́стам, а пріучал их больше с присвистам. Ен ихъ абучал и

[1]) Кромѣшная. [2]) Ворчунъ, крикунъ? [3]) См. въ словарѣ шибать.

такыи же за них за работу денешки пáлучáл. Но как салавэй-пташка никаγда не наряждался в рубашки и ни ў чом ни давал прамáшки; ён нпкуда не литаить, повсяγды на земи бываить, славными разными γаласами васпѣваить, малодушак выличаить: здрастуйтя, малотки, красныи γаловки. Ни уγоднá ли вам, γть, ат скýки чистинькей барадки, а то ни потирял ли ат сва͡яγо башмакá абмѣряной калóдки; а каγда пойдетя у путь, попраситя у Боγа паγóдки. Ну, вы, маладицы и дивицы, харашо пѣсни паётя, а да салавья ищо никаγда ни дайдёте. Я вижу, γть, малодки, вы засéрдились на мене, но я, γть, не смалчу пра сибэ[а]; у мене, γть, у малотки была у стóрону поддѣўка, хвамилья драпка. У моей у драпки нé было ни ватки, ни ватки ни патклатки. Былá сорок чатыри заплатки и ўси были бакá γладки. Патом случились худыи у мине авчинки, на стȯ рублей пачинки. Никаγда не было надо мной никакэй [1]) причинки. И зарадúлся такой лѣнтяй и неγадяй. Этот лѣнтяй и неγадяй даждал тёплаγа лѣта. Шол на рыбную рѣчку, этот лѣнтяй на бéрешку сидить, у рѣчку γлидúть, рыбку ýдить. Ну, хто рыбку удить, тот дабрá никаγда не дабýдить. И заявилась к нему нужда на плечó. Яму јe насить стало очень γáрячó. Спустилася за бакá, прахватилȯ до ребёр. Так этот челавѣк савсѣм и памёр. Это состаяніе составил дирывенскый мужичок, ниγрамотный старичок Григорій Ихимов Клачков.

109. Д. Милѣево, Теребеньской в. (на зап. отъ р. Рессеты).

П ѣ с н и.[2])

Записалъ А. А. Шахматовъ въ 1895 г. Съ рукописи.

1. Чиγо хýжы ў свѣтя эсть
Што же[а]нáтаγа любить?
Ён же[а]нáтай праклятай,
Ягó ўочень жись бе[а]днá.
γдѣ ён ходить, γдѣ γуляить,
За ним сё жынá сматрить.
Как я жонки [3]) не бауся,
Я γуляў усю ночь,
Я γуляў дȯ пары,
До утришней до зарú.

---

[1]) Въ рукописи надъ э поставлено ö (для обозначенія, что слышанъ звукъ сходный какъ съ э, такъ и съ ö).

[2]) Точка надъ гласной обозн. редукцію гласнаго звука; на мѣстѣ ѣ наблюдатель слышалъ или полудолгое е довольно закрытое даже передъ твердымъ согласнымъ, или дифтонгъ i͡e; объ ў см. сноску 3-ю на стр. 150.

[3]) н здѣсь задненебное.

Как зо́рюшка за̀нялась,
А я мо́лодэц дамой пашол
Па дарошки сталбаво́й.
На ўстрѣчу ка мнѣ смерть
идёть.
А я смэрти не баўся,
Смэрти ў ноγи па̀кланюся:
Ух ты, смэрть ма͡я расприкра-
сна·а,
Умари́ ма͡у жаву́.
Ни дайдёмшы (ни дашомшы) я
да до́му,
За̀хварала моя жына́.
Прихажу́ я двару́,
По́мэрла́ моя жына́,
Накрыта бе'лым па̀латно́м.
Я пріўда́рил кулако́м,
Сам на у́лицу пашол,
Караγо́ду пада̀шол:
Здрастуй бабы, здрастуй дѣўки,
Я сам хо́ласт, ни жеᵃна́т.
2. Паслѣдній час разлуки
С табоў дараγоў,
Не вижу кромѣ скуки
Утиᵉхи никакой.
Нихто мене неўти́шить,
Нихто ни развесе́лить.
Одна была утиᵉха:
Мил плакать ни вилиᵉл.
γуляла уо́ садочку,
γуляла ў зиленоᵘм,
Искала ми́лаγа слѣдочку,
γдѣⁱ γулял са мноў,
Садіlась [1]) ка кусто́чку
На зе́лену (мяхкуў) траву́.
Литѣли там двѣ пта́шки,
γалупка з γалупко́м.
Одна из них спархну́ла, сиᵉла
На биᵉлу γрудь ма͡ю,
А я млада ўздыхну́lа
Па ми́ла̀м па сва·ӧᵃм.
Идѣ ма͡я диᵉlась атра́да,
Сэⁱрёжа пастушо́к?
Каγда хадіl [3]) ат ста́да
Ка мнѣ на крутай бережок,
Садіlся [3]) са мноў рядом,
Играл ўа ражок.

Орловская г.

Брянскій у.

110. **Д. Лито́вня, Во́роновской в.** (на границѣ со Смоленской г.).

Разговоръ.

Е. Ѳ. Буде. О говорахъ Тульской и Орловской губ. Сб. Ак. Н., т. 76, 1904 г., стр. 86 и 88.

☞ Мы адвэ́й во́ла̀сьти с не́й: Wо́рнаўскэй, дире́ўни Wо́рънаўа, прихо́т сяла́ Мӑшанца́. Меⁱне́ зва́ть Алдо́тья. У на́с то́жа ўсё три́

[1]) *і* вм. *и* обозначаетъ, что согласная передъ нимъ немягка.

палы́ шы́ють[1]): хтó кáк пъжалáить: дастáтăк хватáить—палýч̍ч̍я[2]) сашъёш![3]) Завѣ̆скă—свая́, а хвáртуки купля́ють: хвáртуки тожа шы́ють: мы маγё̆м сáми шы́ть, кълинкóру вазьмё̆м и сáми шы́јеім. Кружоуви́ мы вязё̆м сáми на крюӵшёк: ён кăк с прóвăлкп—ўсё раўнó.—Ёсьть и ў нáс с казны ўчи́лишша: был учи́теіль, ды ямý ни пъжалáлăсь: дéшъва; чпӵис—учи́теільницă. У нáс празóрьстăй нарóт: ў Мужы́нъви[4]) аднá и пъγавóркă, и прядýть Мужы́наўски бáбы кáк-тă ни па нáшъму: аны́—ў другóм краю́, аны́ гъваря́ть па-рýцки, а ни па нáшъму.—Ри́ччю[5]) ръсказáть? (На вопросъ собирателя о свадебныхъ пѣсняхъ).

(Русалки) трáтють скóт, ўрóди пóрьтють мълакó, аны́ ш русáлки-вѣ̆дьмы нъзывáютцă: нахóдить блаγáя минýта па јйх. Ёсьли ни вы́льчють, то памрѣ̆ш: маγѣ̆ть спóрьтить: анá ни шшакóчить, э̆тăγа нѣ̆т у нáс. Мы хóдим γ дъхтаря́м: óн вады́ нъγавáрьваить—э̆тă яγó дѣ̆лă; и г бáпкăм хóдим: вадý даю́ть. Мы́ ни маγё̆м: шэ я́ млáда, γъваря́ть, пóльзы ни бýдить: катóрыји γадóў сăраки́, ат э̆тăγа лýч̍ч̍и—пóльза, тады́ паўӵюсь видьмувáть: јéгă ш калдýють: ёсь такíји, катóрыји—ўрéд: в аднэ́й áли въ друγэ́й ёсь и ăт абжóγи выγавáрьвають, спасóбія даю́ть. Ат абжóγи картóшку трё̆м сырýя: жáр вынимáить; на ти́рки трё̆м áли нóжыкăм паскрáбăть, кадá ти́рки нѣ̆т. А тó лýк пякýть и мы́лă талкýть: э̆та скýлă бывáить на рукѣ̆ áли γдѣ̆-ньбуть, стáнить прастýда вы́хади́ть и привя́зъвăпм: мяхч̍éить. Кáжьнию субóту тóпим ды и мы́јеімсă: па дастáтку—дварóў чи́рьз дися́тăк, а тó к ӵюжы́м хóдим. (А есть избы «почерному»?).—Ни маγý таѣ̆ сказáть: избы́ три́ ёсьть. Тóт жывѣ̆ть ў хáти па-плашэ́йшы јéтăγа: ўóсимь[6]) аршы́н ў цьвятý[7]), ў сирѣ̆тки дéвить аршы́н и ў баγáтых—тóжă: шпарéлъми, а ў нáс—бѣ̆лыји пря́мă: ви́ш! Запáдьний ýγал—прóтиў сьвятóγă[8]), дьли́ сьвятóγă—кýт: хтó памрѣ̆ть, кладýть óт тýг, на лáўку, на кутю́, ў сьвятóм, зьли́ сталá!

---

[1]) Подразум. юбку.

[2]) ч—мягкое, ч̍—болѣе мягкое, ӵ—еще болѣе мягкое.

[3]) Авторъ не объяснилъ, означаетъ ли здѣсь ъ слоговой звукъ, какъ въ „пъжалáить", или только твердость *ш*.

[4]) Разумѣется с. Мужилово, Акулицкой в.

[5]) Рѣчью, т.-е. пѣсню сказать, а не спѣть.

[6]) Въ подлинникѣ вмѣсто ў—*в* съ такимъ же знакомъ.

[7]) По фасаду?

[8]) Т.-е. образа.

Мценскій у.

111. Д. Заро́ща, Каве́ринской в.

Разговоръ.

Е. Ѳ. Будде. О говорахъ Тульской и Орловской губ. Сб. Ак. Н., т. 76, 1904 г., стр. 66.

Рву́ть тра́ўку ăт младе́нскъва; атто́пють, купа́ють и даду́ть напи́тцă рибёнку: крикнёть, γласки вы́ıупить и ляжы́ть бйза ўся́кăй па́мьти. Аттре́пить мла́т,—и адды́шы́ть, а то́ jе́сь и памре́ть. Яўо́ и мла́т и не́дух нъзыва́ють. Он дёрγаитцă, а ту́т пракри́книть апя́ть; а то́ кăк спи́ть, ти́хă ляжы́ть; бо́льшы се́ кăк ради́тцы, када́ γру́ть сăсе́ть. Jе́сь—ăдγава́рьваю́ть: ана́ сабѣ́ пад но́с, пъляγо́ньчьку. Се́тъки к аднэ́й иду́ть вярсты́ за́ три: ни ўся́кăй зна́ить. Мо́жыть, хто́ из дядо́ў зна́л и сказа́л ба́пки.—Пъсăланѐй насо́лиш, зъжыва́ить ат ква́су жыво́т. Вады́ нăтипяти́ш, муки́ насы́пиш ў дѐжъчьку и ръзбалта́йш, γу́шшы пало́жыш: о́н и зати́сьнить, а тады́ зăпушша́итцă вадо́й; к ве́чиру ăтстаи́тцă и ста́нуть пи́ть.

Орловскій у.

112. С. Станово́й Коло́дезь, Покровской в.

Разговоръ.

Е. Ѳ. Будде. О говорахъ Тульской и Орловской губ. Сб. Ак. Н., т. 76, 1904 г. стр. 41—42.

Пишы́, пишы́: Хидо́сья! Па на́шъму— ăднадўо́рцы[1]), па ва́шъму—крисьтiа́нскїjи. Мы γăспада́м ни тые́, а мы́ самъму́ γăсуда́рю кристiя́ни, мы γăспада́м ни пътчинё́ны бы́ли. Я хазя́йкя: што́ ў до́мя jе́сьть, то и пе'ку́: су́п, ка́шу ва́рим; кады́—лапшу́, натрём jiе́, накро́шым дро́бна, у ва́р заки́не'м ў пе́чьку jiе́, кады́ ста́ним абѐдать, вы́тъшшым. Пе́рь пъдбива́им ме́жы, тра́ў сре'за́им, што́п ни расла́, ни γлушы́ла ăγурцы́ на γаро́дя, а ў паля́х у на́с на пако́с хо́дя'м, γрибём сѐна γра́блими, тады́ ў ко́пны склада́им, на о́з нъвива́им да двару́ во́зим. Усѐ ў сăръхвана́х, кăк ви́тьтя. У на́с ска́чють и танки́ во́дють. У мя́ му́ж жыў.

---

[1]) Въ подлинникѣ вмѣсто ў—*в* съ такимъ же знакомъ.

Карачевскій у.

113. С. Вельяминово.

Разговоръ.[1])

Е. Ө. Будде. О говорахъ Тульской и Орловской губ. Сб. Ак. Наукъ, т. 76, 1904 г., стр. 67.

γăлавá крѣ́пкă вóчинна, знóб и тóлькя тыје̄: ăж γлазá мајú вóн прѣть. Нѣ́ту ничя̆ўó, фсяγó дьня́ чятыри; трясéнья никакóŏ нѣ́т: ни пирьстаѣ́ть знабúть — тóлькя тѣ́м низдарóў. Ни маγúть притú: дáжы̆ ни пăдьнялси: дéн пять у нáс тáм γáть γáтьтцă: стáлъть яγó—прăстудúлсы, тáхтă сказáть, лёх на зéмлю; ўрéда бýдить ăт сырэ́й зямлú. Придéм—пакóрьмим нá пъля. Дапéрвă—ничя̆ўó ён у сибѣ́ ни видáл јéтаγа дѣ́ла: при сабѣ́, нирăзумѣ́нья у няγó, плахóγă ни видáл: γаспóть мúлъва! ат случя́ю. А пéрь γрýть! Вéсь какъ сьвязáнăй! С типѣ́лăю вадóю примáть?

114. С. Непряхино.

Пѣсня.[1])

Тамъ же, стр. 68.

Табѣ́ какýю: свадéбную ай абы́γры̆вальную? Аднэ́й иγрáть?

У нáшам ў сáдя
Стая́ли харóмы:
Ва тэ́х ва харóмăх
Нъчя́валá тáм бáрыня,
Бáрыня Марыʹнушкă;
Симён Митрéявичь

Разьбúл каты́ нóвыји,
Стаптáл чюлкú бѣ́лыји,
Па сѣ́нюшкăм хóдимчи,
Марыʹнушку вóдимчи.
— Марыʹна Митрéйвна,
Ни парá ли табѣ́ ўставáть?

Этă—абы́γры̆вальнăя! Типéрь ўсé! Сканьчя́на!

Трубчевскій у.

115. С. Гололобово (юго-вост. часть уѣзда, почти на границѣ съ Сѣвскимъ уѣздомъ).

Два разсказа женщины.

Запис. А. Ѳедосѣева послѣ 1900 г. Съ рукописи.

1. Ен нас аткинул прочки; муж принес руп, а ён кинул назат. Ну я яγо в стѣнучку ваткнула ат дятей, что яны яγо пар-

[1]) О *ч* см. сноску 2-ую на стр. 158.

вуть. А назавтряɣа етат я руп мужуку атдала, а мужик на паденьшину ушел. Думала, думала, ѣсть мнѣ нечеɣа, взила да и пошла в долɣ хлѣба взила. Пут тэй взила, давай ѣсть яɣо, а ён с барскаɣа двара яшше принес два пуда хлѣба и руп дених. Етых я два пуда взила спикла, а свякрова ɣаварить: Что ш ты курям ниставила? Я свякровы сказала: Арел их дяри, етых курей! када у мине куры будуть, тада буду карьмить, а типерь мнѣ дятей нечим карьмить. Спекся хлѣб, свекор взял карвишку, а там друɣую. Я тады сказала свекру: Батюш, батюш, баɣат будишь—брать па дьвѣ карвишки! атдялил нас—нечеɣа хлѣб наш брать. А ён и ɣаварить: Я тябе атдялил, а яɣо ни атдилял. Врось ѣли нядѣли дьвѣ хлѣп, а там ипять в кучку сашлись. Пришел свекар, два девиря, взяли и давай драцца. Девирь взял и давай са мной руɣацца, а патом взял маю шубу, панес и ɣаварить: пасяку! Назавтряɣа мнѣ дѣти ɣаварять, что дятька взял дярюɣу и панес сѣчь. Я ш даɣадалась, что ета ён взял шубу. Послѣ этаɣа мы раздялились. Нам дали лошаденачку, дьвѣ авченачки и хату.

2. На Святэй нядѣли лижал, а на Потставное васкрисення [1]) помер. Паднилась я утрам, а ён ɣаварить: Иди, бяри хварасток и тапи хату, ты ня бось, бяри смялѣй, мы яɣо вмѣсти вазили. Тутта ён лижал, а я ввутрѣ подашла к няму, а ён все на руки ɣлядить. Я ɣаварю: Хороши да хороши! вот бросишь ты мине... А ён: Я с табою буду. А матка у мине спрашиваеть: Вольɣа, ёсть у тибе свѣчка и платок?—А вон на бажнички.—Иди-ка вон, даɣани: батюшка в зарабатки пашел, чтоп мине падаждал. Пришли ат абѣдьни, ён зайшел к няму да и кличить: Фядос, Фядос! узнал ты мине?—Батюшка, ён ɣаварит. Приходить свекар, а я ɣаварю: Фядос, узнал ты, хто пришел? А ён сказал: Атец, атец. Ён падайшел к нему и спрасил: Фядос, ɣдѣ ш тваи деньɣи? А ён заплакал. Свекар пашел в сваю хату, а ён канчацца стал. Ён умер, мы пакликали, а нявѣстка бяжить и ɣаварить: Ён притварился. Тут яɣо абмыли, палажили на лавку. Тут ина пришла, заɣаласила—нявѣстка тая. Паɣаласили да назавтряɣа и пахаранили.

---

[1]) Первое воскресенье послѣ Пасхи.

Сѣвскій у.

116. С. Глядино, [1]) Литижской в.

(Вост. часть уѣзда, близъ ст. Комаричи Моск.-Кіево-Ворон. ж. д.)

Разсказъ крестьянина.

Записалъ Г. Платоновъ въ 1904 г. Отвѣтъ на краткую прогр. 2 Отд. Акад. Наукъ, № 86. Съ рукописи.

Дѣла было́ апасля́ пажару. Съѣздил я у воласть, узял даставире́нья и стал сабирацца у γорат. Жили мы а ту пару́ у рызя [2]) у дяди Ларивона. Толькя я вазю́ся вокала тилѣγи, а Алγутка [3]) управилась с печкаю и стала картохами кармить Ликсаню. Паγлядим, палицевнай идѣть к нам. Пришол и спрахаваить: Куды́-йта ты сабираисся?—Да, мал, хачу съѣздить штраховку палучить.—А наша, γрить, усё апшаство за лѣсам на хаты ѣдуть. Што тут дѣлать? Атставать нихо́цца и де́них на задатак нима́. Алγутка и кажить: Да ты схади к Титку, мо́жа выручить.—Так-та так, да биз маγарыча ни дасть.—А ты захвати шкалик.—А деньγи идѣ? Вазьми алляную халсти́ну на патоло́цѣ, атняси, да γляди, паме́ня бяри, а то я ийе и ня выкупю. Так я и здѣлал. Выпили с Титком; ён дал на задатак краснай. Вот, и паѣхали мы за К. Чу́тна было́, шту там стру́бы патхадяшша прадають. Пріѣхали у Б. Стараста и кажить мнѣ: Ларивон, у тибе пашустрѣича лошать, забиγи́ у ро́шшу, можа ни ручнѣй ба было́ тут? Я, ни до́лγа думавши, верть и паѣхал мижником пряма на парупку. Пакиль там пастаял, наши ужу далека уѣхали. Ѣду адин ни дужа так штуп спѣшна, дивуюся на икано́мскаи хлиба́; парамнялся с хутарью чіею-та, глять, а там на дварѣ калодись. Дай, думаю, папаить лашатку, усе-таки пависилѣить. Узъѣхал, ды толькя к калодизю падвярнул ды хатѣл цыбарку ташшить, аткиль ни вазьмись прикашшик, как затапочить на мине да закричить: Хто ты? да как смѣл! Насилу уѣхал. Ну, старγавали мы аγулом и по́чали вазить. Сваю хату я пиривес талако́ю сразу усю априч матицы. Кали́ я паѣхал за ею, дак ипять заижжал на ту́й-ту хутарь, идѣ прикашшик лютой. Ну, толькя я яγо, как у друγой

---

[1]) На картѣ Литижъ.

[2]) Въ ригѣ.

[3]) Евгенія.

рас ѣхал, то ни зарабѣл, патаму сустрѣл хазаина ды папрасился напаить лашидей. Ён вилѣл. А я и кажу: Ды там прикашшик дужа руγаицца и ни пушшаить к калодизю. Тады ён хвать ис кармана книжичку—пись, пись и падаѣть мнѣ, а сам уча́л бранить прикашшика. Пріижжаю на хутарь, толькя патпустил лашидей к жолубу, а ён и вот ан ипять ка мнѣ как закричить!... Напаивши, стал я падвязавать павада, а сам и кажу: Што ш ты дужа руγаисся? ай табѣ ни прихадилась у даро́зя бувать? Ён ишшо хужа с етах маих слов узъѣлся: А, γрить, ты асмилѣл! ды ка мнѣ. Вижу, дѣ́ла пло́ха: чичас па зубам треснить ни за́ шта, ни про́ шта. А записка та у мине у калпацѣ была. Я скарѣй калпак далов ды и падаю́ записку. Ён прачитал и сразу памяхчил. Пашол, γрить, да γляди, штуп у мине хлѣба вокала дароγи ни заижжать! С тым я и уѣхал.

Курская г.

Путивльскій у.

117. **С. Козино.**

П ѣ с н и.[1])

М. Г. Халанскій. Народные говоры Курской губ. Сб. Ак. Н. т. 76, 1904 г., стр. 116—203, №№ 75, 90, 163, 245, 254.

1. Асвяти́ свитёл ме́сиц до́лγа с ве́чира,
Асвяти́ маму́ любе́знаму даро́жиньку,
Штоба ви́дна бы́ла е́хать добраму мо́лаццу
Кы харо́шай, кы приγо́жай, кы чужэ́й жаны́.
А харо́шая, приγо́жая чужа́я жана́!
Как зае́ду я в задніи варо́тичьки,
Привижу́ я варано́γа каня́ кы варе́юшки,
Прикажу́ я варано́γа каня́ кра́снай де́вушки,
А сам пайду́ до́брай мо́ладиц на широ́кай двор
Кы харо́шай, кы приγо́жай, кы чужэ́й жаны́.
Как стапчу́ я камо́к сне́γу, сне́γу бе́лаγа,

---

[1]) *е* всюду очень закрытое (близкое къ *і*).

Как уда́рю я у стяну́, стяну́ ка́миннаю:
«Ли́ба вы́ди, либа вы́шли, ли́ба ткрой, душа, вакно́,
Паγляди́ хочь ув ако́шичка нямно́жичка;
А скажи́ мне славе́чушка яди́ная,
Взвисяли́ маё сярде́чушка ряти́вая».
— Ни аткро́ю я ако́шичка нямно́жичка,
Ни скажу́ я табе славечушка яди́наγа,
Ни взвисялю́ тваγо́ сярде́чушка ряти́ваγа.

---

2. Харо́шая на́ша де́вушка-чиляди́н
Рассы́пала аре́шики, кык ади́н.
Ой хто ж та тыи аре́шики падабра́в?
Ой хто ж тые́ канпанію разаγна́в?
Панае́хала канпанія—цэ́лай двор,
Взя́ли, взя́ли маγо́ ми́лаγа с сабо́й,
Да ни жаль жа мне, што ми́лаγа узя́ли,
Ой жаль жа мне,што ня кре́пка связа́ли,
Атарве́тца мой ми́линькай, утячёть,
А ён жа маю γало́вушку наталчёть.
Пад застре́шкай варо́бушка лита́ить.
По́лна, полна варо́бушки varуши́ть,
По́лна, полна кучиря́ваγа люби́ть.
Палюблю я прасту́ю γалову́,
Чи ня бу́дуть мине́ люди знать,
Чи ня будуть пападдёю называть,
Пападдёю да йшше ма́тушкаю.
3. Ой пла́вала се́ра у́тушка по́ марю,
Распусти́ла да ря́бая пе́рря на ваду́;
Распустёвшы чижалёхунька вздыхну́ла:
Охо-хо, да γало́вушка бе́дная!
Ой хто́-та маму́ вяли́каму γо́рю памаγе́ть?
Ой хто-та маё д ря́бая пе́рря падбя́реть
Ой хто-та яγо́ на кры́лушки укладе́ть?
Азаве́тца силязе́нюшка на лятў:
Ни жури́ся, се́ра ву́тушка, на́ мари,
Ой я тваму вяли́каму γорю памаγу́,
Ой я тваё да ря́бая пе́рря падбяру́,
Ой я яγо́ на кры́лушки ускладу́.

4. Салаве́й, ты, мой сало́вьюшка!
Шшибятли́вая да вольная пташичка!
Ни лита́й жа ты ми́ма са́дику,
Мима са́дику да зилёнаγа,
Ни сади́ся ты над маи́м акно́м,
Ни спива́й ты жалабнёшунька,
Жалабнёшанька да рана-ранёшунька,
Ни буди́ ж ты маладёшуньку.
Ох и я ж та маладёшунька
Как устану ды рана ранёшунька,
Как умыюся да бе́ла-бялёшунька,
Как утру́ся бе́лым палатёнушкам....

5. А в по́ли крини́ца,
Кала́ ей трави́ца,
Там ветры ня ве́яли,
Я́вары ни шуме́ли.
А в сва́шуньки на руце́,
На выши́ванам рукаве́,
Там мо́ладиц каня́ паи́в
И с сва́шунькаю ре́чи γавари́в.

Суджанскій у.

118. **С. Заломное.**

Пѣсня[1]).

М. Г. Халанскій. Народные говоры Курской губ. Сб. Ак. Н. т. 76, 1904 г., стр. 230—231, № 285.

Ой па ре́чюньки силизе́нюшка плыве́ть,
Выша берюшку γало́вушку нисе́ть,
А па у́лицы ш да мите́лица мите́ть,
Па мите́ли до́брай мо́ладиц иде́ть,
Да шаγам за мо́латцам рявни́вая жана́;
Свали́лася чёрная шля́па с малатца́.
Падыми́, шельма, рявни́вая жана́!
Ох я думала ш да ни ду́мала падня́ть,
А пайду́ я ва зилёнай сат γуля́ть,
А влавлю́ я маладо́γа салавъя́,
Маладо́γа, шшо мало́динькиγа,
Пасажу́ иγо́ на ле́ваю руку́,
С ле́вай руки́ я на пра́ваю,
С пра́вай руки я у клётачку,
За сире́брину се́тачку,
Сама́ ш ся́ду ж на скаме́ичку,
Стану, ста́ну иγо́ спра́шавати,
Разγаво́ры разγава́ривати:

[1]) *е* всюду очень закрытое (близкое къ *і*).

А скажы́, скажы́, сало́въюшка,
Скажы́, вда́лая γало́вушка:
Каму во́ля, каму́ во́ли нет γуля́ть?
Во́ля, воля кра́сным де́вушкам γуля́ть,
А мало́душкам мужъя́ ни виля́ть,
Ни виля́ть да ни прика́завають.
Да мало́душки три забо́тушки:
Как и пе́рвая заботушка—
Муш, нивда́лая γало́вушка,
Замата́йла-замата́йлушка,
Замата́л сваю́ да γало́вушку
На чюжую да старо́нушку,
На чюжу́ю, низнако́маю.
А друγа́я забо́тушка—
А люта́, люта́ свикро́въюшка,
Люта́, люта́, биспаря́дашная,
Пасыла́я ш и туда́ и суда́,
Туда́, суда́ ш а в тямны́ паγриба́.
Ох и я млада́ заме́шкалася,
Зилина́ вина́ натре́скалася,
Сла́дкай во́дачки ж да нало́палася.
Ах и третья забо́тушка—
Радила́ся нивспако́йная дитё,
А всей сямъи́ спако́й ночи нидае́ть.
Свико́р ба́тюшка лю́личку шъе́ть,
Свикра́ ма́тушка пилёначки диреть,
А ниве́ски свива́льни плету́ть,
А зало́вачки падγу́зачки дяру́ть.
Я паве́шу вот люличку
Протя печки на γря́дачки,
Сама ся́ду вот на ла́вачки:
Да люли люли, маё ди́титка,
Да баи́, баи́, маё ми́лая.

---

119. Обоянскій у.

Разсказы.

Записалъ А. С. Машкинъ въ 1850-хъ гг. Курскій сборникъ. Вып. IV. Матеріалы по этнографіи Курской губ., т. III. 1903 г. Стр. 106 и 109, №№ 5 и 15.

1. Ув адном сялѣ умирла такая баба, што жыла худыми дилами: каγо испортя, кому люжбу издѣлая, баба—вѣдьма. Умирла и умирла—нечиγа а том казать. Тольки стали примичать люди, што ана кажнаю ночь приходя дварy. Придя, бувалача, паразбудя дитей, памоя им γолавы, причеша и уйде. Ни рас и муш видал, што ана дѣлая. Пришол ён к папу и расказал яму а жанѣ. Поп збил міp, аткапали маγилу—ана ляжыт ничком у γрабу. Поп прачитал малитву и вялѣл забить ей у спину асинавай кол. С тѣх пор—как бабушки уходили: пирстала баба выхадить из маγилы.

2. Был у насъ станавой, ни тѣм яγо паминать: типерь уш ён памёр. Любил ён больно денишку. Вот даслыхалси ён, што у аднаγо баγатаγа мужыка была тысича рублёв дених, и давай при-

думывать, как бы jих палажыть у свой карман. Ня долɣа ён думал; смикалка-та у ниво здаровая на всѣ прадѣлки. Вялѣл ён сваяму рассыльнаму, такому ш выжаɣи, издѣлать чилавѣчью чучилу, замазать jие кровью и падбросить к мужыку на ɣарот. А сам ночью пріижжаить у то сяло и кричить: Давайтя мнѣ хватеру!—Идѣ прикажытя, ваша блаɣародья? успрашивая соцкай.—Ну, хочь у такоɣа-та мужыка. Привёл яɣо соцкай на хватеру, и мужык пришол к няму на паклон. Станавой и приказываить соцкаму узять у каɣо-нибуть сѣна зли яɣо лашадей. А хазяин и кажа: Зачѣм жа, ваша блаɣародья, хадить далёка за сѣнам? мы сами ради служыть вашай миласти,—ни у первой вы у мине астанавливаитись: чѣм баɣаты, тѣм и ради. Узял мужик хванарь и пашол с рассыльным за сѣнам. Рассыльнай как толькя пришол у сарай, и хватил сѣна пряма у том мѣстя, идѣ лижала чучила, и закричал: Ах, батюшки! тут мертвай ляжить чилэк! Мужык как ɣлянул, так и абамлел. Што тут дѣлать? Прибѣх у хату и бух станавому у ноɣи: Батюшка, такой-сикой, стань за атца, за матиря! знать ни знаю и вѣдать ня вѣдаю, аткуля на мине такая напасть! Станавой закричал, залапѣл, вялѣл было ɣрамаду збивать, а даля збил с мужычка тысичку и паѣхал; и чучилу с сабою узял. Да што казать! ни ув адном сялѣ пабывала ета чучула; пабралси станавой за ніе дених.

---

120. Д. Саломыкова

(на р. Реутѣ, въ 35 в. отъ Курска и 30 отъ Обояни).

Пѣсня.

Записала Е. И. Рѣзанова. Курскій сборникъ. Вып. III. 1902 г. Матеріалы по этнографіи Курской губ., ч. 2-я. Стр. 38—40, № 59.

Катярина па базару хади́ла,
За три капейки куде́люшку купила,
Куде́ля ничёсаная.
Ничёсана, нивалочиная.
Ох, када тибе, куделюшка чисать,
Када тибе, чеса́ная, валачить?
У панидѣльник я динная [1]) была,

---

[1]) Дежурная.

Ув авторник паденьщицаю,
У сéреду жаркаю баню тапи́ла,
У читверх а у ба́ницу хадила,
А у пятницу усѣ люди ни прядуть,
А у суботу—радитильскай день.
Васкрисéнья я к абѣденки пашла,
Ат абѣдинки я к кумушки зашла.
Ва кумушки бисѣдушка висила—
На бисѣдя я увесь день прабыла́,
Пра тó, пра всё разбалакалася:
Пра кали́нушку, мали́нушку,
Пра чёрнаю чирёмушку.
Чирёма, чирёмушка мая,
Ох, чирёмушка, γустинькяй кусток!
На чирёмушки бѣлинькяй тьвяток
Даляко в пóля билѣитца,
Билѣитца, зилинѣитца,
Чирис три пóля виднѣитца.
Ох, хто ш у нас и харош и приγош?
А хто ш у нас чирнабровай, чирнаγлас?
А хто ш у нас па ву́лицы праижжал?
Матвѣюшка и харош и приγош,
Павлавичь чирнабровай, чирнаγлас;
Матвѣюшка па вулицы праижжал
Павлавичь па ширóкой вулицы.
Ох, Мархвушка у варóтичках стаить,
Матвѣивна у широких варатах.
— Аткута́й, Ма́рхвушка, варата,
Матвѣивна, успушшай малатца!
—Матвѣюшка, я сердита на тебе,
Павлавичь, за вчирашнію за γрубость за тваю:
Бис тибе, друх, пастéлюшка халадна,
Пат карватку буён вѣтер паддувал,
Пат пиринушки марос патпалос,
Адіялица зиви́ндивала,
Падушачки патанули ва слизах,
Вазγоловья раскидала ва серца́х,
Тибе, дру́шка, дажидаивчи,

Сваю долю праклина́ивчи:
То́-та доля, то-та долюшка мая,
То-та долюшка бисча́сная.

Курскій у.

121. ### Д. Будановка.

Пѣсни. [1])

М. Н. Халанскій. Народные говоры Курской г. Сб. Ак. Н. т. 76, 1904 г., стр. 295 и 299, №№ 359 и 364.

1. Да и нынча у нас паγо́душка,
Да за́втре в нас нивзγодушка,
Да вязу́ть братца ва сылда́-
тушки.
Да па нём плачуть ате́с и мать,
И три́ сястры жала́нницы;
Сама бо́льшая каня́ видёть,
Сире́днія збро́ю нисёть,
Сама меньшыя з бра́тцам идёть:
Ты адин ю на́с,
Да ты до́брай бра́тиц;
Када братис в γо́сти придёть,
Пади́, сиштра, ка бери^{е}шку,
Ты пасто́й, сиштра, на ка́-
мушку,
Да каγда́ пясокъ кро́въю зай-
дёть,
Тада бра́тис в γо́сти придёть.
2. γало́вушка мая забале́ла,
Всю я но́чинькю ни спа́ла,
Друшка́ к сибе́ дажыда́ла:
Уш мо́й-та разγалу́пчик
Са мно́ю ни прасти́лси.
До́лγа ми́лыва не́ту,
Знать полюби́л да ино́ю,
Падли́ц размило́ю,
Са́шку маладо́ю.
Ай, и ты ни зна́иш,
Падли́ц, маё γо́ря,
Я́ ш па тибе́ стры^{а}да́ю.
Уш я ля́жу на паду́шку
Слизо́ю залью́ся,
Тибѣ́, друшка, ни дажду́ся.
Ужо свéт биле́нькяй,—
Иде́ть мой миле́нькяй,
На паро́жачик ступа́я,
Чижало́ вздыха́я,
Иво жи́нка лая,
Ва γлаза́ иво́ руγая:
«Иде́, иде́, сволач, сля́лси,
Иде́ валачи́лси?»
— Да ночно́ю вшё паро́й,
Да с чюжо́ю вшё з жано́й.
«Да чiя́ ш жинка лу́т^{ч}ч^{ш}а?»
— Да чюжа́я падаро́дняй,
Вана ли́чикам биле́нькя,
Да γлыза́ми висиле́нькя,
Да сабо́ю хороше́нькя.

---

[1]) *е* всюду очень закрытое (близкое къ *ѣ*).

Щигровскій у.

122. Д. Ясенки́ [1]).

Пѣсня.

М. Г. Халанскій. Народные говоры Курской губ. Сб. Ак. Н. т. 76, 1904 г., стр. 315—316, № 386.

Над ре́цᶣкаю хвате́ра,
На хвате́рушки салдат,
Хороше́ шильме́цᶣъ убра́т,
Чёрнами му́шками усажо́н,
Пирид ро́таю стая́л,
Пирид ротаю сто́ивцᶣи
На девушак ɣледивцᶣи,
На красниньких смотривцᶣи,
Ману́л па́рянь девису
На свою́ старану́.
На на́шай на старо́нки
Развисшёлаё шитьё,
Жить приво́лья харашё;
Три забавы хараши́
Да три заба́вцᶣитаи:
Пе́рвая заба́ва—
С ве́чира дажжо́к;
А друɣая ли заба́ва—
Сы палу́ночи снижо́к;
А третья заба́ва—
Кы бялу́ свěту́ маро́с,
А мне ехать ɣадило́сь,
Тро́я са́нак катило́сь,
Тро́я пи́санаи
Да ишшо́ с вырязами.
Ва пе́рвых ва са́нах [2])
Васпльюшка ба́рин,
Иванавицᶣъ двариння́н...
‹Ушся› (сказала пѣвица, окончивъ).

---

123. Д. Горностаевка.

Разговоры и пѣсня [1]).

Тамъ же, стр. 208, 213 и 211, № 265.

1. Адда́й зипу́н, нихай ма́мка пакре́пить. Ха̄лсты́ вы́мала, кык ки́пеⁱнь ста́ли. Усё дабро́ у два сьвя́сла связа́ли ды унясли́. Купа́тца с ва́ми ни жа̄лаю. Я чюлки́ веⁱжу́, а Ду́нька̄ визёнки визёть [3]). У йиво ɣреⁱчиха пасе́ина у ла̄шшы́ны, па̄збо́чь на́шай диля́нки.

2. Изма́лкина Аню́тка спаёть тибе́ пе́сьню: ана́ мъне́ ɣавари́ла. У нас у дире́вни толька̄ и найдёш што у Симёна у Кра́снава. Ма̄-

---

[1]) *е* всюду очень закрытое (близкое къ *і*).
[2]) Такъ (са́нах) въ подлинникѣ нѣсколько разъ.
[3]) Вяжетъ.

ма́ша, папраси́ ты за нас па̄па́шу[1]). Па̄паша йиво́ дура̄ка́ уш исьчюня́л, исьчюня́л... Ды што̄ ш ты сь йим изьде́лаиш? Наш Ва́нька узьле́с на ры́γу ды правали́лси; кэ́эк γо́книть о́б зем: чяса́ два мёртвай лижа́л, наси́лу ачюне́л.

3. У бару́, бару́, у зилино́м саду́,
Растёть я́γада самаро́дина,
Спиле́й ийё у бару́ не́ту,
У бару не́ту, у зилино́м саду,
У вавсём ви́шанью,
У ва всём арешанью.
Вумна, вумна кра́сная де́ушка,
Умней ийё у раду́ нету,
У ва всём племиню:
Што ра́на уста́ть,
Што тонка прясть
И што чяста ткать
И бяло́ бялить,
Да што шыть-лашы́ть,
Харашо́ хадить,
γрать на улицу,
На шыро́каю.
Ана на у́лицу идёть,
Што мак тьвитёть,
А речь γаварить,
Што либётка кричить
Либяди́ная.

---

124. С. Расховецъ.

Пѣсни[2]).

Тамъ же, стр. 62 и 78, №№ 15 и 35.

1. Ой на дваре́ дош, дош, а у по́ля туман,
А мне́ маладе́шуньки всё γоря, пичяль:
Пае́хал мой ми́лай друх ва по́ля γуля́ти,
А я маладе́шунькя за ним в сьлет бяжа́ти.
«Вярни́сь, вярни́сь, милый друх, варатись назат;
Кыда́ ни воро́тисьси, распрашша́имси,
Златы́ми кале́чьками разьминя́имси»!
Пайду маладе́шунькя ва висок тирём,
Сяду маладе́шунькя за дубо́вай стол,
Атварю ако́шичька раство́рьчитая,
γляну маладе́шунькя на дали́нушку.
Па тэй па дали́нушки γуса́ры е́дуть,
Маво разьлюбе́знава пад ручьки вяду́ть;
А я маладе́шунькя стармази́лася,
Сы бе́лава ли́чинькя пирьмяни́лася.
Куды́ ш мая мо́лодасьть падява́лася?

---

[1]) Попа.
[2]) *е* всюду очень закрытое (близкое къ *i*).

2. Мо́ладяц, мо́ладяц, разуда́лая
γалава́,
Разуда́лая, кудря́вая, ишшо
кучиря́вая,
Иван сьвет Пятре́явичь!
Хади́л, γуля́л па лушку́,
Пратари́л стёшку-даро́шку
Кы кра́снаму ако́шку,
Кы душы́ кра́снай де́ушки,
К Алγеньи Пятре́ивнай.
Алγенья Пятре́иявна!
Ускрой, душа́, ако́шка
Хруста́льнава нямно́шка;
Прима́й, ра́дасть, пада́рки:
На́ ста рубле́й атла́су,
А на ты́сичю бархату,
А сьме́ты нет а́лых лент—
Алγеньюшки цаны́ нет.
Иванушка, душа-сьвет!
Прихади́ ка мне на саве́т;
Я хачю́ табе́ сказа́ти,
Хачю тибе́ пайма́ти,
Ва жале́зушки скава́ти,
У салдатушки адда́ти.
Алγенья Пятреяівна!
Я сам маладе́ц-завдале́ц;
Я жалезушки пирабью́,
Шо́лкавай по́яс пирярву,
У салдатушки ни пайду́;
Хатя пайду́ ни пайду́,
Тибе с сабой вазьму́,
У висок терям увяду́,
За дубовай стол пасажу́,
Винца́, пивца́ падьнясу́.

Новооскольскій у.

125. С. Проточное.

Пѣсни[1]).

Запис. М. Поповъ. Р. Ф. В., т. 11, 1884 г., № 2, стр. 247 и 249, №№ 2 и 5.

1. Худа, худа на светя,
Худа, худа на белам,
Хто на улицу ходя
Да жанатаγа любя.
Нижанатай-та люпчик,
Да ён(?) белинькяй γалупчик,
Он с улицы придя,
Да на ко́ничку ля́жа,
Никаму ён (?) ня скажа.
А жанатай-та придя,
На краватушки ляжа,
Жане шельме раскажа.
А жана шь яγо дура,
Ана дура, дурави́шша,
Суровая рубашни́шша,
Нипатшитай хвастишша,
Накрывалка, атыма́лка.
Ана рана уставала,
Живатину выγаня́ла,
Выγаняла живати́ну
На широкаю дали́ну,
На бальшую луγавину;
Всяму міру казала,
Всяму міру, народу,

---

[1]) *е* всюду очень закрытое (близко къ *i*.)

Дяви́чьяму караγоду.
Я девушка ни спясива,
Малодушкам γаварила:
«Ты, малодкя, малодкя,
Маладая ты малодкя!
Када жаль табе мужа,
Привяжи мужа γу́жам—
Нихто мужа ни полюбя,
И ни девки, и ни бабы,
И ни стараи старушки,
И ни стараи старушки,
Ни бабушки-павиту́шки.

2. Ни скуча́й, маладец, удала́я γалава́!
Пажалуста пади проч ат мине́:
Я привыкла адна девушка γулять
У батюшки в зиляно́м саду,
У матушки ва высо́камь тиряму́,
Пад ако́нушкам седючи,
На зялёнай сат γледючи.
Ва зялёнам саду пташки пяють,
Пяю́ть, пирилётывають,
С куста на куст пирипорхавають,
Цалуютца, милуютца в адин рас,
Пакатились у девушки слёзы с γлас:
Ох што ш эта за пташкя, за тварь!
Всякая сабе друγа нажыла;
Я малада ня маγу друγа нажить.
Выду, выду на зялёнай лужок,
Растялю γарнитуравай платок,
Паставлю бутылку вина,
На закуску паляни́цу палажу́.
Ой, пей, пей, моладец!
У мине дома, права, нету никаγо́:
И ни братца Иванушки,
Ни сястрицы Алёнушки.

Тульская г.

Бѣлёвскій у.

126. С. Манае́нки («Мана́нки»), Манаенской в.

(центральная часть уѣзда).

Отрывки разговоровъ.

Е. Ѳ. Будде. О нѣкотор. народн. говорахъ въ Тульской и Калужской губ. Изв. 2 Отд. 1898, кн. 3, стр. 832 и 836.

Ў́от бы ан̑и паɣра́̑билы[i] [1]) табѣ́, я бы сама́ пашла́ пӑтцаби́ла! Мы здэ́тьны[i]ја стари́ннäја [2]) ў́ольнäја, у на́с дэ́вить слабу͡о́т на́ша сяло́; лу́ɣу нѣ́ту; жывэ́м ничяў́о хърашо́, аўсы́ то́льки плахі́я: абы́[i]дна: друɣо́й ɣод ны[i] ража́ютцы. Жала́нья прапа́ня и пе́[i]сьни пе́[i]ть: на бисе́дя съɣряшы́шь, калы́[i] ɣасьтэ́й бу́дя... С качято́ў бяжы́шь на рабо́ту, я наў́ɣру́нь бе́[i]ɣла... До́ма хазя́йкя ва ўсё́м до́мя адна́, шэ́сьтира ўну́каў! Шта́?! Придэ́м, срабо́таэм, и́збу стапи́лы[i], си́ли, ста́н̑ы[i]м халсты́ну тка́ть, ткэ́м иза льна́, ис шэ́рьсты, стриɣэ́м при́стриш, а зимаў́а́я—стари́ка... Мужыки́... хто ла́пти пле[i]тэ́ д̑е разарьў́этца, хӑмуты́, са́ни папра́ўють... Я их вида́ла, кълпачки́, а тапе́рь нѣ́ту: шчя́с ришилы́ся дамно́... Вярсты́ за́ три зимо́й выме[i]рзая́, ў друɣо́й дирэ́вни ӑмата́[3]) во́лчья и людэ́й ня ви́дишь! Пѣ́[i]сьни-ти? Мнѣ со́ўэсна их каза́ть.

Душы́са как на ɣричи́ху ўсхо́жа: што́ ръзатрѣ́ш—па́хня, ў квас кладѣ́м: дабре́ хърашо́; ўон расьтёть пучо́к, паньзи́тыльна па́хня, духаў́ита ана́.

Ат балѣ́зьняў аку́рьўаютца [4]) о́курӑм—мужаве́льныкъм. Када́ г бально́му идэ́ш,—и ни приства́ая боль; али бальну͡о́й хо́чя ў до́м ити́ть—у ы́збу, ў ы́збу завѣ́м.

У мэнэ, ка́же[а], ста́рäја јесь свё́кӑр и сьвикро́ўя; эта у мэнэ́ ро́дная сястра́ вы́дӑна сямо́й ɣо́т... Ся́дим, пъработаимси, пъприде́мси и ля́жым спа́ть; у́трӑм умо́исьси, ɣля́ть,—падѣ́шь, убе[i]рѣ́шь скаты́ну, ў́от је́й нако́рьмишь чичя́с, пасту́х стириɣё́ть...

---

1) Погребли граблями.

2) ä обозначаетъ *е* открытое.

3) Омуты.

4) Вѣроятно, здѣсь ь̥.

Ла́вють у нас аγа́льчики рӑшата́ми: падво́лють и вына́ють и збира́ють ў махо́тъчки; ў свѣ̆жай вади́сы памо́ють... У нас је́сь мэ́льнисы ўитря́нӑја; нипаγо́да э́жьли, до́ж, захо́дить ту́чя, маланья́ када́ и жьжи́γапть мэ́льнису... Бо́жья ўо́ля!

Новосильскій у.

127. С. Нижняя За́легощь, Залегощинской в. (близъ ст. Залегощь Орловско-Грязск. ж. д.).

Разговоръ.

Е. Ѳ. Будде. О говорахъ Тульской и Орловской губ. Сб. Ак. Н., т. 76, 1904 г., стр. 20—21.

Я ўдава́, Татья́нӑ, пяᵉтьдися́т бяз дву́х. (Ты грамотная?) Нѣт, у на́с учёбы-ти[1]) э́тӑй нѣ́тъ-ти. Уть э́ти-ти?[2])—пе́рья̆ иньдюшы́нъји нъ γӑлавѣ́: рѣ̆жым д са́ми кра́сим ды̆ у тарγо́ўсӑў пъкупа́им; пе́рья̆ сваји́ те́-та, кра́скӑ дна[3]) у тарγо́ўсӑў: у на́с така́я павѣ̆рья̆! Эта павли́нӑ пёръшка, ис па́влӑ, то́ш пъкупа́им: а хто́ пӑбѣ̆дьнѣ̆йшы и нѣ́тъ-ти ничяγо́. У э̀нтых зави́мшы у ба́бӑх, у жэншъна́х ко́сы-ти, у дѣ̆вӑк та́к на спи́нѣ ӑпушшо́мшы каса́. Ръзвя́зъвать спи́ски-та али да́рӑм: ня ну́жнӑ? тута дьвяна́тцы̆ть ни́тӑк, ско́ль ухто́ вазьмѣ́ть, д усё раўно́! Плато́к—три сылко́вых пъкупа́им; тьвѣ́т-та а́лӑй. Бѣ́лӑй,—када́ атса́, ма́тьре схаро́нють: э́сьли хто́ пёрэ̆жэ умрѣ́ть—мать ли, ате́с ли, тады́ паме́нуть со́рок (sic) дён. Три γо́да вы́дуть, тады́ пираста́нуть (sic) па ни́х γӑрява́ть. У миня́ жы́вы ўсѣ̆. У на́с жани́х нявѣ̆сьти дава́йть пять рубле́й то́льки: сва́ты̆тцӑ пріяжжа́ють, засва́тъютцӑ, э́сьли ате́с с ма́тирью ӑддава́ють, то пря́мӑ с лада́ми: ла́дють, ӑпасьлѣ̆йшӑ таγо́—зγаўо́р: нядѣ́ль ли та́м, дьвѣ́ ли—веⁱньчя́ть-та: паку́ля̆ по́п атло́жыть, а ту́т—к вянцу́ ве́сьть, пирьвиньчя́ють—г жыниху́, при́визёмшы ат вянца́,—на бясѣ́ду: ўо́тку пьють, убо́йну ядя́ть у жыᵊньха́, карва́й дѣ́лъють; к вянцᶜу́—ў ю́пьки, ӑт вянца́ пъвязу́ть, пирякро́ють ф панёву; г двару́ привязу́ть. С сундуко́м ѣ̆дуть ате́с с ма́тирью на карва́й г жэʸвьху́, да ту́т-тӑ у ве́чь-

---

1) О *ч* см. сноску 2-ую на стр. 158.
2) Рѣчь идётъ о головномъ уборѣ.
3) Краска одна.

ри пирякрóють; патóм каврíγу хлѣ́ба раскрóють: наγнýтцă жанíх с нявѣ́стăй, акрýх γълавѣ́ каврíγай павóдють и стáнуть ув апýшъны нъряжáть, от у нáс—лéнды, а тó их зьбярýть иγóлкăй и зашъють ды пъдвязъвуть апýшъну. Ну, пріѣ́дуть атéс с мáтирью с сундукóм на карвáй г жыэниху́, к свáту, крóють нажóм карвáй ăржанóй—палпýду, крýγлăй. Стáнуть убирáть нявѣ́сту: сарóку въдявáют, апýшъны, пъдзатылянь, вíсьли назáдѣ[i], патóм ув атвóды пайдýть к мáтьри: анá пъзавѣ́ть ў γóсьти к сабѣ́, ўóтку[1]) пьють, апять кă дварý пайдýть г жыэниху́. Ат жыэнихá—друшкí, ăт нявѣ́сьти—дятьки (мужукí жа), анí ръсписъвутцă у бáтьшки; бáтьшка приклíчьваить, зă нявѣ́сту анí распíсъвутцă. К вянцсý ѣ́хать—у падóшўу пăт прáвую пятку ў хадáк кладýть хуть три капéйки и там скóль палóжуть брат нявѣ́сьтѣ[i]. К вянсý вязýть—пѣ́сьни иγрáють.

Богородицкій у.

128. С. Малёвка.

Отрывки разговоровъ.

Е. Ѳ. Будде. О нѣкотор. народн. говорахъ въ Тульской и Калужской губ. Изв. 2 Отд., 1898, кн. 3, стр. (852—898) указаны ниже въ скобкахъ.—Его же. О народн. говорахъ въ Тульской губ. Тамъ же, кн. 4, стр. 1281.

Анá—нѣ́ту јей, лякáрства-та, какýя давáл, фся дашлá (852). Он зял хвятóк-та[2]) (895).—Рукá рдíтца зъчялá,—я у Тýли был; зялсá пáляц сирьбѣ́ть, рóди кáк катлянна сíнія хравíна слѣ́зла, ў рóди кáк музьлянь зьдѣ́лались... (862)—Карóста, нéчисть: анá музьлями какáя-та; тóлькя хóдють; γрéбуть сасѣ́ды; какúм ăγанькём прискáють бáбушки э́ту балѣ́сь... (868)—Кáшыэль начью бывáнть (871); ў γлóтки свисьтíть, закáшлийтца, и пайдýть харкí (894). Кáшэыль дюжа... с хархóвишшай; к нóчи так и бьёть, и пăд лóжычькяй балíть: ни снý, ни яды́ ямý нѣ́ту... Случáй выхóдить ўрéмям: пáдать ня пáдаить, γъварíть Бóзнаить щё... γóда двá! мы сáми ня знáим: сóннăва пъмяшáли щё ля? Шумнýть ямý срáзу дюжа—вóт он и таё! днём лях сасну́ть, фстáл испуγънай. Я з дятьмí ăбвязáлăсь:

---

1) Въ подлинникѣ здѣсь вмѣсто *ў*—*в* съ такимъ же знакомъ.

2) Квитóкъ, квитанція.

кадá мнѣ́ за jи́ми слядúть-та?! (866)—γу́пка пу́хнить, да шабáш. А э́нта нутрё́м балúть: ну́трь—прáвай бóк, дá й шабáш... (871)—Так дахну́ть нялъзи́; áй уш, мáтушка, у мня пóчки γнiю́ть? (872)—Малё́ўцкая. Масóл тронула, слóўна иγлóй шыря́ить... я ся́ бальнáя, у ушáх дабрé сúльна шумúть... ни рăзбирё́шь ничявó, нялъзи́ дыхáть; зимóй анá палу́ччи, а тапéрь смéрть пришлá, щё ля? (898) Ухáми абѣ́ими ня слы́шу (894).—Ни маγу́ как стаймá: нильзя́ наγну́мшы рабóтать, бóльшы ничявó ни рабóтăю (889).—Снахё́на дѣ́ўачька (888). Купáлăсь ў рѣ́чьки: анá хóлитца на рѣ́чьки, хлыш́ш́ютца рибя́та... и упáла... Как пабьё́ть мáть-та, прадирё́ть, а мáть-та ни вúдьла jей: издыхáй, дю́жа ты мнѣ́ нужнá! нăдаѣ́ли: мнóγа дитéй—пя́ть дѣ́ўак... (895).—Заўóи сяγдá у нáс чё́рныjи (856).—Какiји лáпти дюжѣ́й напúсъны—трúтцăть капéяк, а рóдныjи, пъравнѣ́я,—пятнáтцăть... Пăме'льчѣ́я нарѣ́жуть лыки,—вот и пúсăныя лáпти, а тó—пăрадьнѣ́я—jéньти прастыя лáпти (689—870). У ней мáтэри нѣ́ту (1281).

Рязанская г.

Данковскій у.

129. Д. Звѣрево.

Пѣсни.

Е. Будде. Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Варшава. 1892 (или Р. Ф. В., т. 28, 1892 г., № 3—4), стр. 173—175, № 37 и 40.

1. Уш ты, сат, ты, мой сат,
Ты на што рана святёш, асыпаисьси?
Ской далеча, милóй, сабираисьси?
Ты са всёй сваёй сямьёй распрашшаисьси,
А са мной с мыладой всё руγаисьси.
Ни руγай, ни бранись, скажы милачьки прашшай.
Тут лятѣла пава чиряс синя моря,
Уранила пава с крыла пёрушка;
Мнѣ ня жалка пяра, жалка крылушка.
Записали мыладцá в службу царскаю,
Службу царскаю, γасударяву.
Служыл γот, служыл два,

Служыл фсѣ три γада,
На паслѣдній-та γот
Стал письмы писать.
2. Вы γоради салучилася бяда:
Там убили маладоγа казака,
Прихранили при шырокай далинѣ;
Там лятѣли саколики стараной,
Сѣли-пали ю вдовушки на дварѣ,
Крылушками шырока размяли,
γаласами ювдовушку будили:
Стань, праснись, ювдовушка, вдава,
Ты паслушай, пра што люди γаваря́,
Люди бають и руγають и браня́,
Чужы мужы сы рубашкими идуть,
Сваим жонам па падарачькям нясуть,
Маво пана вы калясачкях вязуть,
Маи дѣти—сиро́тачки.

Скопинскій у.

130. С. Побѣдинское (Побѣдинки).

Разговоръ съ крестьянкой [1]).

Запис. Е. Ѳ. Будде. Этн. Об. кн. XXI (1894, № 2), стр. 145.

Му́ш мой аста́вил мине́ чижо́лай, я была́ чижала́; чаты́ря γодика испо́лнилась, и ма́льчику маму чаты́ря жа γода, дѣ́вачькяф у мине́ три́ да мальчик ади́н. Есь тако́й нача́льник Карѣ́ф [2]), он дава́јить нам хлѣ́пца; менѣ́ вы́дали пални́фьки пад ро́ш, а пад я́раву ня дают́ь, абро́ку мно́γа плати́ть, я и так шесть рублёф абро́ку плачю́. Адну до́чярю замуш аддала́, а у не́й-та чаты́ря ло́шади увяли́ во́ры-ты. У мине́-та сро́ду лаша́тки не́ была, каро́фьки да́жа ни вида́ла ни́кали у сибе́. Не́ ф чеγа адѣ́тца; нады́сь пришла́ в γо́рат в зе́мьству, хлѣ́бца у ку́пчикаф папраси́ть. Но́чь-ту начява́ть паду́ вот суды́-во́т, е́сть у мине́ така́ч знако́мая. Но́ня на́да быть ура-

---

[1]) Въ №№ 130—132 въ подлинникѣ *е* въ отличіе отъ *ё* передается через ē.
[2]) Карѣевъ.

жа́ю, ста̀раји люди γаваря́ мл хлӗба бу́дя мно́γа, а ји́сть не́каму, наро́т бу́дя мяре́ть. Есть у нас ста́рая женьшына, свякро́въя, ана примячя́я, кады вада́ насыкне́тьца—наро́т насыкне́тьца (?), а снѣх ляжы́ть ку́чькими—азпачя́я дабре́ уража́й харо́шай. Зима́ дабре́ была́ с снѣ́γам; приду́ я бывал-чи к сабѣ́ в дяре́вьню, изба́ завья́ла фся, а я адна́, не́каγа папраси́ть ачистить, не́чеγа заплати́ть, так и γо́рилась я с рибяти́шкӑми. Мы вдавы́ји з дѣ́фькими пашли́ хле́пца праси́ть; хто краю́шычькю да̀сть, кали́ ничаγо̀ ни вазьме́ш, так и живе́ш. Ну, спаси́ба таѣ́, ради́май, дай табѣ́ Бох!...

---

131. С. Пупки.

Разговоръ съ крестьяниномъ [1]).

Тамъ же, стр. 150.

Маю́ сястру́ ло́шать убила; ана была бо́йкяя да ко́вӑная, так наγой весь жыво́т разрубила. Сястрёнка памярла́, а мнѣ ба́рыня рубаху атрѣ́зала, я ее́ на сястру́ надѣл, так и пахӑрани́ли. Таперь астался я да дьвѣ сястры ашшё.... Весь лаγу́н вы́льли на э̆ту мѣста, вот и стала скли́ска... Паду́ лапти сабѣ́ куплю, а̊ тады приду́—лёт пирябью́, а то скли́ска пиряд до́мӑм. Лапти γри́вииньник стоють, фсѣ два питачькя́ аддаш. И у на́с ф Пу́пках ла́пти плету́ть, из ли́пи, ат ли́пи кожа аддяре́тьца бальша́я, а друγа́я де́рява ни γади́тца, ат не́й ни дьдяре́ш, ат аси́ни што ля̄. И кружава́ плету́ть дѣ́фьки и бабы. Табѣ́ прине́сть што́ ля̄ дясятак? У нас вы́пляли дѣ́фьки у́зиньких з дася́так, γаратко́ф. В нядѣ́лю ня вы́пли^е^сть дяся́так широ́ких, в дьвѣ́ нядѣ́ли мо́жна. У нас жыву́ть масо́ны; ани мя́са ни ядя́ть, хляста́ютца и запира́ютца у себе́, ани дабре́ баγа́тыји; к јим ѣ́здя ис Пранца́ [2]) старый чилавѣ́к, като́рай γада́я, яму́ де́ньги дава́ють.

---

[1]) См. сноску 1-ую на стр. 178.

[2]) Г. Пронскъ.

132. С. Яблоково.

Сказка [1]).

Тамъ же, стр. 147—148.

У днаво́ старичькя́ бы́ла тро́я сынавье́ф: два у́мных, а тре́тій Мяле́ша-дура́к. Вот старик по́мяр, а стару́ха и пасыла́јить сваи́х сынавьёф в γо́рат купить стало́ф, ло́шкаф, таре́лкаф и γаршко́ф. Бра́тья падумали, падумали, штă многа чаво́ бу́дя ји́м пакупа́ть, и сказа́ли: «давай, вазьмём с сабой Мялёшу, он будя ло́шать стяре́чь», и взя́ли яво. Ѣхали, ѣхали, а на даро́γи варо́ны и γалки кра́чють; вот Мялёша и ду́мəјить: «пасто́йтя, я вам фсѣм зада́м, ета ани мене́ дра́жнють: дура́к, да дура́к»! Ѣдуть ани лу́гам и лѣсам, а в лясу́ пяньки́ стая́ть; Мялёша апе́ть ду́мајить: «бѣднаји вы, пянёчки, стаји́тя вы бяш ша́пкаф, вам халадно́; вот я вас фсѣх адѣну». Пріяжжа́ють ани в γо́рат, накупи́ли е́та ани фсяво́ и γаваря́ть Мялёшки: Мялёша, ты примѣтил даро́гу, как мы суды́ ѣхали, можыш с тялѣγай ѣхать, а мы пайдём, выпьям ф трахти́р па стака́ньчику?»—«Маγу́, маγу́, пе́йтя!» сказал Мялёшка и паѣхал в дяре́вьню. Вот, ѣдить он чиряз лѣс, даяжжа́ить да пянёчькяф и на фсѣх јих γаршки́ надѣл; в γа́лкаф и варо́нăф ло́шкими пашвыря́л. Даяжжа́ить да рѣчьки и γавари́ть: «а, знать, лошать пить хочить»! Падьвёл яё к рѣчьки, а по́вада ни сумѣл развяза́ть—лошать ня мо́жыть пить. Он видить, штă ло́шать ня пьёть, и γавари́ть: «а, знать, ей висако́, ни даста́нить», и давай ей но́γи-ты руби́ть; атрубі́лъ пяре́дьніји ноγи, ана фсё ня пьёть... Он апе́ть γаварить: «а, ня ло́фка!» Тады и за́дьніји ноγи атруби́л. Сидѣл, сидѣл на биряγу́ и γаварить; «што́ ш, у стала́ чаты́ря ш наγи́, запряγу́ я стол!» Запрёх, хляста́л хляста́л яво, а он фсё няйдёть. Тады он пашо́л пяшко́м дамо́й; прихо́дить дамой, а яво ма́ть спра́шывајить: «γдѣ жа γаршкі́, сталы́, ло́шки-ты»? А Мялёша и γавари́ть: «γаршкі́ я надѣл на пянёчьки, а ве́шшы фсѣ ляжа́ть на биряγу́».—«А ло́шать γдѣ?—«А лошать захатѣла пить, я ей но́шки-ты и абруби́л, а то ни даста́нить да вады́-ты». Пріѣхали братья, пазбира́ли на луγу́ ло́шки да γаршкі́. Тѣм и дѣла ко́ньчилась.

---

[1]) См. сноску 1-ю на стр. 178.

Ряжскій у.

133. **С. Кипча́ково** («Типчя́къва»).

Сказка.

Запис. Д. Н. Ушаковъ въ 1902 г. Съ рукописи.

Были у матири три дочири. И адна у ней дочь была дабре́ любимъя. И она их пъслала́ в лес за яγъткими; дала им сем траим пъ кушыньчику; ну, ана им и сказала, пъсули́ла им розьвинькію пла́тицу, зълатую ложъчькю, сиребриную блю́цу. Вот любимъя иё дочькя фпирёт кушыньчик я́γӑт нървала́. От ани иё взяли зъдушыли. Патом пришли дамой,—взяли иё и зарыли,—и стали матири гъварить: «Вот, мама, мы фпирёт любимай дочьки нарвали я́γъткиф». Ана иё ждала, ждала и ни маγла даждаца. Патом ани ничяво ни сказали, малчять, ничяво и ни гъварять. Нъ друγой день паγна́л пъстушок скатину, сарвал с иё майли тро́стъчькю и си́льнӑ зыγрал. Вот ана лижыть въ ма́йли кричить: «Ува́, ува́, батюшка! убили миня, зъдушыли миня, дьве систрицы маих зъ кушиньчик яγъткаф, зълатую ложычькю, за сиребрьную блюцу, за розьвинькію платьцю». Он приγна́л дамой скатину, стал сказывать: «Што такоя: я приγна́л скатину, пъдашол к ямъчьки, сарвал тростъчькю, сижу иγраю,—вдруγ в ма́йли кричить». Мать ни стирьпела: «Ни мая ль дитё лижыть кричить?» Сарвала тростъчькю, зыγрала мать: «Заγубили мине дьве систрицы маих» (и т. д.)... Мать скричяла, нарот набе́х (не ё)—ана лижыть заду́шинӑя.

Сапожковскій у.

134. **С. Большія Можары.**

Сказка [1]).

Н. Каринскій. Образецъ говора с. Б. Можары. Ж. Ст., г. 16-ый, 1907, в. III, отд. 2 стр. 69—72.

Жыл ба́γатъй купец́. У няво дитей не́ былӑ: то́лки их двоя ж жӑноі и работ́ники. И имел ба́лшо́й капита́л. И патом купцю

---

[1]) Способы обозначенія мягкости согласныхъ оставлены безъ измѣненія; сохранены также буквы γ и h, хотя, повидимому, ими обозначается одинъ и тотъ же звукъ.

присниплсе[i] этаму сон. «Ты свой капитал маленкя убаф и спасёш сваю душу». Он и хазяйки сваёй сказываит: «Мне присниплси этакай сон» (ты ня мяшай, яγатка!). Тот хазяин γварит: «Как жă нам быт»? А хазяйка яму γварит: «Смастим мост». У них ходют Боγу в маластыр малицца за симсот вёрст. А че[і]ре[і]з речкю семдисят. И анн мост смастили. Пашли люди добрыи малитца вдвое[і] болшы. И пасылант купец работника: «Пóд мъст сят: паслушай, што люди hварят». Патом люди γварят: «Ест он жыф, и дай яму hóспади добрăя здаровья, а пóмяр—царствă не[я]бёснăя места (у)пакой». И патом шли три лиця: γаспот Исус Христос и Микалай Уγóдняк. И патом Микалай Уγóдняк γварит γóсподу (sic): «Какую этаму купцу щаст дат?» Но γаспот сказал: «Я йим дам сына и этат сын што мене ни папросит, то я йиму дам». Хърăшó. Работник вылес ис пад мосту; пришол дамой. И купец яво спрашываит, што люди γварят. Нóн яму сказал, купцу: «γварят: ест он жыф, дай яму γоспади добрая здарóвья и мнóγă лет пажыт, асли пóмяр, даяму, γоспади, царсвă Божія места упăкой». Но пра эта яму работняк ни сказал. Но̊н [1]) тут жа атправляитца в ынуя именья на два γода. А яму создал прикас: вот ты с мине триста рублей пăлучăл, вот тибе пятсот прибавляю, толки праф ту должнаст, как я прăвял. Но он уехал. Хазяйка яво забрюхáтела. Ну патом прашэччи γода, и время хазяйки яво радит. Но тот работняк пăдыскал бапку, шты как ни можна, бапка, вот сто рублей я тибе дам: ты рибёнъка скрат. Та бапка рибёнъка скрадила и пирдала работнику. Работняк ф шпитал яγо атнёс. И ета бапка зделала нат купчихай: разарвала ат сабаки щанка и вымъзăла ей уста и самаю, и патом зашумела краул: «Так и так, γварит: купцова хазяйка радила сына и разървала». Сабралси нарот, урядники, панятыи и паверили эта дéла. Патом пріяжжяит купец исвaó именья и спрашываит работника: «Как дяла, γриγорій?» γриγорій γварит: «Дяла плахіи: нящясья!» Он и hварит: «Што ш такоя?»—«Хазяйкя твая рăдила сына и ръзървала еγó» (sic). Купец γриγорій и γварит: «Када ана ръзăрвала, ана—сабака и сабачья ей чест». Прашло этаму делу три γода. И работник просит у хăзяина ращот. Тот ни пускаит: «Вот ты палучал от мене пятсот цалковых, а вот тебѣ тыщю рублей,—ни хади!» Он и γварит: «Не[і] нада мне ничаво, давай ращот. У мене падрасли рабяты: адин жа-

---

[1]) Вѣроятно, о̊ обозначаетъ дифтонгъ.

нит пас̆пел, он бе̍з ме̍не не можыт». Ну тот работник рац̆олси, па̊лучил с няво полтäры тыщи и пашол дамой. А у няво и дома нет и дятей нет. Взашол ф шпитал и взял этава малчика и патом вышал ис шпиталя: пашли ани. Он яво и называит: «Ваня, я атец тибе, ты мяне зäви атцём». И γварит яму малчик: «Тятькя, далёка-ли мы пайдём?»—«Мы падём к царю». Пришли ани х царю. Он һварит: «Ваня, скажы: дай, һоспади, мне мáтярю». Патходит к дому, стаража дапускают да царя. Тот цар спрасываит (sic): «Вы што?»—«Мы пришли к вашай миласти: вы нам ня дадите̍ ли каких дялишэ̍к, я б вам стал служыт». Цяр γварит яму: «Я б рат царства здал. Ты б дяла заступил, исправлял ба. У мене ест доч; я тебе пäвянчаю с ней. Дā. И паγаворка наше̍ская: ни браγа варит и ни вино курит, а у нас фсё γатовä». И пъвянчал и здал яму цярства, а сам сибе кой-што. Патом он малчикъ оддал в ученья. Ну патом малчак выдит из ученья—ани балуютца. Он энтих рябят: ухват зá руку—у вуэнтава рука далой. (Так γаспот сказал на масту ишто). γригорій хочит бит яγó. Малчик заплакал. Царица и γварит: «γриγорій, за што ты яво—он γлуп: им паиγрат фсем хоцца»! А он γварит: «Как паиγрат хоцца!—он руку атарвал!» И патом γварит: «Нас нихто ни засудит». Ну патом прашла ниделя, то он ишто иво пабил и пъсадил е̍вó ф кäмóрку. Ну и сам сел чай пит с царицай. И патом царица γварит: «γриγорій, он фсё равно как ня сын тибе». А он и һварит царицы: «И то он ня сын: он вот этакäй и этъкäй, и вот как я яво взял». Малчик этä фсё слышыт и фсё разабрал. Патом малчик аделси и сказал: «Мамаша царица, пращай: я ат вас уйду». Но малчик γварит: «γоспади, γóсподи (sic), ыбрати маво атця псом». И ён пирекутырнулси и стал пёс. Ну малчик фсё-таки сказал: «Пращай, мамаша царица: пайду я сваю родину искат»—и пашли. Шли пóлγада, патом он и спрашываит, малчак, пра сваю родину: «Дѣ мая родина?»—«Далёкэ, сто вёрст ишто», γварит. И праходят ани сто вёрс: пришли ани ф сваю родину, патходют к этäму купцу и ка двару. У купца дявишняк. И пу̊стучал ув акошко: «Пустити нас начават». Работник яму атвичаит: «У нас некуда пустит: нынче дявишняк, а зафтра свадба». Купец (яму γаспот на ум на разум наставял) и пустял яво на дваре в баню начават с сабакай. Ну ани пьют и γуляют. Хазяин и γварит взят малчика паужинат. Малчику паднясли стаканчак вóдäчки. И ходют ани разγаваривают: «Какая у

нас з́делалас́ бяда. Мая хазяйкя радила сына и сьела». Мал́чик и γварит́: «Не[1] можыт́ этъвă быт́, штăбы этă случилос́. Этă пус́тяки или зделали валхвы!» Патом: «атправляйси ф сваю баню начават́». Начавал. Па утру фстают́. Зачили γулят́ и пóзвали мал́чика апят́. И заγварили пра то: «Как жа ты нам сказал фчарас́: валхвы?» Мал́чик отвячаит́: «Што у вас сабаки жар ядят́, ал́ нет?» Ани γварят́: «Нет. Ништо сабаку заставиш́ жар [1]) йис́т́». Мал́чик пашол в баню и взял сваю сабаку в ызбу и γварит́ мал́чик: «Куфарка, пăчар́пи плиту жару». Стряпуха пачар́пла, и γварит́: «Паснóф́ [2]) нá пал». Мал́чак γварит́: «Сабака, жри жар»! И сабака начала жрат́ и фсё сибе сажгла. Патом мал́чак и γварит́: «Сабака, будит́ жар йис́т́, а то уш ты фся пзажγлася». Та ня стала. Мал́чик γварит́ купцю: «Вот так и тваю хазяйкю заставили мал́чика с́ьис́т́». И γварит́: «Купец́, што у тибé работ́ник был?» Он һварит́: «Был».—«Как зват́ е[і]вó, γриγорій? Купец́, вот этат твой работ́няк!» Купец́ и γварит́: «Эта—ня работняк, этă—сабака». Мал́чик стал, ухватил за хвост, дёр́нит́,—тот стал добрăи моладец́. Мал́чик γварит́: «Этат твой работ́няк?»—«Этат». Тот работ́няк падаит́ купцу в ноγи: «Прас́ти мине, з́делал эта фсё я: хазяйкю тваю приказали жывую зарыт́ чере[і]з минé. А вот этат мал́чак самăй сопственнай твой сын». И купец́ как мал́чика ухватил—и упали оба вá пал. И патом фстали. Мал́чик γварит́: «Папаша, самай я твой рóднай сын. Папаша, брасай фсе дялá, ня жанис́». Што нé былă народу—фсе са страху страшылис́. Тот мал́чик и γварит́: «Пайдитя, папаша, укажитя мне маγилу, я мамушку ваз́му». И пашли на маилу и мал́чаку указали матирёну маилу. Мал́чик упал на маилу и заплакал: «Радимая мая кар́милица, выйди ка мне!» И раззынулас́ фся зямля, и γроп наружы стал, и мат́ γласит́ мал́чику: «Чада мая милая и чада мая дараγая, я маγу вытит́, я ни маγу тибе аслушытца. Сын мой ваз́люблиннай, пажылей мине. Мне тут дабрé хърашó. Я вытит́ х тибе маγу: тольки я месту эту пати[я]ряю. Я палучила ат γоспада Боγа царства нибёсная. Ступай, γаспот́ с вами: жывитя, как вам γаспот́ вялит́». И апят́ матушка-зямля здинулас́, как была. И он пакланилси три рас в землю: «Пращай, γт, мамушка, и паγибла ты чéрис́ мине». И пришли ани дамой. И γварят́ работ́нику: «Разыщи эту бапку». Работ́ник разыскал бапку, привёл. И придали йих на сут, как ани

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ (вмѣсто—*й* ждемъ или—*ш*, или—*т́*).

[2]) Постановъ.

смаγлис так зделат и зарыт купчиху ф сырую землю жывую и присудили; этовъ купця были на стойли два жыряпца—и вывест этих жыряпцоф ф поля и вывест работника и бапку ф поля и и асмнатцати сажан канаты привязали к жыряпцам и патом х к этим канатам: к аднаму жыряпцу—бапку, х друγому—работника. И жыряпцоф фсё-таки увяли вёрст за пят ат сяла. Знчыт, поснямали с них обрати,—то кани памчалис, и у бапки и у работника розмыкали де рука, (γ)де нага: и кости фсе растрясли, ни то шта фсе масла.

Я там был, мёт-вино пил, и усам тякла, в рот ня папала

Ишто страшнёя ест.

Касимовскій у.

135. С. Ерахтуръ (южн. ч. уѣзда).

Отрывки разговора.

Е. Ѳ. Будде. Къ исторіи великорусск. говоровъ. Казань 1896, стр. 334—335.

Абдавѣла-та дамно: Хёдăр Хёдърыц был, за няво хадила; он сицас жыф: атец был неͥ роцнай, мать меͥня ни пушшала—γăварить: жыви адна; вот уш десеͥть зим жыла. Саскуцылас, ницаво! У на: абряда во какая: курта,ануцы, беͥзымёнка—таки-ти беͥзымёнки ткутца, как ануца, толькя с рядами; ана лѣтьнія, па лятам носют, а ануца зимнія. Ў день можна выткать. Свитка какая-та заўть. У нас сё ходють на работу ў Зупва. Соўестюся, γлять прăшыбесса! Дишоўка ăткрылъся, праѣхăла пять рублей толька, два каньца.—Мнѣ-ти? трицăть дявятай! Я крьпасная, здѣшняя! Я цаво знаю: на свѣти-ти жыла, я ать этих γадоў ушла. Веͥньцал атец Ляксандра. Теͥперца асталась адна доц.—Бяруть и сцелють из мацэньца, выбирають дзерьγеͥнку. Када дажжа будуть. Свякроў была да залоўка; сяк сеͥбѣ бярегь лён, хто сколька. Мать з доцэрью ана сеͥбѣ, а я сеͥбѣ бяру. Катора больша, катора меньша—сѣ сеͥбѣ бяруть. Цао билигь-та? По дьвѣ капейки за хунт пряжы. Цолвăк пусцають; рубахи-ти тожа ткём; ныньца красна бумаγа ў асноўу пушшаеͥтца. Ў γавѣнья ткугь, зимой прядуть, преͥдём ўдружна; γдѣ сеͥмейсва-та бальшая, пă цыряду ткуть, а у каво дома нѣтти, па людям папросють. Сколько зγатоить? На эгу стяну ў сколька таѣ нужна, вот и кладём! Берда сякая есць: есць дясятьня, есць

дявя́гьня: бирёш и прăдявáиш! Варя́ть кáшу ис пăшанá и мăлакá; ядя́ть кáжнай день.—Лави́ть—лáвим, хóдим; у нáс нěвăт. Ана дăлякó прашлá рякá-та, а э́та тýт, ни далéка (не—ё). Пéц-ти ýтрăм тóпим. Кăласники [1]) éсь, éсь и бěлыя, каки́х уγóдна. Лашмá [2]) анá прăзывáэтца; изутрá пайдёш, кýзаў с прибáвацкъм; лěс бе[i]-рёзъвай да аси́ньник... γрýзьди... Он пажăлуй ў зе[i]млě: тáк быт ў кýтцки [3]). На прадáжу ишшó, дле[i] се[i]бя-та хъш!—Дěйки [4]) сăбирáютца на Трóйцу, яи́ц сăбярýть.

---

136. С. Нáрмушадь (тамъ же).

Отрывки разговора.

Тамъ-же, стр. 336—337.

Сам рýбю лěс! Виш он сáд-ăт! С луγóў-ти суды́ явó. Зыкути нěту: трýте[i]нь зык даёть, шуми́ть. Уле[i]й с пцалми́. Пасля́ пажáру нóвая де[i]рéвня прăзывáэм. Зиму-ту я ч[ч]я́ста, кáк тяплó мал-мáла, и паіéду; а то и пулшýбак не[i] γрěить: уш плóха̄. Крáсная-та цыстая скáте[i]рьть ў амбáри ў атхóжăм; γастя́м-ти дá-ка зăкуси́ть! Ся́к ў своё мěста іéдить. Аставáе[i]тца вóск-ăт, он явó жмёть: вóску-ту мнóγа̄.—Здěлалси ўофси дрéвнāй, біéлāй, сядóй—сяды́jи люди святы́jи! Пăсматрě[i]ли пцóл? Абěдьня скóра ăтайдéть (не—ё); γриγóрій Симёны́ц, д ыть он у нáс здěсь жыни́лси! З дитя́ми, ж жанóй; мýжа γóт уγнáли-ти. Ў Растójи [5]) γóда два жылá, ў прислýγах жылá у пасьнéсьте[i]ра [6]).—Пцёлы улятěли далó [7]). Дěушки-ты я́йцы катáют (sic!), жэ́ньшыны-ти тóжа. У нáс бéдныjи-ти свáдьбы-ти. Цэлаэ́к пя́ть-шэ́сь срóдьникаў; ўсě ўмěсьти, увéсь поіéст жынихóф. Атéц

---

[1]) Грибы.
[2]) Названіе рěки.
[3]) По объясненію автора,—„въ кучкě“; но, можетъ быть, это—„въ куточкě“, т. е. какъ бы подъ прикрытіемъ, спрятанные (какъ обыкновенно и растутъ грузди); сравн. слова: кýта, закýта, закýтка и т. п.
[4]) Дěвки.
[5]) Въ Ростовě.
[6]) Почтмейстера.
[7]) Долой.

бӑɣӑслави́ть, чулки́ сама́ нӑдявáя, ся́дить, пъкрыцы́ть.... Пӑкрывá-итца ў цэ́рькви, и тáк дамó [1]) привязу́ть. Пья́нӑства ўсю́ нóцу бывáить.—Уш мéрьзьни (не—ё) на криштэ́нья, не̇ удё́ржыш!

---

137. С. Шостья (тамъ же).

Отрывки разговора.

Тамъ же, стр. 341, 343—345.

Гляди́! Кӑнапи́ мнё́м!—Ў стӑрину́ наси́ли рагá, при мнѣ́ уш сьмяни́ли. Ў сӑрханáх хóдють тапéрь; нӑ гълавѣ́ сарóка з зóлътам. Ӑлянóк пъспявáитца брáть. Пасля́ Хрóлаўа дня пасцéлим; нидѣ́ль пя́ть ляжы́ть; пóсли дажжá, а éжли дѣ́ла вё́дра, он нéскӑра улижы́тцы. Ў мяли́нӑцки [2]) памнё́м, пӑтрапáим и придё́м, на три дóльки явó дѣ́лим. Возьмё́м да звѣ́сим. Прéсь нӑцынáим пасля́ Ми́трива дня; на зипу́ньцыки ни́цку придё́м, мы́цьки мóим. Ни линйва̄ мóжыть два (чего?) нӑпридё́ть, а линйва̄—мéньша. Пастá-вим јіё́ пря́жу-ту ў бё́рьди, пáсмаў ў бё́рьди адйнатцать. Бѣ́лим, калóтим, сцéлим, ў мы́льцы памы́лим, ў пéцку—себѣ́ наси́ць. Самóй друɣóй нéцъва наздѣ́ць!—Я вянцáлась гадóў симнáтцӑть ў Тӑкарё́ви [3]); жы́ў му́ш, адна́ свякрóў былá. Ни хатᶜѣлась: ни па ндрáву жыни́х! Сё́тъки зӑвидéнья: сицӑс сасвáтӑли, давáй крыцáть, пря́мӑ ут э́тък вот!—Кадá прасвáтӑють, рӑсплятýть кóсу, авá рӑсплятё́мшы идё́ть. Пóсвитӑк наздѣ́нуть; лѣ́тная врéмя—паддё́ўку наздѣ́нуть, а то шýбу: сӑрахáн адйн—э́та пяцáльна! На гӑлавý э́зли спратá—папрóшша! Пéрьва пасóдють адвý: анá вóпить, јіё́ сряжáють, ана вóпить. Тýт нивѣ́ста ӑбнимáть падрýх станить; сѣ́х ӑбнимáть устáнить вапьё́мшы.

---

[1]) Домой.
[2]) Въ мялкѣ.
[3]) Названіе села.

138 С. Дмитріево (сѣв.-вост. уголъ уѣзда, почти на границѣ съ Тамбовск. и Владимирск. г.).

Отрывки разговора.

Тамъ же, стр. 353—354.

Ка́г жа свякро́фь ни пъцыта́ть?! Я паста́рьшы!—Рӑжаштво́ два дьни пра́знуим: бра́ги вари́ли.—Пасо́дют жыниха́ с нивѣ́стай. На диви́шники купля́ют виту́шак фу́нт, патшо́лнухаф; на фтаро́й нидѣ́ли вясны́ тады́ уш виньчя́ют.—Миня́ дя́дя ӑбувал: шпана́ кла́л в башмо́к, пе́рушки кла́л, ишшо́ пътац°ек де́ник. Надіют—сӑрафа́н нӑзыва́тчя, чᵘе́рнай э́та вре́мя с чьвятка́ми. Спеⁱрьва́ ръсплату́т ко́су до́ма шьшё. Жыни́х пріѣ́дит, пасо́дют нас ря́дам; кну́т выкупа́ют, бяру́т де́ник. Го́сьтˢи адбира́ют кну́т. Нивѣ́ста ѣ́дит одна́, сва́ха с ней. Дми́трифьска сама́ я. Нивѣ́ста сиди́т, ни глеⁱди́т никуда́.—На Тро́йцын дᵊе́нь вянки́ из бирѐскаф: като́рай вяно́к пътану́л—памрёт. Кӑраво́ды быва́ют.

---

139 Д. Китово. Китовской в. (зап. ч. уѣзда).

Отрывки разговора.

Тамъ же, стр. 363—364.

γо́спӑди знаить ӑтцаво́! Тёплыјі дни, да ана́ сё плаха́ја про́са. Ради́тцы у нас хлѣ́б-ӑг, руко́й вот тире́бям, а но́ни нѣ́т. Лён плахо́й воуси, хотˢь ни сѣ́й: ни ради́тцы,—нѣ́т ницаво́ и прясь не́цава. Яво́ де́рьгаим, свя́зываям, хош цапо́м, хош вальком валя́ям. Выти яво́ ни сѣ́јити. Мѣ́ры три ни сѣ́ям: нас вот цаты́ри ба́бы-ти; можыть, дьвѣ́ мѣ́ры-ти нӑкало̆тяш. Тады́ бу́дям яво́ на зе́мьлю рӑстила́ть пад дошш, штӑб он усла́лси, ф Пакро́х яво́ сыма́им, бу́дям тряпа́ть; дѣ́лям на цыты́ри до́ли-ти: свякры́ цытьвёрта, ана пабо́льша мяня́. Пӑдеⁱре́мси, д апя́ть рӑзбеⁱре́мси. Хто с Ми́трава нӑцына́ить, друга́я с Рӑжаштва́. Каки́јі асе́ньијі дни́-ти: вот он и ве́цыр! кады пре́сь-та? И сица́с пряду́ть: у ко есь—приде́ть. А то ла́пти плату́ть и лы́цки. Купй! цытьвиртацо́к пуцо́к! купи́ть деᵊшэ́й придётцы; па рублю́ с лута́, с луто́шка пять цалко́вах. А у нас зямля́ пеⁱсца́ная. Па адно́й каро́ви-ти ф ка́жнам-ти до́ми-ти! Хёкла,

пади́ рӑскажы́, а то я смяша́юсь.—Блины́-ти хто пикёть, у каво́ как сайдётцы! С грицы́хи, наме́лям, выс^{ш}пям—на гушьши́: в дири́вьни-ти у нас ɣдѣ дрожьжи́-ти. С цым jе^{і}ди́м-тӯ? бирём по́снава: с сѣ́мя бьём, пъкупля́ям. У нас лъшаде́й-ти харо́ших-ти нѣ́т jих. Хто jи зна́ить, какíjи-ти са́ни-ти, а то нѣ́т jих сане́й-ти харо́ших-ти. Я дапре́ш ката́лась фсёй арте́люй: де́сить иль адúнъцать, ли мо́жыть пять тихо́нькуй.—Виньца́ вазьму́ть на прӑшшэ́най день.

140. С. Ча́русъ (тамъ-же).

Отрывки разговора.

Тамъ же, стр. 366—367.

Эта я тапе́рь на пацы́ни; лы́ки мы там дра́ли; мно́ɣа дипра́ли, сица́с пади́ дяру́ть. Лён сѣ́ям: то́-ли зӑрадúтца, то́-ли нѣ́т; сот петь сѣ́яли. Када́ бу́дить ч^{и}вѣ́сть-та? Как сúла вазьмёть. Как вёдра нѣ́т, вазьмёш да пасо́дяш; тады́ пасте́лям, кало́тям, кало́тям, снúмям, талкём, нӑмата́ям, вы́бьлям, вы́ткям, а тут уш билúть. Я но́ньца [1]) адну́ халстúну нӑпряла́. У двух аршúн питьдися́т, на́рӑзь двӑтцӑть петь: вот таӗ питьдися́т. Ниуда́ца быва́ить: друɣа́я ни уъѣ́ить. Я с роду па я́рманкам ня хо́дю. Кӑнапи́, зна́тна, как лён сѣ́ям: асо́бе^{і}нна мо́ца̄м, а пато́м сте́лям. Была́ ў дѣ́фках, хадúли ў лѣс! Ис паво́? Ис таво́: ч^{и}вяткú зӑвива́ли и на ɣо́лаву нӑдява́ли, пѣ́сьни иɣра́ли. Пажар сдѣ́лӑлси, и вянкú эти рӑс^{ш}ьте^{і}ре́ли—испужа́лись. Тѣм и ɣӑварю́, штӑ ня по́мню. Ня зна́ю, с кѣ̆х пор ни ɣра́ю: брат у́мяр—мать пла́цать, я пла́цу: на се́рьцы ни висяло́. В Аде́сьти мно́ɣа нӑшых цӑрьских [2]) ў падва́лах рабо́тут. Энтӑт пшшо́ по́п-та миня́ виньца́л: Хилúп што ля, Вас^{ш}úлій ли; двӑтцӑть петь ɣӑдо́у бу́дить я зӑмъжам. Зе́мьлю влада́ю: но́ньца три цэ́тьвирьти тяɣла́. Мая́ ло́шать в атца́. Он аттóли ницаво́ ни шлёть: пахо́жа, пья̆нствать (3 л. ед. ч.). Жана́ адна́ пракóрьмитцыть.

1) Въ подлинникѣ *ноньца*, что можно прочесть и *нонца* и *ноньца*.

2) Чарусовскихъ.

Тамбовская г.

Шацкій у.

141. С. Балу́шево, Ола́днинской в.

Пѣсня и причитанье.

Н. Дурново. Замѣтка о говорѣ Шацк. у. Изв. 2 отд., 1900, кн. 3, стр. 937—938, 953—954.

Как на высо́кай у гаре́
Та̀ма стро́или но́вый каба́—j—ак [1])
Ох ни пра де́вык ска́жым, ни пра ба́п,
Ни пра де́вык ска̀жым, ни пра ба́п,
А пъ—прӑ юда́—j—алых [1]) ска́жым прӑ рибя́т,
Прӑ рибя́т ы ох ы зашо́л ма—х—зашо́л ма́льчик,
Вы́пил шка́льчик и
Оγ дъ висилюо͡бхо̆ник [1])
И—х—мальчик ён пашол,
Висилё—х—а—хо̆ник мальчик ён пашо́л,
Ф кӑраго́д г де́фкӑм г ба́бым мальчик зашо́л.
Пращя́й дѐфьки, пращя́й ба́бы;
На̀м тапе́ря̆, дѐфᶦки, ба́бы, ни да ва́с
Нам тапе́ря̆, де́фᶦки, дъ ба́бы, ни да ва́с:
Ва сал̆ъда́ты вязу́гь нас;
Вӑ салда́ты, о́х ы ва никру́гы,
Ва нив́ольнӑю, бра́тцы, жытьё.

Кармѝльц̥[2]) ты мой ба́тюшкӑ, куда́ жъ ты та́к убра́лси и снъриди́лси? Въʸ каку́ю ш ты так даро́жьнькю и въ като́ру ты так старо́нушку? аткýдъ жъ мы тибе́ бу́дим дъжида́тьси, и ъткýдъʸвъ мы тибе́ ста́ним сътрича́ть, с като́рый дарожьньки, с като́ръй старо́нушки? сьсе́ тваи́ исьтё̆шки-даро́шки зърасту́гь траво́й-мураво́й; сьсе́ тваи́ слядо́чки зъпаду́дь бе́лъм снижо́чкӑм. (Пла́чуть.) Карьми́льч̆ мой ба́тюшкӑ, што́ жъ ты ничаво̀ мне ня ба́иш, ни ътвячаиш? Скрипи́л ты сваё серце кре́пшь бе́лывӑ ка́миня̆. Нъ каво́ жь ты мине́ оста́вил

[1]) При повтореніи пѣсни словами пѣвица произносила: каба́к, уда́лых, въсилёхўньк.

[2]) ц и ч здѣсь обозначаютъ очень мягкія ц и ч съ нѣкоторою шепелявостью.

и спакінул, нйдъкарьмлёну й нйдъпаёну? Я ищь мълада́ и глупа́, тк каму́ жа́ мне́ сваю́ галовушку прикланить? Нъ каво́ жъ вы миня̀ оставиl, на бра́тцъ или на́ систричу фъть?[2]) Жаланъй ты мой бра́тьч, ни пакинь ты миня̀ апосьли карьмиличь батюшки! мне́ тапе́рь а̀крамя̀ тибя́, бра́тьч, не́къму бо́льшь сваје́й гълавы́ пьрикланить. Карьмильч ты мой ба́тюшкӑ, што ш этъ ты с на́ми гадо́г бъ другоп јищо́ пожил бъ. Нъ каво́ ж ты нас е́тиγ глупых ищь нисмысьлёных? Како́й жъ ты, наш карьмильч батюшкъ, пас э̀дъкпх нищасных на́з зърадил? ищь мы́ жь глупы́, мълады́ ищь, нисмысьлёны...

Воронежская г.

Землянскій у.

142. **С. Троицкое.**

«А Сифки-Бурки».

К. Филатовъ. Очеркъ народн. говоровъ Воронеж. губ. Р. Ф. В., т. 40, 1898 г. № 3, стр. 31—32.

Жили-были сабѣ три брата. Двоя у них были умнаи, а третяй дурачёк. Вот пасѣяли ани на γародя пашаницу. Выросла пашаница высокая да γуста́я. Братья усѣ з диву даютца, пачяму так в них такая пашаница. Но вот бяда приключилас скора: павадилси вор варавать пашаницу и таптать яе. Што дѣлать? Думали-γадали братья и паряшыли караулить яе. У пярвой рас пашол караулить старшай брат. На-раня приходя аттеля, и яво успрашывають: «ну, чаво ты видял?»—Он γаварить: «ничаво я, слава Боγу, ня видял. Усю ноч праспал». У третяю ноч пришлос караулить пашаницу Иванушки-дурачькю. Падашол вечяр. Он атрѣзал скипку хлѣба, узял дубинку и пашол. У самуя у полнач приходя кабылица з залатой γривай и залатым хвастом и начяла јисть пашаницу и таптать яе. Вот Ванюша патихонькю паткралси ды как ухватя яе за хвост и паймал яе. Ана узмалилас пиряд ним: «Иванушка, атпусти мене, я табѣ службу вяликаю заслужу. Таперь я табѣ ня нужна, а кады буду нужна, толькя крикни: Сифка-Бурка, вѣшшая кавурка, стань пиряда мной, как лист пирят травой». Иванушка узял атпустил яе.—У том у царьствя, идѣ жыл Иванушка, царь прасва-

---

[2]) Хоть.

тывал доч сваю. Нявѣста сама сидить у терями на друɣом јатажѣ. Царь паряшыл яе выдать за таво, хто успрыɣня к ней на лошади на фтарой јаташ. Усѣ съяжжались к царевай дочяри. Рас съяжжались и у друɣой рас. Нихто ня можа туды успрыɣнуть. Вот, значить, Иванушка сабѣ задумал испробавать щастья. Вышал он у чистаю полю ды как ɣаркня: «Сифка-Бурка, вѣшшая» и т. д. Сифка-Бурка как усё равно выросла пряд ним. Паѣхал Иванушка к царевай дочяри. Усѣ дивуютца на няво, какой такой маладец выяхал. Братья яво тожа сабѣ, как увидяли яво, просто з диву далис. Иванушка как пустил сваво коня, так и успрыɣнул к нявѣстя, а она яму здѣлала кляймо на лбу. На-раня сабрался увесь съѣзд. Купили вина. Кажнай патходя к нявѣстя и паказываитца ей. Иванушка падашол апасля усѣх. Заɣарявали тут мать и атец нявѣстины. А царевна ɣаварить им: «ну што ш таперь дѣлать, слязами ɣорю ни паможиш; такая, значить, мая судьба». Вот нарядили Иванушку и павязли яво к вянцу. Апасля вяньчянья был бальшой пир, и стали Иванушка с царевнай жыть да пажывать и фсякава дабра нажывать.

Бобровскій у.

143. С. Сергѣевка (сѣв. часть уѣзда).

Пѣсни [1]).

С. П. Прядкинъ. Краткій очеркъ говора Сергѣевки. Воронежскій юбилейный сборникъ. 1886 г. Стр. 602—606.

1. Куды ш ты м́илай, итяжжайиш, [2])
Итяжжайиш, м́илай, оставл́айиш
Свайи ласкавайи слава?
На прашшэнийнцэ м́илой астав́ил
С руќя п́эрс́тэн́ залатой.

---

[1]) Въ принятой г. Прядкинымъ транскрипціи мягкость согласныхъ отмѣчается вездѣ одинаково знакомъ ʼ надъ буквой; буквы *я*, *е*, *ю* вездѣ обозначаютъ сочетанія ја, је, ју или ‿іа, ‿іе, ‿іу; звуки ј и і̑ не передъ *а*, *е*, *у* обозначаются одинаково буквой *й*; буква а обозначаетъ звукъ *а* глухой. Такимъ образомъ, „итяжжайиш" надо читать, какъ „итјажајиш" (съ твёрдымъ *т*), счаст́я"—какъ „счастја" (съ *т* мягкимъ).

[2]) *ит*, *иб* говорятъ жители одной части с. Сергѣевки (переселенцы изъ Анны, въ 19 верст. отъ Сергѣевки), въ другой части его (переселенцы изъ Верхо-Тойды, въ 15 верст.) говорятъ *ат*, *аб*.

Дэн на ручушкэ яво насила,
На нач клала яво в γалава;
Па ютру я Маша рана вставала,
Заливалас γоркэю слазой,
И пуховайи майи падушки
Патанули с γора ва слазах,
И шалковая мая адаяла,
Нэ саγрэла яна γрут маю.
Кабы была воску яру,
Я бы крылушки сабэ слила;
Юш и слимши сабэ крылля
Палатэла б к друшку я,
Палатэла бă, паγлэдэла
Я на милава сваво.
На встрэчу милой нэдалэчэ
Разγаваривал да йон са мной:
‹Здравствуй, яγатка ты мая,
Здравствуй, харошая ты мая!
Пахудэла ты, Маша, биз минэ,
Ох, пахудэла да ты паблэднэла,
Нипахожа стала на минэ!
Кабы знал я твайо счастя,
Нэ паехал бă я бис тибэ›.

2. Да хто ш у нас винават
Хорошаю жану брат?
Харошая жана — мат,
Яна луба паγулат
Са харошими лудами,
Са баγатами купцами.
Вот табэ, кума, баю:
Живо мужик на краю;
Йон на скудан, ни баγат —
Полна хатушка рабат,
Всо па лавачкам сида,
Кашу с маслицам яда,
Пра Ванушу γавара:
‹Урадилси наш Ваниша
Йон ва ржэ, на мажэ,
На широкам рубажэ›.

3. Салавэй-саловюшик,
Што навэсал ты сидиш,
γаловку павэсил,
Зарно, права, нэ клуйош?
Склавал бы я зорнушку,
Да волушки нэт;
Запэл бы я пэсэнку,
Мнэ γоласу нэт.
Салавэй саловюшик!
Хата тибэ йизлавит,
В залатуя клэтачку
Хата тибэ пасадит.
Залатая клэтачка
Иссушит, крушит минэ,
Залоная вэтачка
Вэсалит с γора минэ.
Каков был я саловюшик,
Силнай, храбрай баγатыр,
Я тэпэр саловюшик
В астроγа сижу.
Всэ друзя-таваришши,
Всэ забыли пра минэ,
Вот милайи дэтушки
Тужут, плачут иба мнэ.

---

144. С. Новый Курлакъ (вост. часть уѣзда, за р. Битюгомъ)[1]).

Пѣсни.

К. Филатовъ. Очеркъ народн. говоровъ Ворон. губ. Р. Ф. В., т. 40, 1898 г., № 3, стр. 36—37, №№ I, V—VII.

1. Посулилсеⁱ наш Олександро
Свою армію смотрить,
Посулилси наш Олександрушка
К Рожоству домой прибыть.
Ёво матушка родная
Стосковалаcи по нём,
Три дни, три ночи не спала,
Все Олександрушку ждала.
Ёво жонушка милая
Во постелюшку слеɣла.
Што не пыль столбом воли́г,
Молодой курьер бѣжыт,
Свою им вѣсточьку несёть:
Помёр, помёр наш Олександро,
В Тоɣанроɣи жысть скончал.

2. Захотѣл мальчик жонитца,
Дозволеньи стал просить:
Дозволь, батюшка, жонитца,
Ково люблю взять.
Ёму отец не вѣрил,
Што на свѣти есть любофь.
Обернулси сын, заплакал,
Во зелёной сат пошол.
Шол он садиком зелёным,
Шол дорошкой столбовой,
Вынул шашку, вынул востру,
Он зарѣзал сам себе.
Ёво буйная ɣолофка
Покотилась по тровѣ,
Ёво щщочки руменыи
Спроти солнушка блёстять,
Ёво письмы дороɣіи
Ко милашки в дом летять.

3. Ты мамка моя,
А я дочька твоя,
Ты чому меня учила—
Я мале́нька была?
А теперь я веⁱлика,
Запросила жониха
Ни малова, ни старова—
ɣорнадера молодова;
ɣорнадер молодой,
Весь убор на нём золотой.

4. Вот ɣорё-бѣда—
Лѣтом в лаɣири стоять,
Рано поутру́ фставать,
Лицо бѣло умывать.
Бѣло личико умоём,
Русы кудри позовьём.
Мы завьём, завьём,
На ученьицо пойдём.
Нам ученьеᵃ ничово,
Между прочем нача́ло;
Стой прямо, ɣледи браво,
Ружьём дѣлай хорошо.
Начальник нас похвалить,
На воточьку нам дасть,
Он дасть-дасть да пожалоуить.

---

[1]) Говоръ окающій. Относительно звука *г* собиратель говоритъ (Р. Ф. В., т. 39, 1898 г., № 1—2, стр. 206), что онъ, „кажется“, длительный, какъ и въ акающихъ воронежскихъ говорахъ. Поэтому мы передаемъ его черезъ γ.

145. С. Козловка.

Разговоръ въ трактирѣ.

Тамъ же, стр. 33.

Ну, иди, иди жа, шельма! Душа фся на распашку! Таперя сваγо меряна я запро́дал—сам чёрт мнѣ ни пат шапку. Жана пушшай сярьчяя—плявать мнѣ на жану; ана слова мнѣ ня смѣя сказать—я её раздушу! А мерян-та, мерян: вить я на јём три γода ѣздял, никакоγу пароку ня дал. Ну, чяγо ты, кум, ни купил яγо у мине? Вить весь вѣк Боγа и за мине бладарил: яму вить и изъѣзду нѣт и ня будя! Э, кум, ты уш апрахвостилси, ды када-ш ты успѣл нализатца? Нужна дамой ѣхать, а то и денях ня станя новаю лошать купить. Падем кум, я вить с табой паѣду.

Пѣсни.

Тамъ же, стр. 7, 9 и 20, №№ XIX, XXV, LXI.

1. Хараша была Маша, утѣшна,
Лицом бѣла, хараша.
Жись наша о табой нящшасна—
Вот влюбилси я ф тибе,
Я влюбилси, я власкалси,
Ни моγу тибе забыть,
Ни жалал ба больша щасья—
Сизы крылушки сибѣ:
Я взвилси бы, палятѣл ба
К раздушиньки в зялён сат,
Я сѣл бы, пасидѣл бы
На иё праваю плячо,
Пасматрѣл бы, паγлядѣл бы
На иё бѣлаю лицо:
Лицо бѣла пастусмѣла,
Друх смѣниласи с лица.

2. Мима лѣсика зялёнаγа
Там дарошка нинабитая,
Черным шолкам пирявитая.
Как па јэтай па дарошки
Шли два драγуна маладых,
За драγунами шол някрутик маладой,
За някрутикам атец-мать радной;
Ани ходють, увиваютьси,
γорькій слязой заливаютьси.
Ты ня плач, мая радная мать,
Мине таперичя да вѣку ни видать;
Вунясу сваю γаловышку
На чюжу-дальню старонышку.

3. Сижу я в тямницы,
Ф тёмнай-тямно́й,
Ничаγо я ня вижу,
Тольки вижу акно;
В јэтай акошки
Требую сибѣ я пяро,
Напишу я записку,
Да двара письмо,

Брасаю јіе я за кно.
γляну я в акошка—
Тавариш мой идя,
Тавариш, тавариш!
Падем с табой да двара,
Падем с табой да дому,
За крутыйи γоры,
За тёмнайи за ляса,
Идѣ солнца ня свѣтя,
Яснай мѣсяц никады,
Часты звѣздышки там,
Как сады твятуть;
Що вы јэтам вы садочью
Саловьюшки пають,
Саловьюшки нам пають,
С любезнай разлуку дають.

Приложенія.

Образецъ бѣлорусскаго говора.

146. **Тверская г., Ржевскій у., с. Бобровки** (юго-зап. ч. уѣзда).

Свадебные приговоры.

Этп. сб., в. 1, 1853 г., стр. указаны ниже въ скобкахъ. [1])

1. *Отецъ жениха на рукобитьѣ (сговорѣ) угощаетъ отца невѣсты* (254).

Ну, зват, цяни стол на кут, я[2]) ву миня́ γарѣлка и пироγ тут; давай мы сваю свадзьбу скряпим.—Нутка, зватушка любезнай! прашу водки маей кушаць, да маих ряцо́в[3]) добрых злушаць.

2. *Передъ вѣнцомъ въ домѣ жениха* (255—258).

Отецъ жениха дружку. Я табѣ даю ядняγо, а ты привадзи мнѣ пару.

Дружко. Ни яднаγо ни пару, а я привяду табѣ траих и цацвёрых.

Отецъ. Не надабиць мнѣ ни трёх ни цацвёрых, а надабиць мнѣ пару: траих и цацвёрых яны сами наживуць.

Дружко. Ну, ладна, дзядзюшка старай! привядзём табѣ пару.

Дружко. Ёсь ли у нашаγо князя маладо́γа бацюшка раднэ́й, матушка радна́я? блаславиця нашаγо князя маладо́γа прибуць, придѣць, прирядзиць, абряд палажиць, бѣл цулок, сахъян сапоγ, кун-

---

[1]) Звукъ, являющійся вмѣсто *т* мягкаго и въ подлинникѣ передаваемый черезъ *тс*, мы передаемъ черезъ *ц*.

[2]) А.

[3]) *в* въ концѣ слова и передъ согласной, повидимому, обозначаетъ ў.

ню шубу, саболлю шапку, γа́рцавай[1]) пояс падпаясаць, шалко́вую петлю застябаць.

Дружко. Ти ёсь у нашаγо князя маладо́γа бацюшка радзимай, матушка радзима? Блаславице нас за столы дубовыи, за скацирьци браныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи.

Дружко. Аγап Кузмиц[2]), подзь сюды́ к нам, скажи нам, що у нас будзиць: хлѣб с соллю, аль блаславленне, аль кликанне?

Отецъ. Кликанне.

Дружко. Ну, кали́ так,—так пожалуйци нам злато́я блюда, шалко́вай плат, залатую казну збирацъ.—Ну, бацюшка радзимай, вскармив ты цада милая, дитя своё радзимая. Теперь просиць наш князь маладэ́й, а твой сын раднэй сладким мёдам, низким паклонам, щоб зелена вина выпив да весел ты быв, я нашаγо князя сярябром надзялив да радзицяльским блаславленнем.

Дружко. Цихая бясѣда, веселая иγриня, γосцики званыи, браныи! ти нѣт таких охотницков из маладых рябят пѣсню сыγрацъ, звадзьбу нацать, было б па цо́м пир спазнаць.

Холостые парни. γосцики званыи, браныи! знаим мы пѣсни и γолосныи и плясовыи: какую вам пѣсню сыγрацъ?

Дружко. Нѣт, плясовых нам ни нада, а сыγрайци нам пѣсню γолосную: басла[3]) Божа Божунька.

Парни. Знаим мы ету пѣсню, да дараγо́ яна стоиць: сто рублёв дзениγ, три скирды сѣна, двадцать каврыγ хлѣба, да двадцать цацвертей авса; нас двадцать пяць цалавѣк иγряцо́в, мы люди заѣжжіе, ёцим корьмимся мы и поимся.

Дружко. Нѣт, многo так; вы и тут пѣць ни станице, и у друγом мѣсти празѣваиции; а вот вам штох γарѣлки, пива многа да, как сумы, два пиро́γа.

Парни. Ну ж давайци пива многа да, как сумы, два пиро́γа. Ти ёсь в нашаγо князя малодоγа бацюшка раднэ́й, матушка радная, сестрицы радзи́мы, брайцыки радзимы и γосцики званыи, браныи? Блаславиця нашаму князю маладому пѣснинку сыγрацъ, свадзьбу нацать, было б па цо́м пир спазнаць, а нам низькій паклон атдаць.

Всѣ присутствующіе. Боγ блаславиць.

---

[1]) Гарусный.

[2]) Имя женихова отца.

[3]) Благослови. (Сравн. пѣсню подъ № 97 на стр. 143).

Приговоры дружка.

а) *Передъ обѣдомъ.* Ну, бацьки маи радзимаи, маладо́γа дали мнѣ; таперь дайци водки, пива скольки нада, сорок сараков бальших пираγов, а малиньких змѣту нѣту, да тысяцу ложик.—Людзи добраи, разумнаи, распривкрасныи, прявумныи, и бацюшка радзимай з матушкай радзимай, блаславиця нас за столы дубовыи, за скацирьци браныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи, хлѣба соли кушаць да добрых ряцов слухаць.

б) *Передъ благословеніемъ жениха.* Ти ёсь ли в нашаγо князя навабражнаγо радвэ́й бацюшка? Подзь сюды, выступи! бласлави нас на добра́ каня сѣсь, у цисто поле выѣжжаць, с буйны́м вятро́м ваеваць, в зелёныи дубро́вы к саборнай черькви стаць, злат вянец палуцаць, сваю сужану паняць, Божій за́кан приняць.

в) *Послѣ благословенія жениха.* γости званыи, браныи, веселая пγре́ня, цихая бясѣда, ушти́ваи жо́ны, пацотныи мужья, малаи рябяты! усѣ блаславиця на́шаγа князя маладо́γа! а хто ни блаславиць, таму сваих дзятей ни блаславляць, сваих сынов ни жаниць, даціо́в замуж нитдаваць.

3. *У невѣсты передъ вѣнцомъ* (259).

Дружко жениха отцу невѣсты (*у воротъ*). Зватушка любезнай! мы савѣт савѣта́ли, и слава́ клали, и Боγа цалавали; у нас ёсь князь маладэ́й, а у цебя княγиня маладая; а лю́бы γосци—примице, а не любы—назад пашлице.

Дружко (*въ избѣ*). Здрастуй, сватушка любезнай, сватьюшка любезна! ти ждали вы γасцей к сабѣ, и как мы таперь схадитца изволим на хлѣбѣ - соли?

Отецъ невѣсты. Миласти просим, а пожалуйце хлѣб-соль сваю, с цѣм вы к нам пріѣхали?

Дружко. У нас хлѣб-соль свая ёсь,—сійцас принясём.

4. *На другой день* (265).

Гости (*принося со двора солому и соря ею въ избѣ*). Маладая долγа спала, да цялёнка празявала: ён на дварѣ и замёрз; вот я пайшов, да яγо и знайшов; на, вот, палязди па няγо!

Молодая (*подметая*). Памилуй, бацюшка, заступись за миня!— γости усю хату саломой наγрузили.

Разсказъ крестьянина.

Тамъ же, стр. 281—282.

Жив я у батраках у Липовкѣ [1]), и ув вадзин дзень выпряγ палуднавацъ; папалуднавав и лёγ атдыхаць на лаўку и вснув; и ув васнях ввидзив, и приходзиць ка мнѣ старик такей рыжій: и що ты, γавóриць, мóладиц, думаиш? А що, я кажу, ницоγ. Как, γавóриць, хоцыш ты дзениγ? Как, я γавóрю,—а ты мнѣ нѣшта дзениγ даш? Да, я табѣ, γавóриць ён, дам. А какіим рóдам, я γавóрю, дасі́ ты мнѣ дзениγ? Я, он γавóриць, табѣ клад укажу. А идзѣ, я кажу, клад? А вот, ён γавóриць, у вашам сялении клад, и стольки, такей клад, γавóриць, боцка саракави́ца; и ня стольки, γавóриць, твайму роду давóли будзиць—вашему усяму сяленню досыць будзиць; боцка, γаворить, саракавица; палавину злата, да пала́ви́ну сéрибра, и твая цась выниць ёци дзеньγи; и ступай ты проци Ивана [2]), каравуль: яны табѣ проста сдадутца. А я γавóрю: я адзин баюсь. Эх, γавóриць ён, цаγо, γаворить, табѣ баятца? Яны проста табѣ и здадутца. Ну, кали так, γаворить, вазмі́ ж ты мла́да юнаша сабѣ для змѣласци. Я и пайзвав малаγа разбору цалавѣка и зайшов къ таму цалавѣку пройци Ивана. Ступай, брат, я γавóрю, пайдзéм; а вот, брат, ён γавóриць, вужинаю; падзи, γавóриць, садзись, я апаслѣ́ прійду́. Я пайшов, перякцився [3]) и сѣв. Вдруγ—я сяжу, ни рабѣю ницаγо, дажидаюся таварища; удруγ выходзиць з бани женщина, эдакая абрядная: платця в ней бѣлая, падпаяска в ней жолтая, и на γалавы надзѣта жолтая. Ну, тоя мѣста, идзѣ клад, и вароцаитца ета женшина и паварациваитца. Вот, патом я па ее зматрю: паварацилась яна́ раза́ три круγом, апяць у баню пайшла и баню запёрла. Я ей ницоγ ни сказав. Вот, я γлядзь у стóрану, паγляжу: баγиць пес, етакій γлазатый, привстрашéннай; я и упудзився пса таγо, я и полна сидзѣць; товариша майγо нѣту, вот я и пайшов на вход. Вот, я бѣжаць, а ён мяня сзаду хватаць, так и ловиць. Лидва́, лидва́ дамов прибёγ, цуць живэ́й прибеγ. Прибѣγ дамов, на пецку как леγ, так и ня встав; дзвѣ нядзѣли и выляжав.

---

[1]) Липовка—деревня, отстоящая отъ с. Бобровки около полуторы версты.
[2]) Т.-е. Ивана Купала (24 іюня).
[3]) Перекстился, т.-е. перекрестился.

147. Образецъ малорусскаго говора.

Воронежская г., Богучарскій у., слобода Красножонова (на р. Лѣвой, юговост. часть уѣзда, южнѣе Дона).

Разсказъ крестьянина.

К. Филатовъ. Очеркъ народн. говоровъ Ворон. губ. Р. Ф. В., т. 40, 1898 г., № 3, стр. 51—52.

Приходить кум до кума сусіда: «Здоров був, кум?»—А здоров, здоров. Шо ж, був у городі?—«Був».—Шо ж ти там бачив?—«Тай я там бачив таке, шо трішкі[1]) й ни луснув со сміху. Іду то я над столбиками, коли дивлюсь, чи йиде, чи іде шо-сь, та так швитко, тай ще на сторони поглядае, чи, бач, дивлюцця на ёго люди. Тілько він зо мною порівнявся—дивлюсь: пан сидіть на двох колищатах [2]), тай ногами меле, а колищата ті біжять, як молія свиркае; а він так, значицця, з важности на сторони поглядае, чи, бач, дивлюцця на ёго скуство люди. Дивлюсь, дивлюсь, кажу, добродію, та як би ви, пане, політіли, так ще б більше било дива! Толькі оце я продумав про себе,—дивлюсь, а він хрясь тай лежить; куды й колищаты покотились. Я підходив бліжче, нагнувсь да так з ласкі й кажу: ова, пане, кріпко зашиблись? А в ёго штанинята так пополам лопнули. А він як схватицця да як накініцця на мене: проч, подлий хохол, пошол! Я пійшов тай думаю: ти о ёму пожаліиш, а оно ще тебе і вилае». —І шо ж воно ото було, кум, на чому він йіхав? Шоб тобі було поспитати.—«Еге! я спитав. Іде якій-сь барін, а я зняв шапку да до ёго: звольтись, кажу, ни гніваццяя, як воно оце буди на прозвання? А він каже: вилійся мед».—Вилійся мед! А! На шо ж таке мъя[3]) давати «вилійся мед»?—«Еге! на шо! Він ото як полетіть з ёго, та як вильицця з ёго мед, так ёму гірько буди».

---

148. Образецъ литературнаго языка въ московскомъ произношеніи.

Помѣщенный здѣсь образецъ передаетъ произношеніе двухъ коренныхъ москвичей, при чемъ въ основу положено произношеніе

---

[1]) См. въ словарѣ трохи.

[2]) Колесахъ.

[3]) Имя.

Д. Н. Ушакова; въ сноскахъ подъ цифрами приведены варіанты произношенія Н. Н. Дурново, а въ сноскахъ подъ буквами—возможные у обоихъ варіанты произношенія, а также нѣкоторыя объясненія.

Въ транскрипціи, кромѣ уже указанныхъ на стр. 4—6, приняты слѣдующія обозначенія. Согласныя передъ буквами: *е*, *и*, *į*, *ä*, *ö*, *ÿ* обозначаютъ мягкіе звуки; мягкость согласныхъ въ другихъ положеніяхъ, а также полумягкость ихъ отмѣчены обычными значками (см. стр. 5). Буквы *е* и *э* означаютъ одинъ и тотъ же гласный звукъ *э*, но первая изъ нихъ употреблена исключительно для обозначенія этого звука послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, а вторая—въ началѣ слова и послѣ твёрдыхъ согласныхъ; *ыⁱ*—звукъ верхняго образованія передне-средняго ряда, т.-е. средній между *ы* и *и*; *ъ*—слоговой полуглухой гласный звукъ средняго образованія средняго ряда; *ь*—такой же звукъ передне-средняго ряда (средній между *э* полуглухимъ и *ъ*)[1]); *ъʸ*—звукъ средне-задняго ряда, т.-е средній по мѣсту образованія между *ъ* и *о*, на слухъ болѣе лабіализованный, чѣмъ *о*. Точка *подъ* буквой—полуглухое произношеніе соотвѣтствующаго гласнаго звука (являющееся преимущественно въ концѣ слова); по чисто техническимъ соображеніямъ полуглухость *у*, *ÿ* (встрѣчающаяся только въ концѣ слова) не обозначена; точка подъ *ъ*—глухое произношеніе этого звука (наблюдаемое при положеніи его между двумя глухими согласными). Точка *надъ* буквами *а*, *о*, *у* означаетъ принадлежность этихъ звуковъ къ среднему ряду. Буквы *ä*, *ö*, *ÿ*,—нижній нелабіализованный и средній и верхній лабіализованные звуки передняго ряда. Знакъ ˆ надъ буквой—напряжённость гласнаго звука; но напряжённость неударяемаго *о*, а также напряжённость полуглухого *и̣* въ концѣ словъ послѣ согласныхъ, вслѣдствіе нѣкоторой трудности её опредѣлить,—осталась необозначенной. Кромѣ того, не обозначаются ирраціональность гласныхъ и мягкость согласныхъ передъ *и* и *е* (послѣдняя—чтобъ не пестрить безъ особой нужды текста). Не обозначаются особыми знаками сочетанія твёрдыя и мягкія *бм*, *пм*, *дн*, *тн*, *дл*, *тл*, въ которыхъ *б*, *п*, *д*, *т* («фаукальныя» передъ *м*, *н* и «латеральныя» передъ *л*) отличаются по образованію отъ звуковъ, означаемыхъ тѣми же буквами въ другихъ положеніяхъ. Знакъ ʹ справа за буквою означаетъ сильное

[1]) Въ предшествующихъ №№-ахъ онъ передавался черезъ ь̥.

удареніе, а′—слабое. Въ одно слово напечатаны звуковые комплексы, объединённые однимъ удареніемъ, а также тѣ случаи, гдѣ словораздѣлъ приходится въ серединѣ долгаго согласнаго звука.

Изъ возможныхъ варіантовъ произношенія неотмѣченными остались слѣдующіе: 1) въ концѣ словъ при извѣстной интонаціи преимущественно передъ паузой гласные звуки средняго образованія ъ и ъ могутъ переходить въ гласные звуки нижняго образованія тѣхъ же рядовъ, акустически болѣе близкіе къ *а*: разсказъ Чехов*а*, Вар*я*, Варечк*а*, Кол*я*, Кост*я*, Нин*а*, Фиф*а*; 2) сочетанія ja, jo, jŷ, jу при менѣе энергичномъ произношеніи во всякомъ положеніи могутъ переходить въ i̯a, i̯o, i̯ŷ, i̯у (съ гласными средняго ряда).

Да′чники.

Раска′с Че′хъвъ.

Пада′чнъi̯ платфо′рми̣ вза̀т ыфпиро′т прагу̑′ли̣въльс па′ръчкъ нида′внъ пъжыⁱни̑′фшъ̣хсъ супру̑′гъф. О′н диржа′лыi̯о̑ [1]) зата′ли̣i̯у̑, аана′ жа′лъ̂с книму̑′, но′бъ бы̑′ли̣ ш̄ӓ′сли̣вы̣. Из̄ао′блъ̂чнъ̂х абры̑′фкъ̣ф глиде′лъ нани̑′х луна′ ихму̑′ри̣лъ̂с: ви̣раjа′тнъ, jе̂′i̯ бы̑′лъ зави̑′днъ идаса′днъ нъсваjо̀ ску̑′шнъi̯ь, никаму̑ нину̑′жнъi̯ь де′фствъ. Нипадви̑′жнъi̯ во′здух бы̑л гу̑′стъ насы̑′ш̄ц̣н за′пъ̣хъм спре̂′ни̣ ичиро′мухи̣. Где′тъ̣ [2]), патусто′ръну ре̂′л̸съ̣ф, крича′л къраст е̂′л̸.

— Ка′к хърашо′, Са′шъ, ка′к хърашо′! — гъвари̑′лъ жына′.—Пра′въ [3]), мо′жнъ паду̑′мът, штъфсо′̂этъ [4]) сни̑′цъ̣. Ты̑ пъ̣сматри̑′, ка̀к уjу̑′тнъ ила′скъвъ глиди̑′т э′тъ̣т лисо′к! Какми̑′лы э̂′ти̣ сали̑′днъ̂и̣, мъ̂лчили̑′въ̂и̣ ти̣лигра′фнъ̂и̣ сталбы̑′! Ани̑, Са′шъ̣, а̇жывлä′ӱт ланша′фт ыгъвара′т, штъ̣та′м [5]), где′тъ̣, jе̂′с′т [6]) л̸у̑′ди̣... цывилиза′цъi̯ь..... Ара′з̄ви̣ тибе̂ нинра′ви̣ц̄ъ̣, када′ дътвъиво̀ слу̑′хъ ве̂ти̣р сла̀бъ дано′си̣т шу̑′м ыду̑ши̣въ по′издъ?

---

[1]) диржа′л—ці̯о̑ (*л* твердо, черточка означаетъ слогораздѣлъ)

[2]) γде′тъ̣

[3]) пра′wъʸ

[4]) штофсо′̂этъ

[5]) штота′м

[6]) jе′с

— Да́.... Как'и̯и, адна́къ, утпба́ ру́кп гара́чпи! Э́тъ а̄таво́, штътывалну́ишсъ [1]), Ва́рь... Што́ уна́сиво́днь [a]) ку́жыну гато́вили?

— Акро́шку ицыпло́нкъ.... Цыпло́нкъ на́м пъдвап'γ даво́лнъ. Тпбе́ изго́ръдъ привиз'лп́ сарди́ны ибалы́к.

Луна́, то́чнъ тъбаку́ пану́хѣлъ, спра́тѣлѣзао́блѣкъ. Луцко́іь ша́с̄тіь [2]) напо́мнилъ је́і абыјо́ адино́чпс̄тви, адино́къі пасте́лп зълиса́ми идала́ми...

— По́ист ыдо́т!—сказа́лъ Ва́рь.—Ка́к хърашо́!

Вдали́ пъказа́лис три о́гнинѣп [3]) гла́зъ. Нъплатфо́рму вы́шел нача́льник пъ^у^луста́нкъ. Нарѐ'лсъх та́м ыса́м зъмилка́ли сигна́лнѣп агни́.

— Право́дим по́ист ыпаідо́м дамо́і, — сказал Са́шъ изпвну́л.—Хърашо́ намстабо́і жы^і^во́цъ, Ва́рь, та́к хърашо́, штъда́жъ [4]) нивираја́тнъ!

То́мнъіь страшы́лишь биш̄у́мнъ пътпалзло́ кплатфо́рмп настънави́лѣс. Фпъ^у^луа́свишо́нѣх ваго́нѣх о́кнъх зъмилка́ли со́нѣп ли́цы, шла́пки, плѐчи...

— А́х! А́х!—паслы́шълѣс ызъднаво́ ваго́нъ.

— Вар'ь сму́жъм вы́шлъ на́с фстрѐти́т! Во́т ани́! Ва́ринкъ!.... Ва́ричкъ! А́х!

Изваго́нъ вы́скъчили д̆веде́въчки [б]) ипави́сли нашэ́и уВа́рп. Зани́ми пъказа́лѣс по́лнъіь пъжыла́іь да́мъ ивысо́къі гъспади́н с̄иды́ми ба́чкъми, пато́м двагимназѝстъ, навју́чинѣп [5]) бъгажо́м, зъгимназѝстъмп гувирна́нкъ, зъгувирна́нкъі ба́бушкъ.

— Аво́т ымы́, аво́т ымы́, дружо́к!—на́чил гъспади́н зба́чкъми, пъжыма́іь Са́шыну ру́ку. — Ча́і, зъждалса́! [6]) Нибо́з бранп́л да́ду зато́штъ нијѐдит! Ко́ль, Ко́с̄ть, Ни́нъ, Фи́фъ... дѐти! Цалу́іти кузэ́нъ Са́шу! Фсе́ ктибѐ [7]),

---

[1]) а̄таво́, штотывалну́ис̄ъ *или* а̄таво́штъ тывалну́ис̄ъ
[2]) ша́с̄іь
[3]) трио́гнинѣи
[4]) штода́жъ
[5]) павју́чинѣи
[6]) зажда́лсъ
[7]) хтибо́

а) здѣсь с̄ съ твердымъ началомъ и мягкимъ концомъ
б) *не* двѣ....

фсе́м вы́въткъм, идинка́ на́трп, нъчпты́рп. Надѣ̂ус ни́сгисни́м? Тыпажа́лѣсть, бисцыримо́нпи.

Увп́дпв дя́ду а) симе̂́іствъм, супру́ги пришли́ ву́жѣ̂с. Пака́ дя́дь гъвари́л ыцѣ̂лава́лсъ, въабражэ́нии Са́шы пръмилкну́лъ карти́нъ: о́н ыжына́ адајуд гаста́м сваи́ трико́мнъты, паду́шки, адија́лъ; балы́к, сарди́ны пакро́шкъ сјида́уцъ [1]) вадну́ сику́нду, кузэ́ны рву́цвиты́, пръливау́чирни́лъ, галда́т, то́тушкъ цэлѣ̂и дни́ талку́нг ъсвајѣ̂і балѣ̂зни (солитэ́р ыбо́лі падло́жъчкъі) пато́м, штъана́ [2]) уражд́о́нъіь бъране́съ фонфи́нтпх...

ИСа́шъ ужэсне́нъвистіу [3]) сматре́л нъсвају́ мѣ̂ладу́у б) жыну́ ишыпта́лјѣ̂і:

— Этъ ани́ ктибе́ [4]) пријехъли... чо́рдбѣ̂ [5]) ихпабра́л!

— Не́т, ктибе́! [4]) — атвича́лъ ана́, бле́днъіь, тожъсне́нъвистіу в) псазло́бъі. — Э́тъ нимаи́, атваи́ ро́цтвиники!

Иабирну́фшъз гаста́м [6]), анасказа́лъ сприве̂тливъі улы́пкъі:

— Ми́лѣ̂сти про́сим!

Изао́блѣ̂къ апа́т вы́плѣлъ луна́ г). Каза́лѣ̂с, анаулыба́лѣ̂с; каза́лѣ̂с, јѣ̂і былъприја́тнъ, штъунијо́ [7]) не́т ро́цтвиникъф. АСа́шъ атвирну́лсъ, штъбѣ̂скры́т [8]) адгастѣ̂і сваіоснрди́тъіь, ача́инъіь лицо́, исказа́л, придава́іь го́лѣ̂су ра́дъснъіь, блѣ̂гаду́шнъіь выражэ́ніь:

— Ми́лѣ̂сти про́сим! Ми́лѣ̂сти про́сим, дьраги́и го́сти!

---

1) сјида́уцъ
2) штоана́
3) ужъсне́нъвистіу
4) хтибе́
5) чо́рдбы
6) Пабпрну́фшъ̂с гаста́м
7) штъу унијо́
8) штобъ̂скры́т

а) здѣсь, передъ с, можетъ быть и дя́ду
б) у̂ слышится только въ тѣсной связи со слѣд. словомъ; иначе: мѣладу́іу
в) здѣсь, передъ и слѣдующаго слова, вмѣсто у можетъ являться у̂
г) *или* вы́плл луна́

Словарь.

Два ударенія на словѣ означаетъ употребленіе этого слова съ двоякимъ удареніемъ

Бажóный—желанный, сердечный.
Баскóй—красивый, хорошій.
Бáчить—видѣть.
Бéрдо—принадлежность ткацкаго станка; родъ гребня, между зубьями котораго продѣты нити основы.
Бóбка—кукла, игрушка.
Болонá—опухоль, желвакъ.
Большáкъ—хозяинъ.
Большýха—хозяйка.
Бóры́—сборки, складки.
Буркáть—бросать.
Бýчень, бýчинь—шмель.
Вáрандать—ворчать, ругаться.
Варъ—кипятокъ.
Верéя́—столбъ, къ которому привѣшиваются ворота.
Вéшница, веснýха,—весенняя лихорадка.
Взáболь—вправду.
Ви́ловатый—въ два ствола (о деревѣ).
Ви́сьли—ленты сзади на головномъ уборѣ.
Ви́чка, уменьш. отъ ви́ца—вѣтка.
Волнýха—волнушка, извѣстный видъ грибовъ.
Волóга—приправа ко щамъ, а также вареная жидкая пища.
Волочи́ть — тащить по землѣ, тянуть; в. кудéлю—пропускать к. черезъ гребень.
Воронéцъ—брусъ, переводина, широкая и толстая доска, въ видѣ полки, вдоль и посреди всей избы.
Вороши́ть — ворошить, ворочать, шевелить.
Врагъ—оврагъ.
Втóрнуть—воткнуть.
Вязёнка—варежка.
Гáнки—крыльцо; ступеньки.
Гарнитýровый (платокъ), т. е. гродетуровый, шелковый.
Гати́ть—заваливать топь, болото хворостомъ, землей.
Гать—загаченное мѣсто, насыпь, плотина (см. гатить).
Глáдкій—толстый, полный.
Глóбка—тропка.
Гнеть—междометіе, показывающее быстроту паденія; сравн. хлопъ, брякъ.
Говóря—разговоръ.
Гóкнуть—удариться.

Городки́—кружева.

Гость торговый—купецъ (былинное).

Гре́бать—брезговать.

Грома́да—сходка.

Гря́дка, гря́дочка въ избѣ—жердь, или брусъ поперёкъ избы подъ потолкомъ.

Да́ромъ—лишнее, не нужно.

Дво́ру́—домой.

Девя́тня, деся́тня—холстъ въ 9, 10 пасмъ основы, а также бёрдо для такихъ холстовъ.

Дежа́—квашня.

Де́ргань—по́сконь (см.).

Деся́тня—см. девятня.

Диви́ться—смотрѣть.

Дли—подлѣ.

Добро́дій — господинъ, собств.—благодѣтель.

Добрѣ́—очень.

Домови́ще—гробъ.

Досю́ль — давно, нѣкогда.

Доце́ль—до сихъ поръ.

Дро́бный—мелкій.

Души́ца—душистая трава, лѣсная мята.

Ело́ховый—ольховый.

Жараве́цъ, жураве́цъ—рычагъ у колодца съ бадьей на одномъ концѣ и грузомъ на другомъ (собств.—журавль).

Жаравли́ка—клюква.

Жаръ—горячіе уголья.

Жела́нница—любящая, любимая.

Желна́, жолна́—большой черный дятелъ.

Журави́на—клюква.

Забунтова́ть—замести.

Заво́й—онуча.

За́воротникъ—воротникъ.

Завья́ть—завѣять, занести снѣгомъ, пескомъ, а также быть завѣяннымъ и т. д.

Завѣ́ска—длинный женскій передникъ, иногда съ рукавами.

За́ймище—мѣсто занятое подъ пашню; мѣсто заливаемое водою.

Заку́та—шалашъ, хлѣвъ, конура и т. п.

Застеба́ть—застегнуть.

За́стрѣ́ха, -шка—нижняя часть крыши, свѣшивающаяся надъ стѣной; нижняя жердь на крышѣ; крыша.

Зацкува́ть—натравить.

Зда́рье—свадебные дары.

Зепь—карманъ, сумка.

Зли—для, возлѣ.

Зуй—куликъ.

Зю́кать—бесѣдовать.

Исчуня́ть—см. щунять.

Ка́ведь—мошкара.

Каза́ть—говорить.

Какора—бранное слово.

Камна́тка—досчатая перегородкв въ избѣ (Зеленинъ).

Ка́ньги—валяные сапоги.

Кесь—кажется, повидимому.

Кига́ча—мошка передъ осенью.

Ки́пень—бѣлая пѣна отъ кипѣнья, накипь.

Кли́канье—потчиванье дружкою на свадьбѣ всѣхъ гостей по очереди.

Коклю́шки (въ ткацкомъ станкѣ) — веревки, соединяющія нитченки съ подножками.

Коли́нъ (коли инъ)—коли, если.

Ко́нникъ—лавка.

Коси́вчатый см. косящатый.

Косте́рь—трава, растущая въ ржи.

Культу: Кося́щатый—эпитетъ окна: изъ деревянныхъ косяковъ сдѣланный, въ отличіе отъ волоковаго.

Котля́ный—тёмный, тёмносиній.

Коты́—башмаки, калоши.

Ко́четъ—пѣтухъ.

Краси́къ—сарафанъ изъ домашняго выкрашеннаго холста.

Кра́сота (дѣвья)—ленты въ косѣ невѣсты.

Кресто́вый, кресто́вая—названный братъ, названная сестра; также—крестный,-ая.

Крини́ца — источникъ, ключъ, родникъ, мелкій колодецъ съ ключевой водой.

Кро́сно, красно́, мн. ч. въ томъ же значеніи кро́сна́—ткацкій станокъ, особенно съ начатой уже работой.

Кругова́я пѣсня—хороводная.

Крута́—одежда.

Кру́то—скоро, торопливо.

Куде́ля—пучекъ льна, пеньки или шерсти, приготовленный для пряжи.

Кули́га—лугъ.

Кума́чница, кума́чникъ—кумачный сарафанъ.

Курева́—пыль.

Кутъ, куть—уголъ въ избѣ; опредѣленный уголъ, напр. около печи, или же почетный (красный) уголъ подъ образами. «Тяни столъ на кутъ»—отъ печи въ красный уголъ. «Отъ кути до кути»—отъ печи до порога.

Кучеря́вый—курчавый.

Лагу́нъ—бочка.

Лапотины—одежды.

Лапу́шка—съ широкими, большими листьями (о травѣ).

Ле́два—едва.

Лене́къ—см. линекъ (лень-линь).

Ли́байдать—трястись отъ холода.

Линёкъ—кончикъ линя́ (веревка) для тѣлесныхъ наказаній на морѣ.

Ломъ. Даль, Т. Сл.: «Заячьи ломы—крюки, петли. До́мы-то, домы, ровно заячьи ло́мы! о безпорядочно раскинутой деревушкѣ».

Лони́сь—въ прошломъ году.

Луто́шка—ободраная липа (Даль), тругъ (Синозерскій).

Лутъ—лыко, мочало.

Лю́жба—любовь, вызванная посредствомъ колдовства.

Лѣсни́къ—охотникъ.

Ма́лтать—понимать, смыслить.

Ма́тица—поперечная балка въ потолкѣ.

Махо́тка, махо́точка—небольшая кринка, маленькій горшочекъ; малютка, дѣвчонка.

Медвѣ́жна—медвѣжья шкура.

Младе́нское—младенческая болѣзнь, родимчикъ.

Младъ—см. младенское.

Моря́нинъ—см. поморъ.

Мосо́лъ—толстая, большая кость.

Мостъ—всякаго рода настилка для ходьбы или ѣзды; отсюда—полъ въ сѣняхъ, на крыльцѣ и т. п.; сѣни, крыльцо.

Мотови́ло—снарядъ для размотки пряжи въ клубки.

Моче́нецъ—сырое конопляное волокно, послѣ одной только мочки, необмятое и неочищенное.

Музля́—мозоли.

Муто́вязокъ—верёвка, завязка, шнурокъ.

Мы́чка—мочка, куделя, ленъ или пенька въ сверткѣ, начисто изготовленные для прядева.

Набѣ́лки, наби́лки (въ ткацкомъ станкѣ)—деревянная рама, въ которую вставленъ гребень (бёрдо), служащій для прибоя утка́.

Нава́дный — соблазнительный, искусительный.

Наде́рнуться—наскоро одѣться.

Назёмъ—навозъ.

Назли́шный—лишній.

Нако́нъ—разъ, пріемъ.

Наугру́нь—быстро, очень шибко.

Наче́ю (начаю?)—думаю.

Негдѣ—гдѣ-то.

Непроносное словцо. Даль, Т. Сл.: «не въ проносъ слово сказано—между нами, не пересказывай», а также: «проносъ—поношенье обида: не въ проносъ вашей гости сказано».

Ни́(т)ченки—нитяныя петли въ ткацкомъ станкѣ для подъема нитей основы.

Ни́чка—подкладка для зипуновъ.

Ново́й—въ № 6—иной.

Но́чва или мн. но́чвы—корытце, лотокъ.

Ну́жный—въ №№ 1 и 13—терпящій нужду, бѣдный.

Обмѣ́нъ—1) мѣна, 2) обмѣненный, обмѣнёнокъ—безобразный, уродливый, глупый.

Обмѣшу́лка—ошибка.

Ободве́рина—дверные косяки, два стояка съ притолкою и съ порогомъ.

Оболокся—одѣлся.

О́бро́ть—недоуздокъ, узда безъ удилъ, съ однимъ поводомъ для привязи.

Обыгрывальная пѣсня—вечериночная, въ отличіе отъ свадебной.

Ога́льчикъ, оголе́цъ—голе́цъ, родъ мелкой рыбы.

Ого́рить—добыть что-либо усиленными, горькими трудами; напр., «огорилъ купить лошадь» (Дополн. къ опыту областн. словаря).

Омша́ни́къ — проконопаченное (мохомъ) строеніе, служащее кладовой.

Опослѣ́йше—послѣ.

Опу́шина—собранныя сборами ленты вокругъ головы.
Осно́ва—продольныя нити ткани.
Отво́ды—обратные визиты родителей невѣсты къ родителямъ жениха.
Отка́зывать—отвѣчать.
Отку́тать—отворить, откута́ть—отворять, отпирать.
Охлѣвъ—хлѣвъ.
О́цѣпъ—жердь для люльки.
Очунѣть—очнуться.
Па́бѣдъ, па́обѣдъ—полдень.
Пави́нъ—павлинъ.
Паляни́ца—булка, пирогъ безъ начинки.
Папе́ра—бумага.
Па́смо—мотокъ нитокъ.
Па́ужина, па́ужинъ — закуска между обѣдомъ и ужиномъ.
Перь—теперь.
Пе́стрядь—холстъ изъ крашеныхъ и бѣлыхъ нитокъ.
Побѣдный—несчастный.
Повѣть—крыша, крытый дворъ; въ № 29—верхній дворъ.
Погово́рка—говоръ, произношеніе.
Подзаты́лень—задняя часть головного убора, состоящая изъ картонки, обшитой матеріей и унизанной бисеромъ.
Поды́ливаетъ—изрѣдка падаетъ снѣгъ.
Позбо́чь—рядомъ, бокъ о бокъ.
Позды́нывать (= повздынивать)—поднимать кверху.
Показа́ться—поправиться.
Пока́лѣ—пока.
Покля́пый—понурый, наклоненный.
Покрѣпить—чинить.
Поку́читься кому — попросить кого убѣдительно, упрашивать, докучать просьбами.
Пола́вочникъ — покрышка на лавку (холстъ).
Полозо́къ — частая сѣть для ловли мелкой рыбы, привязываемая къ палкѣ.
Полуша́локъ—большой платокъ, шаль.
Польско́й — полевой; польской тетеревъ—простой степной тетеревъ.
Полѣсникъ—охотникъ.
Поля́ковать въ чистомъ полѣ—былинный терминъ о богатырѣ: проводить время въ степи за богатырскимъ дѣломъ.
Помо́ръ, помо́ринъ, поморя́нинъ— житель поморья.
Помѣша́ть—сдѣлать помѣшаннымъ.
Пони́токъ — домотканое полусукно (портяное съ шерстью); кафтанъ изъ такой ткани.
Попри́тчиться кому—приключиться; померещиться.
Портяно́й, портя́ный — холщевый, пеньковый или льняной, въ отличіе отъ шерстяного, суконнаго.
По́свитокъ—длинная исподняя рубаха.

Пóсконь—мужская особь конопли, идущая въ пряжу.

Постáть, ж. р.—поле; пай укоса, луговой участокъ (по жеребью).

Пóстовать—поститься.

Пóтка, пóточка—птица, птичка.

Почéлокъ — головной дѣвичій уборъ, кокошникъ.

Прибóръ—въ № 32—собранiе гостей.

Приворнýть—украсть.

Пригóнъ—барщина.

Приклúчивать—призывать, приглашать.

Принаторѣ́ть—приноровиться.

Прирóда—родня.

Прúстрижь — овечья шерсть осенней стрижки.

Причáствоваться къ чему, причáствовать чему — участвовать въ чемъ, быть причастнымъ.

Прозóристый—ясный.

Прóстень — початокъ, веретено съ пряжею.

Прóшéсть—ткань, еще въ ткацкомъ станкѣ (именно, натянутая часть ея отъ вала, на который она наматывается, до гребня, которымъ прибивается поперечная нитка, утóкъ, къ нитямъ продольнымъ, основѣ).

Пря́сенка—прялка.

Пря́слица—см. прясенка.

Пря́сло—звено изгороди, забора; изгородь.

Прятки. Въ пряткахъ — въ закрытыхъ мѣстахъ.

Пытáть—спрашивать.

Рáменье—лѣсъ (преимущественно—сосѣднiй съ полями, пашней).

Расклевúть—дразнить.

Рдиться—краснѣть.

Ревѣ́ть—кричать.

Рей—поперечное дерево на мачтѣ; висѣлица.

Рéли—висѣлица; качели.

Ремекъ—см. рямъ.

Рóдный—ражiй, дюжiй, взрачный.

Рóта—рута (растенiе ruta graveolens).

Рудá—кровь.

Ручéнька—полное веретено пряжи, сколько идетъ ея на веретено, сколько можно напрясть и намотать на рукѣ, безъ отягощенья ея.

Рѣ́пница—рѣпяной квасъ.

Рѣшúться—кончиться.

Рямъ, рямóкъ, ремекъ—лохмотья, рваная одежда.

Сбивáть громáду — собирать сходъ.

Свекры́—сверковь.

Сривáть(ся)—одѣвать(ся).

Свя́сло—связка.

Севóгуды—въ этомъ году.

Семью—семь разъ.

Сéночи—въ эту ночь.

Сúльки, сúлечки—цыплята.

Сúночка, уменьш. отъ сúнка—синица.

Сúчный — плотнаго, прочнаго тканья.

Скúпка—ломоть.
Скопá — хищная птица (Falco Haliaëtos).
Скрýта—см. крутá.
Скýла—опухоль.
Слань (стлань)—полъ въ сараѣ.
Снасть, снастúшки — приспособленіе, выдумка.
Снúзки—нанизанныя бусы.
Сорóка—головной платокъ или родъ повойника изъ платка, надѣваемый на кичку (нижній чепецъ).
Спасúть—пасти.
Спень—сонъ.
Сподобля́ться—наряжаться.
Спрокýдить — напроказничать, попортить.
Спустúть—пустить, впустить.
Стáенька—дворъ? см. стаи.
Стáи—дворъ.
Старúка — овечья шерсть первой весенней стрижки.
Стужень—передняя часть саней.
Стѣнá—отрѣзъ холста (у ткачихъ): холстъ разныхъ сортовъ рѣжется различно.
Сýвалка (сýволока)—кострá (негодныя волокна) отъ пеньки, пакля.
Сугрёвый—милый (отъ сугрёвъ, сугрѣ́въ, въ собств. знач.—тепло).
Суслóнъ—составленные на жнивѣ для просушки снопы (количество ихъ и способъ укладки различны въ различныхъ мѣстностяхъ).
Танóкъ—хороводъ.
Тóжно—теперь, тогда.
Токовище—сборное мѣсто (собствен. птичій токъ).
Толкýнъ—комаръ.
Толмáчить —переводить.
Толóкá—въ № 116 — пóмочь, сборъ населенія къ одному хозяину на какую-нибудь работу.
Тóлсто, «толстымъ голосомъ» говорить, пѣть и т. п.—басомъ.
Тóчиво—домашній холстъ.
Трáтить—губить, портить.
Трóхи, трóху, трóшки-немного.
Трóю—трижды.
У́жина—ужинъ.
Упýдиться—испугаться.
Утóкъ—поперечныя нити ткани.
Фóфанъ—дуракъ.
Харкú—мокрóта.
Хархóвище—мокрóта.
Хлыстáться (хлы́щутся)—плескаться и брызгаться водой во время купанья.
Ходáкъ—туфля.
Хóлиться—баловаться, нѣжиться.
Хравúна—болячка, прыщъ, пузырь.
Цыбáрка — бадья, которою достаютъ воду изъ колодца.
Чеботáрь—сапожникъ.
Челядúнъ—работникъ, прислуга.
Черёва, мн. ч.—внутренности.
Чýнки—салазки (ручныя санки).
Шабе́ръ—сосѣдъ.
Шамшýра—шапочка подъ платокъ, кокошникъ.

Шви́дко—быстро.

Шиба́ть—бросать, метать, бить броскомъ.

Шипи́ца—шиповникъ.

Шири́ться—гордиться, хвалиться.

Шире́ть—копать, рыться, ковырять.

Шо́луди, шелуди—сыпь, струпья по тѣлу.

Шумну́ть — крикнуть; шумѣ́ть кому—кричать, звать кого.

Щепе́тный—нарядный, щегольской.

Щикъ—щетина.

Щипи́чникъ—шиповникъ.

Щуня́ть—1) чуять; 2) усовѣщевать, унимать, брани́ть.

Яворъ—родъ дерева (клёна).

Пропущенныя слова.

Виля́вый—извилистый.

Ка́менка—печь; въ № 97—?

Ку́рникъ—пирогъ.

Кутя́, кутёнокъ—щенокъ.

Свилева́тый—съ перевитыми слоями, жилками; такое расположеніе слоевъ въ деревѣ наз. «свиль», въ отличіе отъ «прямослоя».

Указатель географических названій.

Цифры указываютъ №№ текстовъ; ударенія (мѣстныя) проставлены вездѣ, гдѣ они точно извѣстны составителямъ.

Указатель авторовъ.

Цифры указываютъ №№ текстовъ.

Поправки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
2	9 снизу	Б	В
5	11 „ „	всюду	всюду, кромѣ № 29,
„	13 „ „	нѣк. другія	нѣк. др.—другія
13	18 сверху	маленьки	маменьки
25	2 „ „	шишки	шшики
50	3 снизу	порет	порёт
52	12 „ „	одевала	одёвала
69	2 „ „	Москвѣ	Масквѣ
72	15 сверху	поклонитесё	поклонитисё
78	16 „ „	лѣвом	лѣвым
103	16 снизу	го	гот
140	9 „ „	как	Папóмни жа, Ильй Мýравиц, как
143	6 „ „	зеленып	зеленым
144	7 сверху	(?)	*перенести на строку 12 снизу послѣ слова* касою
146	13 „ „	Дочки	Дочка
160	11 снизу	Митрейвна	Митрейвна
184	7 сверху	жар [1])	[1]) жар
190	1 снизу	ч	ч́
199	9 „ „	баүиць	бяүиць

Кромѣ того, слѣдующія слова должны быть безъ ъ:

15	9 снизу	утряпыхъ
16	13 „ „	силъ
23	2 „ „	стрѣлетъ-палитъ
35	16 сверху	воротушкамъ
69	19 „ „	такъ
85	17 „ „	недоволенъ
88	11 „ „	онъ
96	3 „ „	безъ
114	10 „ „	Къ
166	3 снизу	насъ
169	10 „ „	пясокъ

Редакторомъ, проф. Р. Ф. Брандтомъ, во время печатанія книги были внесены нѣкоторыя поправки и даны полезныя указанія, за что приносимъ ему благодарность.

Составители.

Цифры при точкахъ указываютъ мѣсто, откуда идетъ запись, помѣщенная подъ этимъ № въ хрестоматіи, или же ближайшій къ нему болѣе значительный пунктъ, например, волостное село (такіе случаи оговорены въ примѣчаніяхъ). Къ сожалѣнію, нѣсколько мѣстъ не удалось за ненахожденіемъ нанести на карту и такимъ приблизительнымъ образомъ (№№ 10, 18, 33, 42—44, 46—48, 97, 99, 100, 111).
ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ
СТОЛИЧНЫЕ
ГУБЕРНСКІЕ
Уѣздные
Заштатные
Границы:
Губернскія
Уѣздныя
МАСШТАБЪ 100 ВЕРСТЪ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ДЮЙМѢ
1/4200000
100
200 верстъ
Бѣлое море
АРХАНГЕЛЬСКЪ
ПЕТРОЗАВОДСКЪ
Ладожское озеро
ВЫБОРГЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
НОВГОРОДЪ
ПСКОВЪ
ВОЛОГДА
ТВЕРЬ
ЯРОСЛАВЛЬ
КОСТРОМА
ВЛАДИМІРЪ
МОСКВА
НИЖ. НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
ВЯТКА
ПЕРМЬ
УФА
СИМБИРСКЪ
САМАРА
ОРЕНБУРГЪ
УРАЛЬСКЪ
САРАТОВЪ
ПЕНЗА
ТАМБОВЪ
РЯЗАНЬ
ТУЛА
КАЛУГА
СМОЛЕНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
МОГИЛЕВЪ
ЧЕРНИГОВЪ
КІЕВЪ
ПОЛТАВА
ХАРЬКОВЪ
КУРСКЪ
ВОРОНЕЖЪ
ОРЕЛЪ
Екатеринбургъ

